

Чувашский государственный институт
культуры и искусств

Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты

Бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Чувашской Республики «Чувашский государственный институт
культуры и искусств» Министерства культуры,
по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики

СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ЮРИДИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2023

УДК 08
ББК 94.3
С83

Коллектив авторов:

А. В. Минаков, Л. Н. Иванова, В. А. Боровкова, В. А. Боровкова,
Н. А. Логинова, В. Н. Круглов, В. Р. Сагитова, А. Б. Иванюженко,
Н. В. Корзникова, А. И. Газизова, Г. Е. Соловьев, Г. И. Синько,
Е. Г. Цыплакова, Ю. Г. Янкевич, А. И. Кугай

Рецензенты:

Дмитрий Васильевич Машин, канд. экон. наук, член-корреспондент РАЕН,
приглашенный преподаватель и член ГЭК РЭУ им. Г.В. Плеханова;

Оксана Ивановна Радина, д-р экон. наук, профессор Филиала
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» в г. Новошахтинске;

Эльдар Валиевич Самигуллин, д-р экон. наук, профессор
Кыргызского экономического университета им. М. Рыскулбекова

Редакционная коллегия:

Эдуард Валентинович Фомин, главный редактор, канд. филол. наук,
доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических
дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств
Минкультуры Чувашии

**С83 Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические
и социальные аспекты** : монография / А. В. Минаков, Л. Н. Иванова,
В. А. Боровкова [и др.]; гл. ред. Э. В. Фомин; Чувашский
государственный институт культуры и искусств. – Чебоксары: Среда,
2023. – 172 с.

ISBN 978-5-907688-25-4

В монографии представлены научно-исследовательские материалы известных и начинающих ученых, объединенные основной темой современного видения путей развития права и экономического развития. Монография может быть полезна для руководителей, экономистов, менеджеров, юристов и других работников предприятий и организаций, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

Материалы представлены в авторской редакции. Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы.

© Коллектив авторов, 2023

© БОУ ВО «Чувашский государственный
институт культуры и искусств»
Минкультуры Чувашии», 2023

ISBN 978-5-907688-25-4

DOI 10.31483/a-10486

© Издательский дом «Среда», 2023

Авторский коллектив

Минаков Андрей Владимирович – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета, ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», Россия, Москва – *глава 1* (в соавторстве)

Иванова Людмила Николаевна – канд. экон. наук, начальник кафедры экономики и бухгалтерского учета, ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», Россия, Москва – *глава 1* (в соавторстве)

Боровкова Валерия Анатольевна – канд. экон. наук, доцент, доцент ФГАОУВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (ИПМЭиТ), Россия, Санкт-Петербург – *глава 2* (в соавторстве).

Боровкова Виктория Анатольевна – д-р экон. наук, доцент, профессор АНО ВО «Международный банковский институт», Россия, Санкт-Петербург – *глава 2* (в соавторстве).

Логинова Наталья Анатольевна – д-р экон. наук, доцент, заведующая кафедрой экономики таможенного дела Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, Россия, Санкт-Петербург – *глава 3*.

Круглов Владимир Николаевич д-р экон. наук, доцент, профессор ЧОУ ВО «Институт управления, бизнеса и технологий», Россия, Калуга – *глава 4*.

Сагитова Виктория Равильевна – канд. психол. наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Россия, Казань – *глава 5*.

Иванюженко Андрей Борисович – канд. юрид. наук, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Санкт-Петербург – *глава 6*.

Корзникова Наталья Валерьевна – директор МБОУ ДО Центр творческого развития «Октябрьский», Россия, Ижевск – *глава 7* (в соавторстве).

Газизова Альфия Ильдусовна – д-р пед. наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого, Россия, Казань – *глава 7* (в соавторстве).

Соловьев Геннадий Егорович – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Институт психологии, педагогики и социальных технологий, Россия, Ижевск – *глава 7* (в соавторстве).

Синько Галина Иосифовна – канд. филос. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Россия, Санкт-Петербург – *глава 8* (в соавторстве).

Цыплакова Елена Германовна – д-р техн. наук, профессор кафедры региональной экономики и управления ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Россия, Санкт-Петербург – *глава 8* (в соавторстве).

Янкевич Юлия Германовна – канд. экон. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Россия, Санкт-Петербург – *глава 8* (в соавторстве).

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Санкт-Петербург – *глава 9*.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
FOREWORD.....	9
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА	12
<i>Библиографический список к главе 1 .....</i>	24
ГЛАВА 2. ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОЦИФРОСОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	26
<i>Библиографический список к главе 2 .....</i>	44
ГЛАВА 3. ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ КОРПОРАТИВНЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА	45
<i>Библиографический список к главе 3 .....</i>	65
ГЛАВА 4. ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕГАРЕГУЛЯТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	66
<i>Библиографический список к главе 4 .....</i>	78
ГЛАВА 5. МИГРАЦИОННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТАХ	79
<i>Библиографический список к главе 5 .....</i>	111
ГЛАВА 6. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПЕНСИОННОМ СТРАХОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ «СОЦИАЛЬНОГО ЭСКАЛАТОРА».....	119
<i>Библиографический список к главе 6 .....</i>	131
ГЛАВА 7. МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА	136
<i>Библиографический список к главе 7 .....</i>	148
ГЛАВА 8. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В АВТОШКОЛАХ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	149
<i>Библиографический список к главе 8 .....</i>	158
ГЛАВА 9. ПРОСТРАНСТВО ДОМА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ	159
<i>Библиографический список к главе 9 .....</i>	169

Предисловие

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии представляет монографию **«Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты»**.

В монографии представлены научно-исследовательские материалы известных и начинающих ученых, объединенные основной темой современного видения путей экономического развития. Монография может быть полезна для руководителей, экономистов, менеджеров, юристов и других работников предприятий и организаций, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

В первой главе монографии целью исследования является оценка влияния кластера «ИННОКАМ» на социально-экономическое развитие Республики Татарстан. В ходе исследования выявлено, что вклад отраслей, в которых действует кластер «ИННО-КАМ», в общий объем промышленного производства региона возрос до 48,5%, участники кластера формируют более 25% продукции обрабатывающей промышленности, также кластер играет значимую роль в занятости, инвестиционной деятельности региона, однако не является пропульсивным и не обеспечивает опережающий рост ВРП Татарстана по сравнению с другими регионами России.

Во второй главе уточнено понятие «инвестиционная привлекательность предприятия», проанализированы существующие подходы и методы, предложен свой подход (система показателей и методика) к оценке инвестиционной привлекательности предприятий в условиях экоцифро-социальноэкономической трансформации.

В следующей работе автором спроектирована система корпоративных ресурсов для обеспечения экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта с целью нахождения отклонений от заданного вектора развития и установлении сопутствующих угроз, а также причин их возникновения. При формировании результатов работы с первоисточниками были использованы: графический, коэффициентный, экспертный методы, а также методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, абстрагирования. Результаты исследования могут быть использованы при развитии знаний в области экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

В четвертой главе рассматриваются вопросы программного обеспечения таможенной деятельности в ходе реализации «Стратегии развития ФТС России до 2020 г.». Анализируется фискальная деятельность среднесрочного временного лага в периоде 2018–2020 годов. Актуальность материала проистекает из особенностей современной международной обстановки, когда санкции со стороны ряда недружественных стран по отношению к России пытаются поставить нашу страну в неравноправные партнёрские отношения. Исходя из этого, на основе уже накопленного опыта, необходимо создавать новые инструменты и модели для интенсификации процессов во внешнеэкономической деятельности. Чтобы не повторять прежних ошибок, требуется провести ретроспективный анализ. Особенности теоретического слоя методических наработок дополняются эмпирическими данными статистических отчётов, что позволяет достичь оптимальной сбалансированности при подготовке выводов. В ходе подготовки материала использовался метод многофакторного анализа, системный, комплексный, процессный и ситуационный подходы. Нарботанный слой исследования может быть в одинаковой степени интересен как для теоретиков, занимающихся вопросами внешнеэкономической деятельности, так и для практиков из таможенных организаций.

Целью проведенного исследования в пятой главе является анализ теорий и операционализация таких понятий, как социальный и миграционные стереотипы, рассмотрено понятие межкультурного взаимодействия, приводящего к формированию миграционных стереотипов, порождающих межкультурные конфликты. Рассмотрена также роль СМИ в формировании межкультурных и миграционных стереотипов.

В следующей главе монографии содержится анализ отдельных свойств Конституции РФ как нормативно-правового акта и распространения этих свойств на законодательство об обязательном пенсионном страховании. Автор делает выводы о бессрочности, стабильности и историзме Основного закона России. Содержащиеся в Конституции нормы-принципы позволяют оценить отраслевое законодательство об обязательном пенсионном страховании на предмет его стабильности, долгосрочности и непротиворечивости. Анализируя проблемы законодательства об обязательном пенсионном страховании, автор приходит к выводу, что оптимальным для развития этих правоотношений при обязательном непротиворечии закрепленных в Конституции норм-принципов будет внедрение в законодательство концепции «Социального эскалатора», обосновывающей преемственность страховых циклов.

Седьмая глава посвящена изучению ситуационного подхода во взаимосвязи с системным, процессным и функциональным научными подходами, так как управление учреждением – это процесс, учреждение образования – это форма организации системы, которая существует в определенной среде, обладает функциональной определенностью и целеполаганием. Авторы определяют управление качеством образования с использованием ситуационного подхода как целенаправленный, оперативный и системный процесс использования технологий и функций управленческой деятельности с учетом факторов среды, обуславливающих достижение качественных образовательных показателей. Ситуационный подход в управлении предполагает взаимосвязь пяти компонентов в системе управления образовательным учреждением, в том числе дополнительного образования: оптимальность, вариативность, гибкость и оперативность.

В материалах следующей главы монографии с помощью метода эколого-экономической оценки предлагается оценить, какой ущерб для окружающей среды удастся предотвратить, если включить экологические вопросы в образовательные программы автошкол. Воспитание в новом поколении водителей ответственного отношения к окружающей среде является важным компонентом развития экологической культуры.

Рассмотренная в девятой главе жилищная проблема представлена с точки зрения концепции дома, недостаточно изученного в социологических исследованиях. Исследование пространства дома неотделимо от жилищного дискурса, возможности обсудить повседневную жизнь, различные варианты выбора реализации домашнего пространства через социокультурные аспекты, такие как память, конфиденциальность, эмоции, ностальгия, ритуалы и дизайн. В главе основное внимание уделяется теоретическому осмыслению пространства и места домашнего быта.

Foreword

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archives of the Chuvash Republic presents the **“Strategies of Sustainable Development: External-economic, Law and Social Aspects”** monograph.

The monograph presents research materials of well-known and novice scientists, united by the main theme of the modern vision of the ways of economic development. The monograph might be of use for chiefs, economists, managers, lawyers and other representatives of organs of State power and local government, lecturers, post-graduate students, master degree students and students of institutions of higher education.

In the first chapter of the monograph, the purpose of the study is to assess the impact of the INNOKAM cluster on the socio-economic development of the Republic of Tatarstan. The study revealed that the contribution of the industries in which the INNOKAM cluster operates to the total volume of industrial production in the region has increased to 48.5%, cluster members form more than 25% of manufacturing industry products, and the cluster also plays a significant role in employment, investment activity in the region, but not It is propulsive and does not ensure the outpacing growth of Tatarstan's GRP in comparison with other regions of Russia.

In the second chapter, the concept of "investment attractiveness of an enterprise" is clarified, existing approaches and methods are analyzed, and an approach (a system of indicators and a methodology) is proposed to assess the investment attractiveness of enterprises in the conditions of eco-socio-economic transformation.

In the following work, the author has designed a system of corporate resources to ensure the economic security of a typical business entity in order to find deviations from a given vector of development and identify related threats, as well as the causes of their occurrence. When forming the results of work with primary sources, the following methods were used: graphical, coefficient, expert methods, as well as methods of analysis, synthesis, deduction, induction, and aggregation. The results of the study can be used in the development of knowledge in the field of economic security of economic entities.

The fourth chapter discusses the issues of software support for customs activities during the implementation of the "Strategy for the Development of the Federal Customs Service of Russia until 2020". The fiscal activity of the medium-term time lag in the period 2018-2020 is analyzed. The relevance of the material stems from the peculiarities of the modern international situation,

when sanctions from a number of unfriendly countries in relation to Russia are trying to put our country in unequal partnership relations. Based on this, on the basis of already accumulated experience, it is necessary to create new tools and models for the intensification of processes in foreign economic activity. In order not to repeat the previous mistakes, a retrospective analysis is required. The features of the theoretical layer of methodological developments are supplemented by empirical data from statistical reports, which makes it possible to achieve optimal balance in the preparation of outputs. During the preparation of the material, the method of multifactorial analysis, system, complex, process and situational approaches were used. The accumulated layer of research can be equally interesting both for theorists dealing with issues of foreign economic activity and for practitioners from customs organizations.

The purpose of the study in the fifth chapter is to analyze theories and operationalize concepts such as social and migration stereotypes, the concept of intercultural interaction leading to the formation of migration stereotypes that give rise to intercultural conflicts is considered. The role of mass media in the formation of intercultural and migration stereotypes is also considered.

The next chapter of the monograph contains an analysis of certain properties of the Constitution of the Russian Federation as a normative legal act and the extension of these properties to legislation on mandatory pension insurance. The author draws conclusions about the perpetuity, stability and is-torism of the Basic Law of Russia. The principles contained in the Constitution allow us to evaluate the sectoral legislation on compulsory pension insurance for its stability, long-term validity and consistency. Analyzing the problems of legislation on mandatory pension insurance, the author comes to the conclusion that the optimal way for the development of these legal relations with the obligatory non-contradiction of the norms and principles enshrined in the Constitution will be the introduction into legislation of the concept of a "Social escalator", justifying the continuity of insurance cycles.

The seventh chapter is devoted to the study of the situational approach in connection with the system, process and functional scientific approaches, since the management of an institution is a process, an educational institution is a form of organization of a system that exists in a certain environment, has functional certainty and goal-setting. The authors define education quality management using a situational approach as a purposeful, operational and systematic process of using technologies and management functions, taking into account environmental factors that determine the achievement of high-quality educational indicators. The situational approach in management assumes the interrelation of five components in the management system of an educational

institution, including additional education: optimality, variability, flexibility and efficiency.

In the materials of the next chapter of the monograph, using the method of eco-economic assessment, it is proposed to assess what damage to the environment can be prevented if environmental issues are included in the educational programs of driving schools. Fostering a responsible attitude to the environment in the new generation of drivers is an important component of the development of ecological culture.

The housing problem considered in the ninth chapter is presented from the point of view of the concept of the house, insufficiently studied in sociological research. The study of the home space is inseparable from the housing discourse, the opportunity to discuss everyday life, various options for choosing the implementation of home space through socio-cultural aspects such as memory, privacy, emotions, nostalgia, rituals and design. The chapter focuses on the theoretical understanding of the space and place of home life.

ГЛАВА 1

DOI 10.31483/r-106055

Минаков Андрей Владимирович

Иванова Людмила Николаевна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

***Аннотация:** создание промышленных кластеров становится все более востребованным инструментом региональной политики, в связи с чем возникает необходимость оценки воздействия кластеров на социально-экономическое развитие. Цель исследования: оценить влияние кластера «ИННОКАМ» на социально-экономическое развитие Республики Татарстан. В ходе исследования выявлено, что вклад отраслей, в которых действует кластер «ИННОКАМ», в общий объем промышленного производства региона возрос до 48,5%, участники кластера формируют более 25% продукции обрабатывающей промышленности, также кластер играет значимую роль в занятости, инвестиционной деятельности региона, однако не является пропульсивным и не обеспечивает опережающий рост ВРП Татарстана по сравнению с другими регионами России.*

***Ключевые слова:** промышленный кластер, региональная экономика, пропульсивный кластер, социально-экономическое развитие региона, Республика Татарстан.*

***Abstract:** the creation of industrial clusters is becoming an increasingly popular tool of regional policy, and therefore there is a need to assess the impact of clusters on socio-economic development. Purpose of the study: to assess the impact of INNOKAM cluster on the socio-economic development of the Republic of Tatarstan. The study reveals that the contribution of industries, in which the cluster "INNOCAM" operates, in the total industrial production of the region has increased to 48.5%, cluster members form more than 25% of manufacturing production, also the cluster plays a significant role in employment, investment activity of the region, but is not propulsive and does not provide outpacing growth of GRP of Tatarstan compared to other regions of Russia.*

***Keywords:** industrial cluster, regional economy, propulsion cluster, social and economic development of the region, Republic of Tatarstan.*

Обеспечение устойчивости социально-экономического развития регионов России, достижение стратегических целей регионального развития требует задействования различных подходов и инструментов, важное место среди которых занимает создание промышленных

кластеров. Появление термина «кластер» связано с теорией размещения (локализации), предложенной И. фон Тюненом в XIX в. Согласно данной теории наиболее рациональным способом снижения транспортных издержек является «размещение производства кольцами вокруг некоего центра» [16, с. 48]. Однако практическое применение концепция кластеризации получила значительно позже в трудах американского ученого М. Портера, посвященным конкурентным преимуществам.

М. Портер указывает, что конкурентоспособность регионов не может быть достоверно оценена на основании исследования результатов работы отдельных фирм. Кластер, влияя на формирование и использование конкурентных преимуществ региона путем объединения предприятий различных отраслей и сфер деятельности, получает возможность существенно более рационально использовать имеющиеся ресурсы. Под кластером М. Портер предлагает понимать «группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [3, с. 12]. При этом в кластере формируется среда, благоприятная для развития всех его участников, а также способствующая увеличению вклада кластера в достижение стратегических и тактических целей социально-экономического развития региона. Следует согласиться с мнением И.С. Феровой в том, что «проблемы повышения конкурентоспособности, а также вопросы разработки промышленной политики для создания и поддержания конкурентных преимуществ рассматривают через призму кластеров» [15, с. 16].

В отличие от простого объединения субъектов хозяйствования для ведения совместной деятельности кластер обладает синергетическим эффектом. М. Портер подчеркивает, что кластер можно трактовать как «систему взаимосвязанных фирм и организаций, значимость которых как целого превышает простую сумму составных частей» [8, с. 217]. Именно синергетический эффект, генерируемый в ходе формирования и развития кластера, позволяет ему вносить значимый вклад в достижение целей социально-экономического развития региона, более рационально и эффективно использовать имеющиеся ресурсы, а также создавать и усиливать конкурентные преимущества, необходимые как внутри страны, так и при выходе компаний – участников кластера на мировой рынок.

В научной литературе приводится множество признаков классификации кластеров: стадия жизненного цикла, уровень развития, экономическая значимость, границы локализации, внутренняя структура кластера, характер ядра [3, с. 21], однако в контексте темы исследования наибольший интерес представляет классификация кластеров в

зависимости от их специализации, в рамках которой выделяются индустриальные и сервисные кластеры. Индустриальный кластер специализируется на производстве промышленной продукции, а его ядром выступает крупное промышленное предприятие, играющее важную роль в региональной экономике, либо же группа предприятий, имеющих тесные хозяйственные связи. В свою очередь, индустриальные кластеры могут быть разделены на традиционно промышленные и промышленно-инновационные, при этом промышленно-инновационные кластеры характеризуются следующими особенностями: «производство инновационной продукции; аккумуляция научно-производственного потенциала различных фирм для создания цепочки ценности; применение новых технологических достижений; инновационный климат, формирующий условия для различных форм сотрудничества участников кластера» [7, с. 73]. В условиях постоянного ужесточения конкуренции на мировом и национальном рынках, возрастания значимости инновационной составляющей внести значимый вклад в социально-экономическое развитие региона, с нашей точки зрения, способны только промышленно-инновационные кластеры.

Возможно дать следующее определение промышленного кластера регионального уровня на основе Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» [6]: совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного региона, деятельность которой сопровождается наличием синергетического эффекта и вносит значимый вклад в социально-экономическое развитие региона, достижение его стратегических целей.

Однако, как верно замечает Ю.В. Вертакова, не все инновационно-промышленные кластеры обладают одинаковой силой воздействия на социально-экономическое развитие региона. Генерируют устойчивый импульс к развитию региональной экономики только пропульсивные промышленные кластеры, темпы роста производительности и эффективности в которых значительно превышают показатели, достигнутые в некластеризованной части экономики региона [2, с. 46]. Направления воздействия пропульсивных промышленных кластеров на социально-экономическое развитие региона представлено в таблице 1.

Таблица 1

Воздействие пропульсивных промышленных кластеров
на социально-экономическое развитие региона

Составляющая социально-экономического развития	Направления воздействия
Экономическое развитие	Рост ВРП и инвестиционной активности, опережающий рост производства инновационной продукции, наращивание экспортных поставок продукции с высокой долей добавленной стоимости, повышение производительности труда
Социальное развитие	Развитие региональной инфраструктуры, улучшение наполнения регионального бюджета, снижение безработицы, рост уровня жизни, развитие интеллектуального потенциала

Источник: собственная разработка на основании [1, с. 182].

Потенциал пропульсивных промышленных кластеров в решении задач социально-экономического развития обуславливает заинтересованность региональных органов власти в их создании и развитии.

Материалы и методы исследования

Для проведения исследования использовались статистические данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики, характеризующие социально-экономическое развитие Республики Татарстан за 2017–2022 гг., стратегические документы Камского инновационного территориально-производственного кластера «ИННОКАМ», Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации, составленный Российской кластерной обсерваторией, а также другие источники и статистические материалы, позволяющие оценить влияние кластера «ИННОКАМ» на социально-экономическое развитие региона. Применялись следующие методы исследования: анализ, синтез, сравнение, дедукция, прогнозирование, а также иные общенаучные и специальные методы.

Результаты исследования

Камский инновационный территориально-производственный кластер «ИННОКАМ» был создан в 2012 г. как «одна из точек реализации новой модели роста, предполагающей интенсивное использование новых технологий в промышленности» [4]. Стратегической целью создания кластера явилось «развитие высокотехнологичных производств с высокой добавленной стоимостью, эффективная трансформация промышленного потенциала в высокое качество жизни людей» [14]. В настоящее время кластер «ИННОКАМ» имеет четыре отраслевые специализации: нефтепереработка, нефтехимия, автомобилестроение и производство автокомпонентов, что предоставляет ему дополнительные возможности диверсификации и противостояния санкционному

давлению и другим внешним шокам. Характеристика якорных предприятий кластера «ИННОКАМ», которые расположены на расстоянии не более 30 км, представлена в виде таблицы 2.

Таблица 2

Якорные предприятия Камского инновационного территориально-производственного кластера «ИННОКАМ»

Предприятие	Направление деятельности
ОАО «ТАИФ-НК»	Специализируется на производстве нефтепродуктов, в т.ч. автобензинов, дизельного топлива, авиакеросина
АО «ТАНЕКО»	Производство дизельного топлива Евро-5, прямогонного бензина, других нефтепродуктов
ПАО «НИЖНЕКАМСКНЕФТЕХИМ»	Производство синтетических каучуков, пластмасс, олефинов
ПАО «ТАТНЕФТЬ»	Производство технического углерода, автомобильных и сельскохозяйственных шин
АО «АММОНИЙ»	Производство аммиачной селитры, сельскохозяйственных удобрений, карбамида, другой химической продукции
ПАО «КАМАЗ»	Производство грузовых автомобилей, металлургической продукции, двигателей
СП «FORD SOLLERS» (в настоящее время реорганизовано. ООО «Форд Соллерс Холдинг» полностью контролируется ПАО «Соллерс»)	До марта 2022 г. предприятие производило автомобили Ford, а также комплектующие и запасные части к ним. В январе 2023 г. было заявлено об окончательном выходе концерна Ford из совместного предприятия. С конца 2022 г. реализуется замещающий проект по выпуску легких грузовых автомобилей под брендом «Соллерс» на базе моделей китайского концерна JAC. В 2023 г. планируется восстановление производства автомобилей по модели полного цикла, что позволит как обеспечить рациональное использование существующих производственных мощностей, так и удовлетворить потребности рынка в грузовых автомобилях

Источник: собственная разработка на основании [5; 17].

Также в состав кластера «ИННОКАМ» входят другие промышленные предприятия, имеющие кооперационные связи с якорными предприятиями кластера, различные объекты инновационной инфраструктуры, необходимые для успешной реализации инновационных проектов, а также образовательные и научные учреждения (например,

Казанский государственный энергетический университет, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет). Инновационная и производственная инфраструктура, используемая промышленными предприятиями – участниками кластера «ИННОКАМ», включает промышленные площадки, инжиниринговые центры, индустриальные парки. Так, действует ИТ-парк, функционируют территории опережающего социально-экономического развития «НИЖНЕКАМСК» и «НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ», что позволяет кластеру вносить более значимый вклад в социально-экономическое развитие региона и страны в целом. Динамика валового регионального продукта (ВРП) в Республике Татарстан за 2017–2021 гг. приведена в таблице 3.

Таблица 3
Динамика валового регионального продукта (ВРП)
в Республике Татарстан за 2017–2021 гг.

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Валовой региональный продукт в текущих ценах, млрд руб.	2264,7	2622,8	2808,8	2631,3	3454,7
Индекс физического объема валового регионального продукта в процентах к предыдущему году	102,0	102,2	102,8	96,9	103,2
Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.	582,2	673,1	720,1	674,9	888,0
Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения в процентах к предыдущему году	101,7	102,0	102,7	97,0	103,4
Региональная структура валового регионального продукта, процентов	2,8	2,9	3,0	2,8	2,9

Источник: собственная разработка на основании [12; 13].

Как видно из таблицы 3, в течение рассматриваемого периода Республика Татарстан не смогла добиться значительных успехов в обеспечении высоких темпов экономического роста. ВРП в текущих ценах возрос с 2264,7 млрд руб. до 3454,7 млрд руб., однако физический объем ВРП возрос только на 7,2%, что не соответствует потенциалу развития региона. Также функционирование одного из крупнейших в России промышленных кластеров «ИННОКАМ» не позволило

Республике Татарстан значимо увеличить позиции в региональной структуре валового регионального продукта (по итогам 2021 г. значение рассматриваемого показателя составило только 2,9% против 2,8% в 2017 г.). В то же время функционирование якорных предприятий и других участников кластера «ИННОКАМ» играет важную роль в развитии промышленного производства в регионе (табл. 4).

Таблица 4

Динамика промышленного производства в Республике Татарстан за 2017–2021 гг.

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, млрд руб.	2298,9	2804,6	2810,7	2710,1	4005,9
в т.ч. в обрабатывающей промышленности, млрд руб.	1596,3	1930,7	1934,8	1953,9	2785,8
Индекс промышленного производства в регионе, в процентах к предыдущему году	103,4	102,6	102,4	96,6	108,5
в т.ч. в обрабатывающей промышленности	103,2	102,1	103,5	102,3	110,8

Источник: собственная разработка на основании [12; 13].

Обрабатывающая промышленность Республики Татарстан оказалась более устойчивой к негативным внешним воздействиям в условиях пандемии 2020 г. Если общий объем промышленного производства в регионе в 2020 г. упал на 3,4%, то обрабатывающая промышленность, важную роль в которой играют предприятия кластера «ИННОКАМ», увеличила выпуск на 2,3%. Также обрабатывающая промышленность региона в 2021 г. восстанавливалась более быстрыми темпами по сравнению с промышленным производством в целом (рост на 10,8% против 8,5% в целом по промышленному производству). Изменяется и вклад видов экономической деятельности, в которых специализируется кластер «ИННОКАМ», в общий объем регионального промышленного производства, о чем свидетельствуют данные таблицы 5.

Таблица 5

Динамика вклада видов экономической деятельности, на которых специализируется промышленный кластер «ИННОКАМ», в общий объем промышленного производства Республики Татарстан

Вид экономической деятельности	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Производство кокса и нефтепродуктов	16,7	20,9	22,2	19,1	21,5
Производство химических веществ и химических продуктов	13,0	11,8	11,4	11,2	12,1
Производство резиновых и пластмассовых изделий	4,1	3,8	3,4	4,6	4,1
Производство автотранспортных средств	10,8	9,7	9,6	11,4	10,8
Итого	44,6	46,2	46,6	46,3	48,5

Источник: собственная разработка на основании [10].

По данным, представленным в таблице 5, наблюдается опережающее развитие в промышленности Татарстана тех видов экономической деятельности, которые соответствуют отраслевым приоритетам кластера «ИННОКАМ». Так, общий вклад видов экономической деятельности, соответствующих отраслевым приоритетам рассматриваемого промышленного кластера, в промышленное производство региона возрос с 44,6% в 2017 г. до 48,5% в 2021 г., при этом наиболее быстро развивалось производство кокса и нефтепродуктов, доля которого в общем объеме промышленного производства достигла 21,5%. В то же время в течение анализируемого периода деятельность предприятий кластера, производящих химическую продукцию, не носила пропульсивного характера, вклад химической промышленности в общий объем промышленного производства в Республике Татарстан сократился с 13% в 2017 г. до 12,1% в 2021 г. При этом производственные мощности предприятий химической промышленности региона характеризуются высоким уровнем загрузки: например, мощности по выпуску удобрений в 2021 г. были загружены на 96,9% [10]. Однако уход с российского рынка ряда зарубежных производителей химической продукции в 2022 г. предоставляет предприятиям химической промышленности, входящим в кластер «ИННОКАМ», новые возможности для выхода на траекторию пропульсивного роста, опережающего темпы развития экономики Республики Татарстан.

Вклад производства резиновых и пластмассовых изделий, а также производства автотранспортных средств в развитие регионального промышленного производства до 2022 г. оставался стабильным, а в

настоящее время сложились благоприятные условия для существенного увеличения объемов выпуска. Шины, производимые ПАО «ТАТ-НЕФТЬ», стали более востребованными на внутреннем рынке из-за дефицита предложения от других производителей (шинные заводы, принадлежащие зарубежным концернам, прекратили выпуск). По данным за 2021 г. мощности по выпуску шин были загружены только на 67%, мощности по выпуску грузовых автомобилей – на 67,6% [10], что позволяет удовлетворить возросший спрос и усилить положительное воздействие кластера «ИННОКАМ» на развитие промышленности Республики Татарстан. По имеющимся данным общий объем отгруженной предприятиями кластера продукции превышает 700 млрд руб. [5], что позволяет более точно оценить вклад кластера в развитие промышленного производства в регионе (рис. 1).

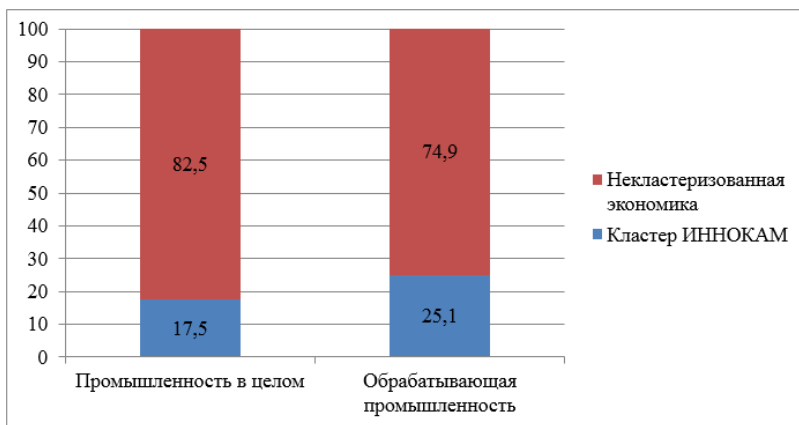

Рис. 1. Вклад кластера «ИННОКАМ» в развитие промышленного производства Республики Татарстан, процентов

Как видно из рисунка 1, промышленный кластер «ИННОКАМ» формирует 17,5% общего объема промышленного производства региона и 25,1% объема производства в обрабатывающей промышленности, что позволяет ему вносить значимый вклад в социально-экономическое развитие Республики Татарстан.

Также необходимо отметить, что якорные предприятия, входящие в состав промышленного кластера «ИННОКАМ», являются инвестиционно привлекательными и играют активную роль в инновационном развитии региона. Общий объем инвестиций, привлеченных участниками кластера «ИННОКАМ», превышает 110 млрд руб. [5], а общий объем инвестиций в основной капитал в Республике Татарстан по итогам 2021 г. составил 683,3 млрд руб. (табл. 6).

Таблица 6

Динамика инвестиций в основной капитал в Республике Татарстан
за 2017–2021 гг.

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Всего инвестиции в основной капитал, млрд руб.	637,6	629,7	640,8	615,6	683,3
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	163,9	161,6	164,3	157,9	175,6
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в процентах к предыдущему году	99,3	96,5	96,4	92,6	105,5

Источник: собственная разработка на основании [12; 13].

Из данных таблицы 6 видно, что инвестиционная деятельность в Республике Татарстан стагнирует. На протяжении 2017–2020 гг. физический объем инвестиций в основной капитал ежегодно сокращался, что затрудняло достижение целей социально-экономического развития региона. Только в 2020 г. физический объем инвестиций в основной капитал упал на 7,4%, а восстановительный рост, имевший место в 2021 г., не позволил переломить сложившуюся негативную тенденцию. Особенную важность ведение инвестиционной деятельности приобретает в условиях адаптации региональной экономики к работе под давлением санкций и иных ограничивающих мер.

Предприятия кластера «ИННОКАМ» реализуют инновационные проекты, стремясь использовать возникающие на российском рынке возможности. Действующая программа развития нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан на период до 2024 г. предусматривает «формирование сырьевой и научной базы для развития производств функциональных материалов (новых и композиционных материалов, суперконструкционных пластмасс, функциональных добавок)» [9]. Достижение поставленной цели в значительной степени определяется инвестиционной активностью в экономике Республики Татарстан, успешной реализацией проектов на якорных предприятиях промышленного кластера «ИННОКАМ». При этом потребность в инвестиционных ресурсах на предприятиях кластера значительно превышает фактический объем инвестиций в основной капитал: только проект строительства нового олефинового комплекса и производства полиолефинов, запланированный на ПАО «Нижнекамскнефтехим», требует 219 млрд руб. [9]. Рассматриваемая программа предусматривает четыре сценария развития нефтегазохимического комплекса

Республики Татарстан, в реализации которых активное участие примет промышленный кластер «ИННОКАМ» (табл. 7).

Таблица 7

Сценарии развития нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан на период до 2034 г.

Сценарий	Описание
Татарстанское чудо	Наиболее оптимистичный сценарий, предполагающий достижение всех поставленных целей социально-экономического развития Татарстана до 2030 г. Значительное увеличение притока инвестиций в экономику региона будет достигнуто за счет крупных проектов якорных предприятий кластера «ИННОКАМ» (например, реализация проекта АО «КЗСК-Силикон»), а также возникновения новых направлений химического производства, продукция которых востребована как в РФ, так и в зарубежных странах. Якорные предприятия кластера «ИННОКАМ» активно диверсифицируют свою деятельность, выходя на новые рынки
Консервация	Инвестиционная активность в нефтегазохимическом комплексе поддерживается только за счет уже начатых якорными предприятиями кластера «ИННОКАМ» проектов, участники кластера сосредотачиваются на укреплении и защите достигнутых конкурентных позиций. Однако в долгосрочном периоде конкурентоспособность кластера «ИННОКАМ» и экономики региона будет снижаться
Потеря лица	Предполагает, что кластер «ИННОКАМ» не сможет успешно реализовать заявленные крупные проекты, в результате чего Республика Татарстан потеряет свои позиции на российском рынке и не достигнет целей социально-экономического развития. Ухудшится наполнение регионального бюджета, следует ожидать оттока высококвалифицированных специалистов, в настоящее время работающих на предприятиях кластера «ИННОКАМ»
Спячка	Заявленные проекты будут реализованы только частично, активность кластера «ИННОКАМ» не позволит сохранить имеющиеся конкурентные позиции на ключевых рынках. Компании, базирующиеся в Республике Татарстан, потеряют рынки сбыта, сократятся доходы регионального бюджета, ухудшится уровень жизни в республике

Источник: собственная разработка на основании [9].

Наиболее благоприятным для социально-экономического развития Республики Татарстан является сценарий «Татарстанское чудо», важную роль в реализации которого сыграет промышленный кластер «ИННОКАМ». Кластер обладает необходимыми ресурсами (так, численность рабочих мест на предприятиях кластера составляет 110 тыс. [5]) и инфраструктурой (так, действует Региональный центр компетенций, поддерживающий малое и среднее предпринимательство в производственном секторе Татарстана. Малые и средние предприятия имеют возможность стать поставщиками якорных предприятий кластера «ИННОКАМ»). Для усиления

положительного влияния кластера «ИННОКАМ» на социально-экономическое развитие Республики Татарстан сформирован комплекс мер государственной поддержки, представленный в таблице 8.

Таблица 8

Меры государственной поддержки,
доступные участникам кластера «ИННОКАМ»

Группы мер поддержки	Примеры мер поддержки
Финансовая поддержка	Льготные займы и кредиты, различные субсидии, возможность возмещения процентов по кредиту, иные меры поддержки инноваций и НИОКР в рамках государственных программ
Нефинансовая поддержка	Гарантийная поддержка, содействие в экспорте и реализации продукции, консультационная поддержка, оказание помощи в размещении производства на территории Республики Татарстан

Источник: собственная разработка на основании [5].

Значительное количество мер поддержки, доступных участникам кластера «ИННОКАМ», в сочетании с влиянием внешних факторов (высвобождение ниш на российском рынке, ранее занятых зарубежными компаниями, активизация импортозамещения, увеличение спроса на продукцию российского производства) позволяет рассчитывать на реализацию сценария «Татарстанское чудо». При этом значительный вклад в реализацию сценария внесет именно деятельность кластера «ИННОКАМ». Кластер сможет завершить реализацию крупных проектов, создать новые высокоэффективные рабочие места, перестроить цепочки создания стоимости и создать новые, способные противостоять внешним шокам. В рейтинге субъектов Российской Федерации по значению регионального инновационного индекса Республика Татарстан находится на третьем месте [11], что свидетельствует об осознании руководством республики важности и значимости инновационной составляющей социально-экономического развития региона.

Воздействие промышленного кластера «ИННОКАМ» на социально-экономическое развитие Республики Татарстан в процессе реализации сценария «Татарстанское чудо» будет осуществляться по следующим направлениям:

1) значительное увеличение притока инвестиций в экономику региона и преодоление устойчивой стагнации инвестиционной деятельности, имевшей место в 2017–2020 гг. При этом инвестиции будут привлекаться не только в отрасли, на которых специализируется промышленный кластер «ИННОКАМ», но и в иные отрасли и виды деятельности за счет улучшения инвестиционного климата в Татарстане, роста деловой активности и платежеспособного спроса (в т.ч. в виде заказов участников кластера);

2) улучшение ситуации на рынке труда Республики Татарстан за счет создания высокопроизводительных рабочих мест в ходе инвестиционных проектов, реализуемых кластером «ИННОКАМ». Появится возможность привлекать квалифицированных специалистов из других регионов

России, более эффективно использовать человеческий потенциал региона как ключевую составляющую его долгосрочной конкурентоспособности;

3) ускорение темпов экономического роста в регионе за счет приобретения кластером «ИННОКАМ» пропульсивного характера. Деятельность участников кластера будет более активно стимулировать экономическую активность в некластеризованной части экономики Республики Татарстан. В результате возрастет доля Республики Татарстан в валовом региональном продукте всех регионов РФ;

4) рост инновационной активности в регионе. Институты инфраструктуры, входящие в состав кластера «ИННОКАМ», за счет поддержки малого и среднего бизнеса смогут создать более благоприятные условия для развития в регионе малых инновационных предприятий производственной направленности, стартапов;

5) улучшение наполняемости регионального бюджета, в результате чего появится возможность улучшить качество жизни и увеличить финансирование социальной сферы Республики Татарстан.

Сценарий «Татарстанское чудо» даст возможность максимально полно реализовать потенциал промышленного кластера «ИННОКАМ» и стимулировать кластеризацию в других регионах России, испытывающих сложности в достижении поставленных целей социально-экономического развития.

Заключение

Проведенное исследование показало, что кластер «ИННОКАМ», действующий в Республике Татарстан, является инновационно-промышленным, его функционирование в значительной степени определяет инвестиционную активность в регионе, формирует результаты промышленного производства. Доля видов экономической деятельности, на которых специализируется кластер «ИННОКАМ», в совокупном объеме промышленного производства в течение 2017–2021 гг. выросла до 48,5%, кластер формирует 25,1% общего объема выпуска в обрабатывающей промышленности региона. Однако в настоящее время кластер «ИННОКАМ» не является пропульсивным, не обеспечивает ускоренные темпы социально-экономического развития региона, о чем свидетельствуют темпы роста ВРП. В то же время сценарий развития нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан «Татарстанское чудо» на период до 2034 г. может быть успешно реализован при активном участии предприятий кластера. Крупные инвестиционные проекты, запланированные к реализации в кластере «ИННОКАМ», позволят сохранить и усилить конкурентные позиции региона в России и на зарубежных рынках, появится возможность ускорить темпы роста ВРП и поддержать инновационное лидерство Республики Татарстан, более рационально и эффективно использовать человеческий потенциал региона.

Список литературы

1. Агарков А.П. Проектирование и формирование инновационных промышленных кластеров: монография / А.П. Агарков, Р.С. Голов. – М.: Дашков и К, 2019. – 288 с.
2. Вертакова Ю.В. Пропульсивные кластеры: сущность и роль в управлении прогрессивными структурными преобразованиями региональных социально-экономических систем: монография / Ю.В. Вертакова. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 262 с.

3. Карякина Л.А. Формирование и развитие кластерных образований в экономике: монография / Л.А. Карякина. – М.: Дашков и К, 2015. – 150 с.
4. Концепция создания территориально обособленного инновационно-производственного центра «ИННОКАМ»: одобрена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2016 г. №1257-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.innokam.ru/docs/1.%20распоряжение%20от%2017.06.06.%202016%20№1257-r.pdf> (дата обращения: 18.03.2023).
5. О кластере // Официальный сайт промышленного кластера «ИННОКАМ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.innokam.ru> (дата обращения: 18.03.2023).
6. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. №488-ФЗ; в ред. Федерального закона от 5 декабря 2022 г. №496-ФЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420242984> (дата обращения: 20.03.2023).
7. Плахин А.Е. Стратегическое управление развитием промышленных парковых структур кластерного типа: монография / А.Е. Плахин. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 218 с.
8. Портер М. Конкуренция / М. Портер. – М.: Вильямс, 2010. – 592 с.
9. Программа развития нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан на 2020–2024 годы и на перспективу до 2034 года: утв. Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 14 марта 2020 г. // Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mpt.tatarstan.ru/file/mpt/File/14.03.2020_4412_Peshoshin%20A.V._Garaev%20R.R.pdf (дата обращения: 19.03.2023).
10. Промышленное производство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tatstat.gks.ru/Industrial_production/ (дата обращения: 21.03.2023).
11. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 7 // Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/484399640> (дата обращения 19.03.2023).
12. Республика Татарстан 2019. Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/DZJEeTRS/Стат%20справочник_2019.pdf (дата обращения: 18.03.2023).
13. Республика Татарстан в цифрах 2021. Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/!Стат%20справочник_rus%202021_на%20сайт.pdf (дата обращения: 18.03.2023).
14. Стратегия развития Камского инновационного территориально-производственного кластера Республики Татарстан на период до 2020 года // Министерство экономики Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.innokam.ru/docs/2%20стратегия%20развития.pdf> (дата обращения 17.03.2023).
15. Ферова И.С. Промышленные кластеры и их роль в развитии промышленной политики региона: монография / И.С. Ферова. – Красноярск: СФУ, 2013. – 249 с.
16. Яковлева-Чернышева А.Ю. Кластерный подход к управлению развитием предпринимательских структур в рекреационной системе: монография / А.Ю. Яковлева-Чернышева. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 208 с.
17. Ford завершил выход из бывшего российского СП с «Соллерсом» // ИНТЕРФАКС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/879986> (дата обращения 15.03.2023).

ГЛАВА 2

DOI 10.31483/r-106570

Боровкова Валерия Анатольевна

Боровкова Виктория Анатольевна

ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОЦИФРОСОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

***Аннотация:** процесс реализации стратегии устойчивого развития требует формирования адекватных механизмов финансирования и инвестирования, что предопределяет необходимость исследования методологических подходов к оценке инвестиционной привлекательности предприятия. В главе уточнено понятие «инвестиционная привлекательность предприятия», проанализированы существующие подходы и методы, предложен свой подход (система показателей и методика) к оценке инвестиционной привлекательности предприятий в условиях экоцифросоциоэкономической трансформации.*

***Ключевые слова:** устойчивое развитие, инвестиционная привлекательность предприятия, методы, оценка, экоцифросоциоэкономическая трансформация, предприятие, комплексный подход.*

***Abstract:** the process of implementing a sustainable development strategy requires the formation of adequate financing and investment mechanisms, which determines the need to study methodological approaches to assessing the investment attractiveness of an enterprise. The chapter clarifies the concept of «investment attractiveness of an enterprise», analyzes existing approaches and methods, offers its own approach (the system of indicators and methodology) to assess the investment attractiveness of enterprises in the conditions of ecodigital socioeconomic transformation.*

***Keywords:** sustainable development, investment attractiveness of the enterprise, methods, assessment, ecodigital socioeconomic transformation, enterprise, integrated approach.*

Проблемам оценки инвестиционной привлекательности предприятий в России на протяжении последних десятилетий уделяется значительное внимание. Были приняты важные нормативно-правовые акты, появились научные исследования. Значительный вклад в развитие теоретических и методологических аспектов инвестиционной привлекательности внесли российские и зарубежные ученые: Ю.А. Анищенко, А.И. Афоничкин [1], В.А. Бабушкин, О.М. Бадокина, М.И. Баканов, Л.П. Белых, И.А. Бланк [2], Л.С. Валинурова [8], А.М. Васильцова, В.М. Власова, Д.А. Ендовицкий [10], М.Н. Крейнина, Н.А. Казакова [12], О.Б. Казакова, Р.С. Каплан, Э.И. Крылов [13], Р.А. Мельничук, Г.В. Савицкая, Ю.В. Севрюгин,

И.В. Сергеев, Л.Н. Орлова, В.М. Павлюченко, В.Д. Шапиро, В.В. Шеремет и др.

Динамично развиваются исследования различных аспектов финансирования устойчивого развития (УР), им посвятили свои разработки: С.Н. Бобылев [3], О.В. Богачева, Б.Е. Большаков, Дж. Гембрелл, У.В. Голованева, Л.С. Кабир, С. Кеткар, А.С. Костякина, Е.И. Куценко, Д. Макей, Д.Ю. Мосейкин, Т.В. Нечаева, А.А. Пешкова, М. Портер, П. Роджерс, О.В. Смородинов, Д. Стиглиц, М. Фридман, В.Е. Цой, Д.В. Черемисинова [16], Л. Эмертон, И.А. Яковлев и др.

Тем не менее проблема оценки инвестиционной привлекательности в процессе реализации стратегии УР недостаточно исследована, мало разработанными остаются методики оценки инвестиционной привлекательности предприятий (ИПП), системы показателей оценки ИИП в условиях эко-цифро-социо-экономической трансформации.

Всесторонняя оценка ИПП имеет существенное научное и практическое значение с точки зрения обеспечения стабильного финансирования устойчивого социально-экономического развития, способствует росту надежности и безопасности инвестирования [6]. Она актуальна как для инвесторов (физических и юридических лиц), так и для самого предприятия. На основе комплексной оценки ИПП потенциальные инвесторы осуществляют свой выбор, на который влияют различные показатели объекта инвестирования: финансовая устойчивость, платежеспособность, деловая активность, эффективность деятельности и др. Для самого предприятия высокий уровень инвестиционной привлекательности позволяет расширить доступ к источникам финансирования и влияет на их стоимость, что определяет траекторию его дальнейшего развития. Высокий уровень ИПП обеспечивает уверенность акционеров предприятия в надежности вложений и дает надежду в увеличении дивидендных выплат.

Можно выделить три линии в трактовке категории ИПП (табл. 1).

**Ключевые подходы к трактовке категории
«инвестиционная привлекательность предприятия»**

Подход	Содержание	Представители
На основе совокупности различных факторов	Концепция или комбинация разных объективных свойств, средств, способностей, которые все вместе обуславливают возможный реальный спрос на инвестиции в страну, регион, отрасль и предприятие	И.И. Ройзман, А.Г. Шахназаров, И.В. Гришина [9]
На основе целей инвестора	Требования инвестирования, которые оказывают большое влияние на предпочтения инвестора в подборе того или иного объекта инвестирования. Совокупность характеристик деятельности предприятия, которая определяет для инвестора более преимущественные значимости инвестиционного поведения	В.И. Машкин [14], Н.Ю. Трясичина [15]
На основе соотношения доходности и риска	Комплекс финансовых и экономических характеристик предприятия, характеризующих вероятность извлечения наибольшей прибыльности вследствие вложения денежных средств при наименьшем риске	А.П. Иванов, И.В. Сахарова, Е.Ю. Хрусталев [11]

В связи с отсутствием в настоящее время общепризнанного определения этого понятия, авторы предлагают свою трактовку. Инвестиционная привлекательность предприятия – это комбинация определенного набора и качества ресурсов, компетенций, технологий, коммуникаций, взаимодействий, условий, возможностей и способностей (устойчивость, адаптивность, безопасность, эффективность, гибкость, конкурентоспособность и пр.) предприятия, позволяющая получать высокий экономический и неэкономический результат предприятию как объекту инвестирования. ИПП – это модель, которая отражает достоверные качественные и количественные характеристики деятельности и потенциала развития экосистемы предприятия.

Анализ современных исследований позволяет авторам выделить несколько подходов к оценке ИПП, которые различаются набором используемых показателей, уровнем трудоемкости и сложности расчетов (табл. 2).

Таблица 2
Достоинства и недостатки подходов к оценке ИПП

Сущность	Показатели	Достоинства и недостатки
Финансовый (бухгалтерский) подход	Платежеспособность, ликвидность, финансовая устойчивость, оборачиваемость, рентабельность способность к саморазвитию	Достоинство: простота и доступность. Недостатки: возможная недостоверность; не учитываются качественные факторы, влияющие на ИПП; инвестор может оценить предприятие только на конкретный момент времени – дата финансовой отчётности; невозможно сравнить предприятия, работающие в разных отраслях промышленности
Рыночный подход	Показатели рыночной активности предприятия, стоимости заемного и собственного капитала; добавленная стоимость предприятия	Достоинство: достоверность в оценке стоимости акций и величины дивидендов, которые выплачивает компания своим акционерам. Недостатки: применим только к тем предприятиям, чьи акции размещены на биржах; не дают полной информации о её перспективах
Определение ИПП на базе инвестиционного потенциала и рисков	Характеристики инвестиционного потенциала предприятия (финансово-экономические и качественные), степень инвестиционного риска	Достоинства: достоверность (возможность учета наступления неблагоприятных событий). Недостатки: сложность оценки инвестиционного потенциала и риск-факторов
Стоимостной подход	Показатели «добавленной стоимости»: EVA; SVA; MVA	Недостатки: не учитывает ряд факторов; оценивает ИП на базе текущих данных, не игнорируя возможные изменения в структуре управления предприятием
Комбинированный подход включает в себя и финансовый, и рыночный подходы	Рыночная капитализация, отнесённая к выручке; капитализация, отнесённая к прибыли; коэффициент, сопоставляющий цену акции и доход на неё	Сохраняет в себе достоинства и недостатки составляющих его финансового и рыночного подходов

Несмотря на высокую ценность существующих подходов к оценке ИПП, некоторые из них требуют совершенствования: чаще всего оценка ИПП сводится к расчету стандартных финансовых

коэффициентов; нередко оценка ИПП учитывает только внутренние факторы предприятия; основывается только на внешней бухгалтерской отчетности, которая может быть искажена; сложность в выборе показателей по количеству и по составу; отсутствует учет социальных, экологических и цифровых аспектов ИПП. Наличие данных проблем актуализирует необходимость совершенствования подходов к оценке ИПП.

Наиболее корректными методами оценки ИПП, применяемыми на практике, являются факторный, экспертный, интегральный (табл. 3).

Помимо рассмотренных выше методов оценки ИПП можно выделить: матричные методы, статистические методы, имиджевые методы и пр.

Каждый подход и метод имеют свои достоинства, недостатки. Поэтому необходимо для объективной и достоверной оценки уровня ИПП использовать сразу несколько методов. Выбор метода оценки ИПП зависит от статуса аналитика (инвестор, менеджер) и от информации, которой обладает аналитик (инсайдер или нет).

Переход к модели устойчивого развития предопределяет необходимость включения в систему оценки ИПП, показателей, отражающих привлекательность предприятия с точки зрения следования им принципам УР. Повышенное внимание к проблемам внедрения цифровых технологий, экологической безопасности и социальной ответственности бизнеса определяет необходимость включения в инклюзивную модель устойчивого развития и в расчет уровня ИПП не только трех классических компонентов УР (экономический рост, экологию и социум), но и четвертый – цифровизацию [5].

Для всесторонней оценки ИПП авторы предлагают использовать комплексный подход, для которого характерна: системность; доступность исходной информации; простота и низкая трудоемкость; практическая направленность; учет факторов внутренней и внешней среды, сложившейся ситуации, имеющихся ресурсов; учет отраслевой специфики, экологических, социальных и цифровых аспектов. Комплексный подход обобщает системный, структурный, факторный, ситуационный, ресурсный, рефрейминговый подходы.

Таблица 3

Методы оценки инвестиционной привлекательности

Название метода	Содержание	Информационная база. Приемы	Показатели	Недостатки и достоинства
Нормативно-правовой метод	Приказ ФСФО РФ от 23.01.2001 г. №16 «Об утверждении методических указаний по проведению анализа финансового состояния организаций» [13]; Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 г. №367 «Об утверждении правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» [14]; Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов, утв. Минэкономки РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ от 21.06.1999 г. № ВК 477	Отчетность предприятия за последние несколько лет. Оценщик использует методические рекомендации, изложенные в нормативных документах	Показатели финансовой устойчивости предприятия: - ликвидность; - деловая активность; - платежеспособность; - эффективность использования оборотного капитала	Достоинства: простота: методика расчета показателей определена. Недостатки: узость (оценка только внутренних факторов); значения, рассчитанных показателей несут субъективную оценку; отсутствие интерпретации трактовок для вывода об ИПП
Метод дисконтированных денежных потоков	заключается в приведении всех денежных потоков к одному временному промежутку с учётом ставки дисконтирования. С помощью данного метода, инвестор способен оценить, какое количество денег, он сможет получить через определённый период времени	Доступная информация (отчетность предприятия). Вычисление показателей на основе дисконтирования денежных потоков по конкретной ставке, объективно отражающей существующие риски	Величина денежных потоков (первоначальных вложений); уровень доходности (коэффициент дисконтирования)	Достоинства: простота расчётов; достоверность (вычисляется максимально приближенная объективная стоимость анализируемого объекта); можно использовать для выбора одного из наиболее ИПП.

Продолжение таблицы 3

Название метода	Содержание	Информационная база. Приемы	Показатели	Недостатки и достоинства
				<p>Недостатки: субъективность оценки (результаты расчетов зависят от величины ставки дисконта, а ее определить очень сложно; ИПП, получаемая в результате таких вычислений, является текущей, т.е., актуальной на тот момент, осуществления анализа</p>
<p>Семифакторная модель оценки инвестиционной привлекательности</p>	<p>анализ финансово-экономической информации о предприятии. ИПП определяется на основе количественной и качественной оценки, структуры и состава активов предприятия</p>	<p>Отчетность предприятия. Показатель – «рентабельность активов». Чем выше рентабельность активов, тем предприятие является наиболее инвестиционно привлекательным, и наоборот</p>	<p>Показатели: - оборотные активы; - заёмный капитал; - краткосрочные обязательства; - кредиторская и дебиторская задолженность; - выручка от реализации; - прибыль от продаж</p>	<p>Достоинства: простота и доступность. Недостатки: учет влияния только внутренних факторов; качественные факторы не принимаются в расчет; потенциальная неточность отражения в отчетности истинного положения предприятия</p>

Название метода	Содержание	Информационная база. Приемы	Показатели	Недостатки и достоинства
Экспертный метод	Использование методов рейтинговой оценки отдельных характеристик ИПП и ИПП в целом	Доступная информация. Кредитные рейтинги: - методика рейтингового агентства «АК&М»; - методики кредитных рейтинговых агентств: ООО «НКР»; ООО «НРА»; АО «Эксперт РА»; АКРА (АО); Муди`с Инвесторс Сервис Лимитед, аккредитованных в России и др.	Методика АК&М: Показатели: 1) эффективность деятельности предприятия (рентабельность; объем чистой прибыли; производительность труда); 2) коэффициенты платежеспособности предприятия	Достоинства: - для эмитента расширяется доступ к заемным средствам. - для инвесторов облегчает процесс принятия инвестиционного решения; позволяет сравнить ИП интересующих его предприятий. Недостаток: агентства не раскрывают методики определения ИПП
Интегральный метод оценки (на основе внутренних факторов)	позволяет рассчитать интегральный показатель на основе оценки отдельных показателей ИПП с учетом их значимости	Отчетность предприятия. Интегральная оценка ИПП	Основан на расчете различных групп показателей, которые входят в интегральный показатель оценки ИПП	Достоинство: достоверность полученных результатов оценки ИПП. Недостатки: субъективность; трудоемкость и сложность осуществления
Фундаментальный анализ	основан на комплексной оценке внешних и внутренних факторов, влияющих на ИПП. Исследование состояния экономики страны, отрасли и финансового положения предприятия с целью определения его рыночной стоимости	Макроэкономический анализ; индустриальный (отраслевой) анализ; анализ предприятия-эмитента (затратный, доходный, сравнительный); моделирование цены акции	Определение текущей рыночной стоимости ценных бумаг и последующий ее мониторинг для принятия инвестиционных решений	Достоинства: всесторонний анализ, достоверность. Недостатки: трудоемкость и сложность осуществления

Целевыми ориентирами предлагаемого подхода комплексной оценки ИПП выступают важнейшие признаки УР предприятия: экономический рост, активность, эффективность, непрерывность, устойчивость, независимость, инновационность, конкурентоспособность технологий, адаптивность, сбалансированность, безопасность, социальная стабильность, экологическая ориентация. Предприятие считается инвестиционно привлекательным, если оно оказывает благоприятное воздействие на сбалансированное развитие экономической, социальной, природной и цифровой среды.

В представленном подходе существенны следующие положения.

1. Авторы рассматривают ИПП как совокупность качественных и количественных характеристик предприятия (ресурсов, компетенций, технологий, коммуникаций, взаимодействий, условий, возможностей и способностей). ИПП должна включать в себя помимо финансово-экономических, технологических аспектов, социальные, экологические, цифровые аспекты. Выбор значимых компонентов ИПП, включаемых в расчет уровня ИПП, их содержание и оценка осуществляется экспертным методом.

2. Оценка ИПП должна осуществляться с учетом национальных, отраслевых особенностей, рискованной ситуации [7], специфики конкретного предприятия, конкретного инвестиционного проекта.

3. В целях оценки ИПП авторы принимают во внимание четыре фрейма (структурный, кадровый, политический и символический) [4], семнадцать глобальных целей устойчивого развития, четыре компонента УР (экономический рост, экологическую устойчивость, социальную устойчивость, цифровизацию), семь компонентов эффективности, (финансово-экономическую, экологическую, социальную, техно-технологическую, организационно-управленческую, рисковую, маркетинговую) и соответствующий им набор показателей, которые обобщают все стороны деятельности предприятия. Система показателей оценки ИПП формируется с учетом принципов сбалансированности, рациональной ограниченности оценки; она должна регулярно пересматриваться в связи со сменой приоритетов, появлением новых стратегий, навыков, технологий и изменением среды.

4. Оценку уровня ИПП, ее компонентов и показателей предлагается проводить по 10-балльной шкале (в силу разноразмерности показателей): 10 – высокий уровень; 9 – очень хороший уровень; 8 – хороший уровень; 7 – уровень выше среднего; 6 – средний уровень; 5 – ниже среднего уровня; 4 – слабый уровень; 3 – очень слабый уровень; 2 – незначительный уровень; 1 – крайне незначительный. Можно установить следующие интервалы значений показателей: 1–4; 4–7; 7–10; которые соответствуют низкому, среднему и высокому уровням ИПП.

5. Оценка общего уровня ИПП включает в себя следующие этапы: 1) выбор компонентов ИПП и их показателей; 2) проведение

рейтинговой оценки показателей ИПП; каждому из выбранных показателей (К) присваивается определенный балл; 3) оценка каждого компонента ИПП (I_{er} , I_{ec} , I_s , I_d) на основе отдельных показателей ИПП; 4) расчет частных интегральных показателей оценки компонентов ИПП (I_{i1} , I_{i2} , I_{i3} , I_{i4}); 5) расчет комплексного обобщающего показателя оценки уровня ИПП (I_{IIIII}). Кроме того, используя данную модель, можно осуществить расчет частных интегральных показателей оценки элементов эффективности (I_{e1} , I_{e2} , I_{e3} , I_{e4} , I_{e5} , I_{e6} , I_{e7}) и рассчитать сводный показатель оценки уровня эффективности (I_e).

Таким образом, в отличие от существующих подходов, представленная методика предлагает из всего многообразия аспектов ИПП принимать в расчет четыре аспекта УР, четыре фрейма, семь компонентов эффективности, наиболее значимых для адекватного представления уровня ИПП. Их интеграция позволяет выделить минимальный перечень показателей, достаточный для оценки компонентов ИПП и уровня ИПП в целом. Используем систему показателей, состав которой является минимально необходимым, доступно измеримым, максимально охватывающим все критические области ИПП (табл. 4).

Предлагаемая методика позволяет осуществить адекватную оценку уровня ИПП, получить целостную, точную картину уровня ИПП, сократить время и повысить результативность принятия управленческих решений, оптимизировать инвестиционные риски и может служить в качестве источника информации для выбора путей повышения уровня ИПП в условиях ESG-трансформаций. Отличительной особенностью методики является то, что она позволяет использовать любое количество наиболее значимых показателей, являющихся доступными, и сравнивать достигнутый уровень ИПП с ожидаемым, в динамике, с показателями других предприятий и разработать пошаговую систему корректировки ИПП, обеспечивающую улучшение реализации стратегии устойчивого развития.

Проведенные авторами исследования и разработанные методологические и методические положения вносят вклад в развитие теории и практики управления ИПП в условиях эконоцифровых трансформаций. Научные исследования в этой области можно продолжить в направлении дальнейшего обоснования структуры ИПП, показателей и критериев оценки ИПП, разработки моделей управления ИПП на основе больших данных и цифровых двойников.

Таблица 4

Система показателей оценки ИПП

Эффективность	Компоненты ИПП			
	Экономический рост	Экологическая устойчивость	Социальная устойчивость	Цифровизация
1	2	3	4	5
1. Экономическая	Доля рынка (K_{er11}) Коэффициент финансовой устойчивости (K_{er12}) Величина полученных кредитов и займов (K_{er13}) Коэффициент текущей ликвидности (K_{er14}) Оборачиваемость инвестированного капитала (K_{er15})	Степень использования зеленых финансовых инструментов (K_{ec11}) Объем инвестиций, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (K_{ec12}) Повторное использование отходов производства (K_{ec13}) Доля потребления возобновляемых энергоресурсов (K_{ec14})	Объем бюджетных субсидий (K_{s11}) Численность работников (K_{s12}) Просроченная задолженность по заработной плате работникам (K_{s13}) Задолженность по платежам в бюджет и государственные внебюджетные фонды (K_{s14})	Расходы на НИОКР (K_{d11}) Финансирование науки из средств государственного бюджета (K_{d12}) Затраты предприятия на исследования и разработки (K_{d13}) Гранты, субсидии, конкурсное финансирование исследований (K_{d14})
$I_{e1} = \sqrt[n]{I_{er1} \times I_{ec1} \times I_{s1} \times I_{d1}}$	$I_{er1} \sqrt[n]{K_{er11} \times K_{er12} \times K_{er13} \times \dots \times K_{er1n}}$	$I_{ec1} \sqrt[n]{K_{ec11} \times K_{ec12} \times K_{ec13} \times \dots \times K_{ec1n}}$	$I_{s1} \sqrt[n]{K_{s11} \times K_{s12} \times K_{s13} \times \dots \times K_{s1n}}$	$I_{d1} \sqrt[n]{K_{d11} \times K_{d12} \times K_{d13} \times \dots \times K_{d1n}}$

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5
2. Экологическая	<p>Энергоэффективность (K_{er21}) Доля экспорта (импорта) продукции (K_{er22}) Уровень экологической устойчивости (K_{er23})</p>	<p>Эмиссия парниковых газов (K_{ec21}) Объем сброса загрязненных сточных вод (K_{ec22}) Рациональность использования земель (K_{ec23}) Уровень загрязнения отходами производства и потребления (K_{ec24})</p>	<p>Уровень экономической, правовой, цифровой, эко-культуры (K_{s21}) Доля подразделений, придерживающихся ПОИ (K_{s22}) Коэффициент некачественных товаров (K_{s23})</p>	<p>Удельный вес подразделений, осуществляющих экологические инновации (K_{d21}) Специальные затраты предприятия, связанные с экологическими инновациями (K_{d22}) Экономия энергоресурсов (K_{d23})</p>
$I_{e2} = \sqrt[n]{I_{er2} \times I_{ec2} \times I_{s2} \times I_{d2}}$	$I_{er2} = \sqrt[n]{K_{er21} \times K_{er22} \times K_{er23} \times \dots \times K_{er2n}}$	$I_{ec2} = \sqrt[n]{K_{ec21} \times K_{ec22} \times K_{ec23} \times \dots \times K_{ec2n}}$	$I_{s2} = \sqrt[n]{K_{s21} \times K_{s22} \times K_{s23} \times \dots \times K_{s2n}}$	$I_{d2} = \sqrt[n]{K_{d21} \times K_{d22} \times K_{d23} \times \dots \times K_{d2n}}$

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5
3. Социальная	Средняя заработная плата (K_{er31}) Задолженность покупателей (K_{er32}) Рентабельность продаж (K_{er33}) Рентабельность активов (K_{er34})	Объем затрат на охрану окружающей среды (K_{ec31}) Расходы на участие в социальных и благотворительных программах (K_{ec32}) Доля штрафов в прибыли (K_{ec33}) Коэффициент своевременного предоставления отчетности (K_{ec34})	Реальная начисленная заработная плата работников (K_{s31}) Ожидаемая продолжительность активной жизни (K_{s32}) Уровень обеспечения реализации конституционных прав и свобод (K_{s33}) Число зарегистрированных преступлений (K_{s34})	Доля сотрудников (молодежи, взрослых), обладающих навыками в области ИКТ (K_{d31}) Доля подразделений, использующих цифровые технологии (K_{d32}) Инвестиции в модернизацию (K_{d33}) Уровень инновационной активности (K_{d34})
$I_{e3} = \sqrt[n]{I_{er3} \times I_{ec3} \times I_{s3} \times I_{d3}}$	$I_{er3} = \frac{I_{er3n}}{K_{er31} \times K_{er32} \times K_{er33} \times \dots \times K_{er3n}}$	$I_{ec3} = \frac{I_{ec3n}}{K_{ec31} \times K_{ec32} \times K_{ec33} \times \dots \times K_{ec3n}}$	$I_{s3} = \sqrt[n]{K_{s31} \times K_{s32} \times K_{s33} \times \dots \times K_{s3n}}$	$I_{d3} = \sqrt[n]{K_{d31} \times K_{d32} \times K_{d33} \times \dots \times K_{d3n}}$

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5
4. Организационно-управленческая	<p>Интегральный показатель эффективности использования трудовых ресурсов (K_{er41}) Себестоимость производства единицы продукции (K_{ec42}) Уровень инвестиционной активности (K_{er43})</p>	<p>Удельный вес подразделений, использующих систему контроля за загрязнением окружающей среды (K_{ec41}) Интегральный показатель эффективности использования затрат (K_{ec42}) Удельный вес экофинансирования в общем объеме инвестиций (K_{ec43})</p>	<p>Уровень стабильности кадров (K_{s41}) Доля женщин в управлении (K_{s42}) Уровень организационной культуры (K_{s43})</p>	<p>Число подразделений, выполнявших исследования и разработки (K_{d41}) Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (K_{d42}) Индекс развития ИКТ (K_{d43})</p>
$I_{e4} = \sqrt[n]{I_{er4} \times I_{ec4} \times I_{s4} \times I_{d4}}$	$I_{er4} = \sqrt[n]{K_{er41} \times K_{ec42} \times K_{er43} \times \dots \times K_{er4n}}$	$I_{ec4} = \sqrt[n]{K_{ec41} \times K_{ec42} \times K_{ec43} \times \dots \times K_{ec4n}}$	$I_{s4} = \sqrt[n]{K_{s41} \times K_{s42} \times K_{s43} \times \dots \times K_{s4n}}$	$I_{d4} = \sqrt[n]{K_{d41} \times K_{d42} \times K_{d43} \times \dots \times K_{d4n}}$

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5
5. Технологическая	Наличие основных фондов (K_{er51}) Объем инвестиций в основной капитал (K_{er52}) Интегральный показатель эффективности использования основных фондов (K_{er53})	Степень износа основных фондов (K_{ec51}) Коэффициент обновления основных фондов (K_{ec52}) Энергоемкость производства (K_{ec53})	Уровень технико-технологической оснащенности предприятия (K_{s51}) Производственный травматизм на 100 000 работающих (K_{s52}) Число созданных новых рабочих мест (K_{s53})	Число разработанных передовых производственных технологий (K_{d51}) Число используемых передовых производственных технологий (K_{d52}) Полученные патенты (K_{d53})
$I_{e5} = \sqrt[n]{I_{er5} \times I_{ec5} \times I_{s5} \times I_{d5}}$	$I_{er5} = \sqrt[n]{K_{er51} \times K_{er52} \times K_{er53} \times \dots \times K_{er5n}}$	$I_{ec5} = \sqrt[n]{K_{ec51} \times K_{ec52} \times K_{ec53} \times \dots \times K_{ec5n}}$	$I_{s5} = \sqrt[n]{K_{s51} \times K_{s52} \times K_{s53} \times \dots \times K_{s5n}}$	$I_{d5} = \sqrt[n]{K_{d51} \times K_{d52} \times K_{d53} \times \dots \times K_{d5n}}$

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5
6. Маркетинговая	<p>Уровень доступности финансовых услуг (K_{er61}) Уровень удовлетворенности государства (K_{er62}) Уровень удовлетворенности собственников (K_{er63}) Уровень удовлетворенности инвесторов (K_{er64})</p>	<p>Уровень удовлетворенности потребителей (K_{ec61}) Соответствие системе международных и национальных стандартов (K_{ec62}) Уровень удовлетворенности общественных организаций (K_{ec63})</p>	<p>Уровень удовлетворенности сотрудников (K_{s61}) Уровень удовлетворенности контрагентов (K_{s62}) Уровень развития инфраструктуры (K_{s63})</p>	<p>Индекс цифрового потребления (K_{d61}) Объем инновационных товаров, работ, услуг предприятия (K_{d62}) Торговля технологиями с зарубежными странами (K_{d63})</p>
$I_{e6} = \sqrt[n]{I_{er6} \times I_{ec6} \times I_{s6} \times I_{d6}}$	$I_{er6} = \sqrt[n]{K_{er61} \times K_{er62} \times K_{er63} \times \dots \times K_{er6n}}$	$I_{ec6} = \sqrt[n]{K_{ec61} \times K_{ec62} \times K_{ec63} \times \dots \times K_{ec6n}}$	$I_{s6} = \sqrt[n]{K_{s61} \times K_{s62} \times K_{s63} \times \dots \times K_{s6n}}$	$I_{d6} = \sqrt[n]{K_{d61} \times K_{d62} \times K_{d63} \times \dots \times K_{d6n}}$

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5
<p>7. Рисковая</p>	<p>Коэффициент рисковей устойчивости (K_{er71}) Рискоемкость (K_{er72}) Коэффициент риска (K_{er73}) Коэффициент автономии (K_{er74})</p>	<p>Уровень управляемости экологическими рисками (K_{ec71}) Уровень внедрения системы управления рисками (K_{ec72}) Коэффициент непрерывности процессов управления рисками (K_{ec73})</p>	<p>Эффективность риск-менеджмента (K_{s71}) Уровень стабильности риск-менеджмента (K_{s72}) Индекс цифровой безопасности (K_{s73})</p>	<p>Доля инновационных технологий риск-менеджмента (K_{d71}) Удельный вес подразделений, осуществлявших инновации, обеспечивающие повышение экологической безопасности (K_{d72}) Удельный вес подразделений, осуществлявших инновации, обеспечивающие повышение кибербезопасности (K_{d73})</p>
$I_{e7} = \sqrt[n]{I_{er7} \times I_{ec7} \times I_{s7} \times I_{d7}}$	$I_{er7} = \sqrt[n]{K_{er71} \times K_{er72} \times K_{er73} \times \dots \times K_{er7n}}$	$I_{ec7} = \sqrt[n]{K_{ec71} \times K_{ec72} \times K_{ec73} \times \dots \times K_{ec7n}}$	$I_{s7} = \sqrt[n]{K_{s71} \times K_{s72} \times K_{s73} \times \dots \times K_{s7n}}$	$I_{d7} = \sqrt[n]{K_{d71} \times K_{d72} \times K_{d73} \times \dots \times K_{d7n}}$

$I_e = \sqrt[4]{I_{e1} \times I_{e2} \times I_{e3} \times I_{e4} \times I_{e5} \times I_{e6} \times I_{e7}}$	$I_{i1} = \sqrt[4]{I_{er1} \times I_{er2} \times I_{er3} \times I_{er4} \times I_{er5} \times I_{er6} \times I_{er7}}$	$I_{i2} = \sqrt[4]{I_{ec1} \times I_{ec2} \times I_{ec3} \times I_{ec4} \times I_{ec5} \times I_{ec6} \times I_{ec7}}$	$I_{i3} = \sqrt[4]{I_{es1} \times I_{es2} \times I_{es3} \times I_{es4} \times I_{es5} \times I_{es6} \times I_{es7}}$	$I_{i4} = \sqrt[4]{I_{ed1} \times I_{ed2} \times I_{ed3} \times I_{ed4} \times I_{ed5} \times I_{ed6} \times I_{ed7}}$
Общий уровень ИПП: $I_{пп} = \sqrt[4]{I_{i1} \times I_{i2} \times I_{i3} \times I_{i4}}$				

Список литературы

1. Афоничкин А.И. Финансовый менеджмент. – В 2 ч. Ч. 1. Методология: учебник и практикум для вузов / А.И. Афоничкин, Л.И. Журова, Д.Г. Михаленко; под ред. А.И. Афоничкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 217 с.
2. Бланк И.А. Инвестиционный менеджмент: учебный курс / И.А. Бланк. – М.: Ника-Центр; Киев: Эльга, 2002. – 448 с.
3. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты / С.Н. Бобылев // Мир новой экономики. – 2017. – №3. – С. 90–96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gretere.miiigaik.ru> (дата обращения: 15.10.2022).
4. Боровкова В.А. Рефрейминг процесса менеджмента риска организации / В.А. Боровкова, В.А. Боровкова // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – Т. 17. Вып. 8. – С. 1428–1448.
5. Боровкова В.А. Факторы и инструменты влияния цифровизации на экологизацию экономики / В.А. Боровкова, В.А. Боровкова // Проблемы управления в социально-экономических системах: теория, методология, практика: монография / гл. ред. О.В. Мишулина. – Чебоксары: Среда, 2019. – 216 с.
6. Боровкова В.А. Актуальные концептуальные основы оценки уровня обеспечения экономической безопасности организации / В.А. Боровкова, И.А. Круглова // Ученые записки МБИ. – 2021. – №2 (36). – С. 35–62.
7. Боровкова В.А. Методика оценки целесообразности внедрения на предприятиях программного обеспечения риск-менеджмента / В.А. Боровкова, И.Н. Люкевич, Н.И. Акылбекова // *π-Economy*. – 2022. – №6. – С. 128–145.
8. Валинурова Л.С. Управление инвестиционной деятельностью / Л.С. Валинурова, О.Б. Казакова. – М.: КНОРУС, 2015. – 384 с.
9. Гришина И. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей / И. Гришина, А. Шахназаров, И. Ройзман // Инвестиции в России. – 2001. – №4. – С. 5–16.
10. Ендовицкий Д.А. Анализ инвестиционной привлекательности организации: научное издание / Д.А. Ендовицкий, В.А. Бабушкин, Н.А. Батурина. – М.: КНОРУС, 2018. – 376 с.
11. Иванов А.П. Финансовые методы управления инвестиционной привлекательностью компании / А.П. Иванов, И.В. Сахарова, Е.Ю. Хрусталев // Аудит и финансовый анализ. – 2006. – №1. – С. 124–141.
12. Казакова Н.А. Экономический анализ в оценке бизнеса и управлении инвестиционной привлекательностью компании: учеб. пособие / Н.А. Казакова. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 240 с.
13. Крылов Э.И. Анализ финансового состояния и инвестиционной привлекательности предприятия: учеб. пособие / Э.И. Крылов, В.М. Власова, М.Г. Егорова. – М.: Финансы и статистика, 2016. – 192 с.
14. Машкин В.И. Управление инвестиционной привлекательностью реального сектора экономики региона / В.И. Машкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bnews.narod.ru/economy/management.htm> (дата обращения: 24.04.2023).
15. Трясицина Н.Ю. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности предприятий / Н.Ю. Трясицина // Экономический анализ. – 2006. – №18. – С. 5.
16. Черемисинова Д.В. Концепции финансового обеспечения устойчивого экономического развития / Д.В. Черемисинова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/31474029-Koncepcii-finansovogo-obespecheniya-ustoychivogo-ekonomicheskogo-razvitiya-cheremisinova-d-v.html> (дата обращения: 15.10.2022).

ГЛАВА 3

DOI 10.31483/r-106652

Логинова Наталья Анатольевна

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ КОРПОРАТИВНЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

Аннотация: в главе спроектирована система корпоративных ресурсов для обеспечения экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта с целью нахождения отклонений от заданного вектора развития и установлению сопутствующих угроз, а также причин их возникновения. При формировании результатов работы с первоисточниками были использованы: графический, коэффициентный, экспертный методы, а также методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, абстрагирования. Результаты исследования могут быть использованы при развитии знаний в области экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: проектирование, система, корпоративные ресурсы, экономическая безопасность, хозяйствующий субъект.

Abstract: the chapter designed a system of corporate resources to ensure the economic security of a typical business entity in order to find deviations from a given development vector and to identify associated threats, as well as their causes. When forming the results of working with primary sources, the following were used: graphical, coefficient, expert methods, as well as methods of analysis, synthesis, deduction, induction, abstraction. The results of the study can be used in the development of knowledge in the field of economic security of economic entities.

Keywords: design, system, corporate resources, economic security, business entity.

Анализ первоисточников [1–17] показал, что проектирование системы корпоративных ресурсов для обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта целесообразно проводить в два этапа: исследование наличие имеющихся ресурсов (материальных, финансовых, информационных, человеческих); разработку как минимум трех сценариев в части прогноза по их привлечению на ближайшие три года. На наш взгляд, таковыми сценариями могут быть: оптимистический (количество необходимых ресурсов при благоприятном развитии событий), наиболее вероятный (количество ресурсов необходимых при аналогичном ходе развития событий), пессимистический

(количество необходимых ресурсов при благоприятном развитии событий).

Большинство авторов [1–7, 9, 11, 13–15, 17] полагают, что оптимистический сценарий содержит, как правило, до +10% от текущих значений, а пессимистический, напротив, – 10%.

Спроектируем систему корпоративных ресурсов для обеспечения экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта.

1. Материальные ресурсы. Определим необходимый объём основных производственных фондов, необходимый для обеспечения экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта.

По данным бухгалтерского баланса, отчёта о финансовых результатах и данных рассчитаем показатели производственной эффективности использования основных фондов: фондоотдачу основных производственных фондов, фондоёмкость и рентабельность основных средств (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Расчёт показателей эффективности использования основных фондов для типового предприятия

Показатель	2020	2021	2022	Среднее
Исходные данные				
1. Стоимость основных средств, тыс. руб.	168256	158799	560756	295937
2. Выручка, тыс. руб.	259747	325186	999379	528104
3. Чистая прибыль, тыс. руб.	36521	29790	168400	78237
Расчетные данные				
Фондоотдача, % (стр. 2/стр. 1) * 100%	154,4	204,8	178,2	178,5
Фондоёмкость, % (стр. 1/стр. 2) * 100%	64,8	48,8	56,1	56,0
Рентабельность ОС, % (стр. 3/стр. 1) * 100%	21,7	18,8	30,0	26,4

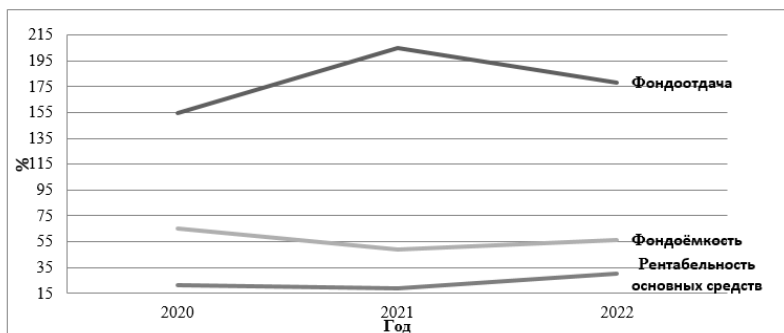

Рис. 1. Показатели эффективности использования основных фондов типового хозяйствующего субъекта

Проанализировав данные табл. 1 и рис. 1, можно сделать следующие заключения:

1) показатель фондоотдачи свидетельствует о результативности деятельности хозяйствующего субъекта, и отражает вероятный «возврат» денежных средств от осуществленных вложений в основные средства. Так значение фондоотдачи за период 2020–2022 года увеличилось на 23,8%, что обусловлено более эффективным использованием основных средств хозяйствующего субъекта;

2) фондоёмкость показывает, какая доля основных средств была израсходована для выпуска продукции на 1 руб., за период 2020–2022 гг. значение фондоёмкости снизилось на 8,7%, что свидетельствует о рациональной эксплуатации основных фондов в рассматриваемом периоде;

3) рентабельность основных средств свидетельствует, о величине прибыли, которую хозяйствующий субъект получает на 1 руб. основных средств. Так в периоде с 2020 по 2022 годы, рентабельность основных средств хозяйствующего субъекта увеличилась на 8,3%, что свидетельствует об эффективном их использовании.

Анализ показателей эффективности использования основных фондов типового хозяйствующего субъекта показал, что основные средства за период с 2020 по 2022 год стали использоваться эффективнее и рациональнее.

Для дополнения нашего исследования материальных ресурсов рассчитаем показатель фондовооружённости труда, что даст нам возможность проанализировать, сколько основных производственных фондов приходится на каждого работника и показывает, насколько производство оснащено оборудованием (табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

Расчёт фондовооружённости труда
для типового хозяйствующего субъекта

Показатель	2020	2021	2022	Среднее
Исходные данные				
1. Стоимость основных средств, тыс. руб.	168256	158799	560756	295937
2. Среднесписочная численность сотрудников, чел.	39	42	47	43
Рассчитываемые данные				
Фондовооружённость труда, тыс. руб./чел. (стр. 1/стр. 2)	4314	3781	11931	6936
Темпы роста фондовооружённости труда				
2021/2020, %	2022/2021, %	2022/2020, %	Абсолютный прирост, тыс. руб. (2022–2020)	
– 12,4	315,6	276,6	7617	

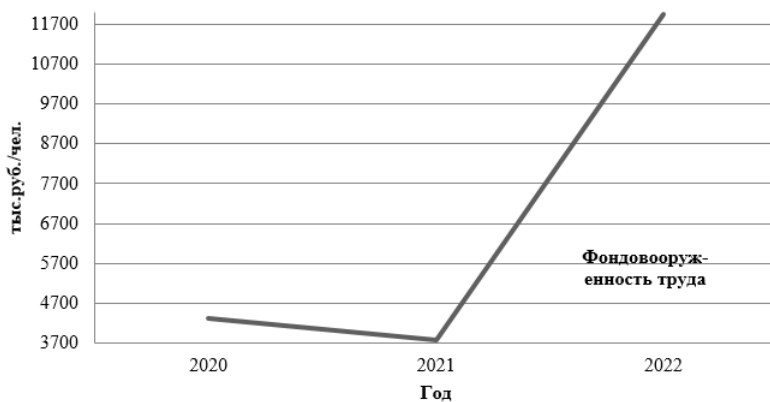

Рис. 2. Фондовооружённость труда типового хозяйствующего субъекта

Из данных табл. 2 и рис. 2, можно заключить, что показатель фондовооружённости труда хозяйствующего субъекта значительно вырос в период с 2020 по 2022 год (в 2,77 раза). Это обусловлено тем, что число основных производственных фондов на одного работника достаточно велико, по сравнению с 2020 годом и производство слишком хорошо оснащено оборудованием. Возможно, этот факт связан с

заменой старого оборудование на новое или переходом на использование цифровых технологий (искусственного интеллекта)

Таким образом, анализ основных средств типового хозяйствующего субъекта показал достаточно хорошее оснащение основными производственными фондами. Кроме того, установлено, что в 2022 году выросла эффективность их использования по сравнению с 2020 годом. Исходя из этого, наращивать объём основных средств типового хозяйствующего субъекта нецелесообразно в ближайшие три года. Предлагается, оставить объём основных производственных фондов на уровне 2022 года равном: 560 756 тыс. руб. Вместе с тем, если ситуация будет благоприятна, то возможно увеличить основные производственные фонды порядка 56 100 тыс. рублей, акцентировав внимание именно на цифровые технологии и искусственный интеллект.

Для достижения целей нашего исследования определим необходимое количество оборотных активов, необходимых для обеспечения экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта, применяя коэффициентный метод. Рассчитаем среднее значение коэффициентов оборачиваемости для текущих активов типового хозяйствующего субъекта за 2020–2022 годы.

Таблица 3

Расчёт коэффициентов оборачиваемости текущих активов
для типового хозяйствующего субъекта

Показатель	2020	2021	2022	Среднее
Исходные данные				
1. Выручка, тыс. руб.	259747	325186	999379	528104
2. Запасы, тыс. руб.	8411	11850	44121	21461
3. Дебиторская задолженность, тыс. руб.	26730	53276	306629	128878
4. Денежные средства, тыс. руб.	30160	10867	105518	48848
5. Прочие оборотные активы, тыс. руб.	1501	1349	7061	3304
Рассчитываемые данные				
Ко запасов (стр. 1/стр. 2)	30,9	27,4	22,7	24,6
Ко дебиторской задолженности (стр. 1/стр. 3)	9,7	6,1	3,3	4,1
Ко денежных средств (стр. 1/стр. 4)	8,6	29,9	9,5	10,8
Ко прочих текущих активов (стр. 1/стр. 5)	173,0	241,1	141,5	159,9

Рассчитаем потребную величину текущих активов по формуле:

$$TA_i = \frac{BP_{пл}}{K_{oi}}, \quad (1)$$

где $BP_{пл}$ – плановая выручка; TA_i – потребная величина текущего актива.

Наиболее вероятной считаем получение выручки в объеме 999 379 тыс. руб. ежегодно в ближайшие 3 года, при наступлении благоприятных событий, возможно, установить целевое значение выручки – 1 100 000 тыс. руб. каждый год; при неблагоприятных условиях развития экономики целесообразно установить объем выручки порядка 900 000 тыс. руб.

В качестве значений K_{oi} -рациональные значения коэффициентов оборачиваемости для видов текущих активов за исследуемый период (мы предлагаем средние значения) в наиболее вероятный сценарий; а также увеличенные на 10% в оптимистический сценарий и сниженные на 10% в пессимистический сценарий. Занесем полученные результаты в табл. 4.

Таблица 4

Потребная величина текущих активов
типового хозяйствующего субъекта

Показатель	Ежегодный целевой ориентир		
	Оптимистич- ный сценарий	Наиболее вероятный сценарий	Пессими- стичный сценарий
Исходные данные			
1. Выручка плановая, тыс. руб.	1 100 000	999 379	900 000
2. Ко запасов	27,0	24,6	22,2
3. Ко дебиторской задолженности	4,5	4,1	3,7
4. Ко денежных средств	11,8	10,8	8,9
5. Ко прочих текущих активов	174	159,9	144
Рассчитываемые данные			
TA_3 (стр. 1/стр. 2), тыс. руб.	40 740	40 625	40 540
$TA_{дз}$ (стр. 1/стр. 3), тыс. руб.	244 444	243 750	243 243
$TA_{дс}$ (стр. 1/стр. 4), тыс. руб.	93 220	92 535	101 124
$TA_{пр}$ (стр. 1/стр. 5), тыс. руб.	6 322	6 250	6250

Таким образом, потребная величина запасов при наиболее вероятном сценарии составит – 40 625 тыс. руб.; потребная величина дебиторской задолженности – 243 750 тыс. руб.; денежных средств – 92 535 тыс. руб.; прочих текущих активов – 6 250 тыс. руб.

Общая сумма потребных текущих активов – 338 160 тыс. руб. Потребная величина запасов при оптимистичном сценарии составит – 40 740 тыс. руб.; потребная величина дебиторской задолженности – 244 444 тыс. руб.; денежных средств – 93 220 тыс. руб.; прочих текущих активов – 6 322 тыс. руб.

Общая сумма потребных текущих активов – 384 726 тыс. руб. Потребная величина запасов при пессимистичном сценарии составит – 40 540 тыс. руб.; потребная величина дебиторской задолженности – 243 243 тыс. руб.; денежных средств – 101 124 тыс. руб.; прочих текущих активов – 6 250 тыс. руб. Общая сумма потребных текущих активов – 391 157 тыс. руб.

2. *Финансовые ресурсы.* Определим рациональный объём заемных денежных средств и оптимальную среднюю расчётную ставку процента (СРСП), необходимые для построения системы экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта, используя инструмент «эффект финансового рычага». В качестве оптимальных значений заёмного капитала и СРСП, примем среднее значение за период 2020–2022 годы. Рассчитаем среднее значение эффекта финансового рычага, дифференциала и плеча финансового рычага за 2020–2022 годы для типового хозяйствующего субъекта. Исходные данные возьмем из бухгалтерского баланса и отчёта о финансовых результатах предприятия (табл. 5).

Таблица 5

Расчет эффекта финансового рычага для типового предприятия

Показатель	2020	2021	2022	Среднее значение
<i>I</i>	2	3	4	5
Исходные данные				
1. Рентабельность активов, ROA %	15,4	12,6	15,1	14,4
2. Рентабельность собственных средств, ROE %	60,7	37,6	75,7	58,0
3. Проценты к уплате, тыс. руб.	1505	1347	2464 5	9166
4. Заемные средства (краткосрочные), тыс. руб.	320	1667	5029 7	17428
5. Заемные средства (долгосрочные), тыс. руб.	16000	16000	1844 01	72134
8. Собственный капитал, тыс. руб.	60128	79223	2224 35	120595

1	2	3	4	5
Расчитываемые данные				
9. Налоговый корректор (1 – Ставка налога на прибыль)		0,8	0,8	0,8
10. Дифференциал финансового рычага, % (стр. 1 – стр. 11)		6,18	4,98	4,60
11. Средняя расчетная ставка процента, СРСП % (ст. 3 * 100/ (ст. 4 + ст. 5))		9,22	7,62	10,5 0
12. Плечо финансового рычага ((стр. 4+стр. 5)/стр. 8)		0,27	0,22	1,06
13. Эффект финансового рычага, % (стр. 9*стр. 10*стр. 12)		1,34	0,89	3,88

Основываясь на данных табл. 5, составим уравнение эффекта финансового рычага (ЭФР) для типового хозяйствующего субъекта, используя средние значения показателей, за период 2020–2022 годов.

Компоненты уравнения эффекта финансового рычага:

- налоговый корректор = 1 – Ставка налога на прибыль = $1 - 0,2 = 0,8$ – постоянное значение 0,8 в периоде 2020–2022 гг.;

- дифференциал = Рентабельность активов (ROA) – Средняя расчетная ставка процента (СРСП) = $14,4\% - 10,23\% = 4,17\%$;

- плечо финансового рычага = $\frac{\text{Заемный капитал}}{\text{Собственный капитал}} = \frac{17428+72134}{120595} = 0,74$.

Следовательно, расчет эффекта финансового рычага можно провести по формуле (2):

$$\text{ЭФР}_{\text{среднее}} = \text{Налоговый корректор} \times \text{Дифференциал} \times$$

$$\text{Плечо финансового рычага} \quad (2)$$

$$\text{ЭФР}_{\text{среднее}} = 0,8 * 4,17 * 0,74 = 2,47\%.$$

Таким образом, при наиболее вероятном развитии событий значение плеча финансового рычага составит 0,74 (доля заемного капитала составит 74% от собственного капитала типового хозяйствующего субъекта при средней расчетной ставке процента равной 10,23%). При этих же условиях, оптимальное значение дифференциала финансового рычага типового хозяйствующего субъекта составит 4,17%, что свидетельствует о том, что рентабельность активов ROA превышает среднюю расчетную ставку процента. Исходя из этого, привлечение заемных средств пойдет на пользу хозяйствующему субъекту и позволит увеличить его прибыль. Оптимальное значение эффекта финансового рычага составит 2,47%, что свидетельствует о том, что хозяйствующий субъект получит приращение к рентабельности собственных

средств в размере 2,47%, благодаря использованию кредита, несмотря на платность последнего.

При оптимистичном сценарии развития событий значение плеча финансового рычага составит 0,82 (доля заемного капитала составит 82% от собственного капитала типового хозяйствующего субъекта при средней расчетной ставке процента равной 9,2%). При этих же условиях, оптимальное значение дифференциала финансового рычага типового хозяйствующего субъекта составит 3,6%, что свидетельствует о том, что рентабельность активов ROA превышает среднюю расчетную ставку процента. Исходя из этого, привлечение заемных средств пойдёт на пользу хозяйствующему субъекту и позволит увеличить его прибыль. Оптимальное значение эффекта финансового рычага составит 2,36%, что свидетельствует о том, что хозяйствующий субъект получит приращение к рентабельности собственных средств в размере 2,36%, благодаря использованию кредита, несмотря на платность последнего. Важно отметить, что кредитная нагрузка на хозяйствующий субъект увеличится и отдача от этой нагрузки будет меньше, чем при наиболее вероятном варианте развития событий.

При пессимистичном сценарии развития событий значение плеча финансового рычага составит 0,67 (доля заемного капитала составит 67% от собственного капитала типового хозяйствующего субъекта при средней расчетной ставке процента равной 11,46%). При этих же условиях, оптимальное значение дифференциала финансового рычага типового хозяйствующего субъекта составит 4,6%, что свидетельствует о том, что рентабельность активов ROA превышает среднюю расчетную ставку процента. Исходя из этого, привлечение заемных средств пойдёт на пользу хозяйствующему субъекту и позволит увеличить его прибыль. Оптимальное значение эффекта финансового рычага составит 2,47%, что свидетельствует о том, что хозяйствующий субъект получит приращение к рентабельности собственных средств в размере 2,47%, благодаря использованию кредита, несмотря на платность последнего. Важно отметить, что кредитная нагрузка на хозяйствующий субъект уменьшится, но отдача от этой нагрузки будет аналогична наиболее вероятному варианту развития событий.

Далее считаем необходимым рассчитать оптимальную долю заёмного капитала, в общем капитале типового хозяйствующего субъекта, а также оптимальное количество собственного капитала. Для этого воспользуемся коэффициентом покрытия активов собственными оборотными средствами (K_n).

Коэффициент покрытия K_n показывает достаточность у хозяйствующего субъекта собственных средств для финансирования текущей деятельности. Суть K_n заключается в том, что внеоборотные активы, являющиеся низколиквидными, должны быть полностью покрыты

устойчивым источником средств – собственным капиталом. Нормальное значение $K_{п} \geq 0,4$, если значение коэффициента меньше нормы, то структура баланса – неудовлетворительная, а хозяйствующий субъект является неплатёжеспособным в текущем периоде. Рассчитаем значения $K_{п}$ для за период 2020 – 2022 гг., основываясь на данных бухгалтерского баланса, табл. 6.

Таблица 6

Расчёт $K_{п}$ коэффициента покрытия активов собственными оборотными средствами для типового хозяйствующего субъекта

Показатель	2020	2021	2022	Среднее
Исходные данные				
1. Собственный капитал, тыс. руб.	60128	79223	222435	120595
2. Внеоборотные активы, тыс. руб.	168397	159022	652233	326551
3. Оборотные активы, тыс. руб.	68010	77342	463329	202894
Рассчитываемые данные				
Коэффициент покрытия активов собственными оборотными средствами $K_{п}$ ((стр. 1 – стр. 2) / стр. 3)	- 1,6	- 1,0	- 0,9	- 1,0

Исходя из данных табл. 6, среднее значение коэффициента покрытия $K_{п}$ для типового хозяйствующего субъекта за 2020–2022 годы составит – 1, что существенно ниже нормы. Для того, чтобы привести значение $K_{п}$ в норму, необходимо увеличить объём собственного капитала хозяйствующего субъекта. Установим среднее значение собственного капитала, таким, чтобы значение $K_{п}$ превысило 0,4. При собственном капитале равным 410 000 тыс. руб., коэффициент покрытия $K_{п}$ будет равен:

$$K_{п} = \frac{\text{Собственный капитал} - \text{Внеоборотные активы}}{\text{Оборотные активы}} = \frac{410\,000 - 326\,551}{202\,894} = 0,41$$

Следовательно, теперь $K_{п}$ имеет значение соответствующее норме ($\geq 0,4$).

Поскольку ранее было рассчитано оптимальное значение плеча финансового рычага (для наиболее вероятного сценария развития событий), его значение составило 0,74. То, теперь, рассчитав оптимальное значение собственного капитала, необходимо рассчитать оптимальное значение заемного капитала, которое составит 74% от собственного:

54 Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты

$$\text{Плечо финансового рычага} = \frac{\text{Заемные средства}}{\text{Собственные средства}} = 0,74;$$

$$\text{Заемные средства} = \text{Собственные средства} \times 0,54$$

$$\text{Заемные средства} = 410\,000 \times 0,74 = 303\,400 \text{ тыс. руб.}$$

Таким образом, оптимальный объём заёмных денежных средств для типового хозяйствующего субъекта при наиболее вероятном варианте развития событий составит 303 400 тыс. руб., при средней расчётной ставке процента равной 10,23%.

Оптимальный объём заёмных денежных средств для типового хозяйствующего субъекта при оптимистичном варианте развития событий составит 348 500 тыс. руб., при средней расчётной ставке процента равной 9,2%.

Оптимальный объём заёмных денежных средств для типового хозяйствующего субъекта при пессимистичном варианте развития событий составит 274 700 тыс. руб., при средней расчётной ставке процента равной 11,46%.

3. Информационные ресурсы. Для того, чтобы определить количество информационных ресурсов, требующихся для обеспечения экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта, проведём анализ рисков информационной безопасности. Рассмотрим угрозы, которым подвержены информационные ресурсы хозяйствующего субъекта и потенциальный ущерб, в случае реализации этих угроз.

Установим вероятность реализации каждой из представленных в табл. 7 угроз информационной безопасности типового хозяйствующего субъекта, на основании использования экспертного метода (табл. 8).

Таблица 7

Угрозы информационной безопасности типового хозяйствующего субъекта

Информационный актив	Стоимость актива, тыс. руб.	Угроза	Причина возникновения	Потенциальный ущерб от реализации угрозы
Веб-сервер	300	выход веб-сервера из строя	отсутствие системы бесперебойного питания	14% от прибыли
Сервер баз данных с информацией о клиентах	200	потеря информации о клиентах	отсутствие системы резервного копирования	10% от прибыли
Информационная система предприятия	500	не выявление вирусной угрозы информационной системы	отсутствие антивирусного ПО	8% от прибыли
Инновационные технологии предприятия	1000	отсутствие возможности выполнить заказ клиента из-за низкого уровня технической оснащённости производства	низкий уровень технической оснащённости производства	12% от прибыли
Договора, контракты, отчёты о деятельности подразделений	-	потеря коммерческой информации	отсутствие соглашения о нераспространении конфиденциальной информации	4% от прибыли

Таблица 8

Расчёт величины риска реализации информационных угроз типового хозяйствующего субъекта

Угроза	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Среднее значение	Оценка уровня риска
Угроза 1: выход веб сервера из строя	0,4	0,6	0,5	0,5	Средний
Угроза 2: потеря информации о клиентах	0,8	0,7	0,6	0,7	Высокий
Угроза 3: не выявление вирусной угрозы информационной системы	0,6	0,4	0,5	0,5	Средний
Угроза 4: отсутствие возможности выполнить заказ клиента из-за низкого уровня технической оснащённости производства	0,7	0,7	0,7	0,7	Высокий
Угроза 5: потеря коммерческой информации	0,3	0,1	0,2	0,2	Низкий

Рассчитаем потенциальный ущерб типового хозяйствующего субъекта, в случае реализации угроз информационной безопасности.

Таблица 9

Расчёт потенциального ущерба типового хозяйствующего субъекта в случае реализации угроз информационной безопасности

Показатель	2020	2021	2022	Среднее
Исходные данные				
Чистая прибыль, тыс. руб.	36521	29790	168400	78237
Рассчитываемые данные				
Ущерб от реализации угрозы 1, тыс. руб. (стр. 3 * 7%)	2556,5	2085,3	11788,0	5476,6
Ущерб от реализации угрозы 2, тыс. руб. (стр. 3 * 5%)	1826,1	1489,5	8420,0	3911,9
Ущерб от реализации угрозы 3, тыс. руб. (стр. 3 * 4%)	1460,8	1191,6	6736,0	3129,5
Ущерб от реализации угрозы 4, тыс. руб. (стр. 3 * 12%)	4382,5	3574,8	20208,0	9388,4
Ущерб от реализации угрозы 5, тыс. руб. (стр. 3 * 2%)	1460,8	1191,6	6736,0	3129,5

Уточним для целей нашего исследования методы работы с каждым из возможных рисков возникновения угрозы информационной безопасности типового хозяйствующего субъекта на основании использования экспертного метода в части оценивания уровня риска и потенциального ущерба (в процентном соотношении от средней прибыли за период 2020–2022 годов) в случае реализации угрозы.

Таблица 10

Методы работы с информационными рисками

Риск	Потенциальный ущерб, тыс. руб.	Оценка уровня риска	Метод работы с риском
1	2	3	4
Выход веб сервера из строя	5476,6	Средний	Исключение риска, путём приобретения системы бесперебойного питания, стоимостью 400 тыс. руб.
Потеря информации о клиентах	3911,9	Высокий	Исключение риска, путём приобретения системы резервного копирования, стоимостью 250 тыс. руб.

Окончание таблицы 10

1	2	3	4
Не выявление вирусной угрозы информационной системы	3129,5	Средний	Минимизация риска, приобретение антивирусного ПО, стоимостью 50 тыс. руб.
Отсутствие возможности выполнить заказ клиента из-за низкого уровня технической оснащённости производства	9388,4	Высокий	Исключение риска, путём приобретения инновационной технологии производства, позволяющей преодолеть недостаток в технической оснащённости, стоимостью 700 тыс. руб.
Потеря коммерческой информации	3129,5	Низкий	Минимизация риска, заключение соглашения о нераспространении конфиденциальной информации

Таким образом, для обеспечения информационной составляющей экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта по наиболее вероятному сценарию необходимы следующие информационные ресурсы: система бесперебойного питания (400 тыс. руб.), система резервного копирования (250 тыс. руб.), антивирусное программное оборудование (50 тыс. руб.), инновационная технология производства (700 тыс. руб.). Общая стоимость необходимых информационных ресурсов составляет: 1400 тыс. руб.

Для обеспечения информационной составляющей экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта по оптимистичному сценарию необходимы следующие информационные ресурсы: система бесперебойного питания (440 тыс. руб.), система резервного копирования (275 тыс. руб.), антивирусное программное оборудование (55 тыс. руб.), инновационная технология производства (770 тыс. руб.). Общая стоимость необходимых информационных ресурсов составляет: 1540 тыс. руб.

Для обеспечения информационной составляющей экономической безопасности типового хозяйствующего субъекта по пессимистичному сценарию необходимы следующие информационные ресурсы: система бесперебойного питания (360 тыс. руб.), система резервного копирования (225 тыс. руб.), антивирусное программное оборудование (45 тыс. руб.), инновационная технология производства (630 тыс. руб.). Общая стоимость необходимых информационных ресурсов составляет: 1260 тыс. руб.

4. *Человеческие ресурсы.* Определим среднесписочную численность сотрудников типового хозяйствующего субъекта необходимую для обеспечения его экономической безопасности, табл. 11, рис. 3.

Таблица 11

Динамика численности персонала типового хозяйствующего субъекта за 2020–2022 гг.

Показатель	Годы			Абсолютное отклонение (+, -)		Относительное отклонение, %	
	2020	2021	2022	2021/2020	2022/2021	2021/2020	2022/2021
Среднесписочная численность, чел.	39	42	47	3	5	7,7	11,9
Принято всего, чел.	7	10	16	3	6	42,9	60
Выбыло всего, чел.	2	5	9	3	4	150	80
Коэффициент приема кадров, $K_{п}$ %	17,95	23,81	34,04	5,86	10,23	32,6	42,9
Коэффициент стабильности кадров $K_{ст}$	0,04	0,09	0,14	0,05	0,05	125	55,6
Коэффициент текучести кадров, $K_{тек}$ %	5,13	11,90	19,15	6,77	7,25	131,9	60,9
Коэффициент восполнения кадров $K_{восп}$	3,5	2	1,78	-1,5	-0,22	-42,9	-11
Коэффициент укомплектованности кадров $K_{ук}$	0,75	0,81	0,90	0,06	0,09	1,08	1,11

Рис. 3. Среднесписочная численность работников типового предприятия за 2020–2022 годы

Из данных табл. 10 и рис. 3, следует, что коэффициент приёма кадров $K_{\text{п}}$ за период с 2020 по 2022 год увеличился на 89,6% и составил 34,04% в 2022 году, а коэффициент текучести кадров $K_{\text{тек}}$ вырос на 273,3% и составил 19,15% в 2022 году – это свидетельствует о том, что на типовом хозяйствующем субъекте зафиксировано, что по состоянию на 2022 год количество принятых сотрудников превышает количество уволившихся на $(34,04 - 19,15 = 14,89\%)$. При этом коэффициент текучести кадров растёт более высокими темпами, чем коэффициент приёма кадров, если такая тенденция сохранится, то в будущих периодах $K_{\text{тек}}$ может обогнать $K_{\text{п}}$, и тогда количество уволившихся по отношению к общей численности работников может превысить количество принятых работников. Также установлено, что за анализируемый период коэффициент стабильности кадров $K_{\text{ст}}$ увеличился с 0,04 до 0,14 (на 250%), что свидетельствует о том, что выросла доля сотрудников, проработавших более трёх лет. Коэффициент восполнения кадров $K_{\text{восп}}$ за рассматриваемый период снизился на 51%, что обусловлено тем, что снижается численность принятых работников, по отношению к выбывшим. Коэффициент укомплектованности кадров $K_{\text{ук}}$ показывает отношение среднесписочной численности персонала к штатной (необходимой) численности. Исходя из значения $K_{\text{ук}}$ за 2022 год можно констатировать, что хозяйствующий субъект испытывает нехватку 10% (6 чел.) от штатной численности работников.

Таким образом, исходя из данных табл. 11 и рис. 3, в периоде с 2020 по 2022 год на типовом хозяйствующем субъекте, имеет место

тенденция к увеличению текучести кадров, однако доля постоянных сотрудников значительно выросла за этот период. Количество сотрудников, которых необходимо принять на работу составляет: 6 человек по наиболее вероятному сценарию; 7 человек по оптимистичному и 5 человек по пессимистическому. Проанализируем структуру персонала типового хозяйствующего субъекта в 2020–2022 годах, табл. 12 и рис. 4.

Таблица 12

Динамика численности персонала типового хозяйствующего субъекта за 2020–2022 гг.

Показатели	Годы			Абсолютное отклонение (+, -)		Темп прироста, %	
	2020	2021	2022	2021/2020	2022/2021	2021/2020	2022/2021
Среднесписочная численность, чел., в том числе:	39	42	47	3	5	7,7	11,9
Руководители	12	12	12	0	0	0	0
Специалисты	17	16	18	-1	2	-5,9	12,5
Рабочие	10	14	17	4	3	40	21,4
Коэффициент соотношения управленческих работников и основных K_{yo}	0,44	0,4	0,34	-0,04	-0,06	0,91	0,85

Рис. 4. Структура человеческих ресурсов типового хозяйствующего субъекта в 2022 году

Исходя из данных табл. 12 и рис. 4, наибольшая по численности категория человеческих ресурсов типового хозяйствующего субъекта – специалисты (38% от среднесписочной численности), однако наибольший темп прироста за период с 2020 года по 2022 год показала категория – рабочие (70% за рассматриваемый период). Коэффициент соотношения управленческих работников и основных K_{y0} в 2022 году составил 0,34, что свидетельствует о достаточно большом количестве руководителей по отношению к специалистам и работникам. Так на каждого руководителя приходится приблизительно 2 работника, занимающегося основной деятельностью. Поэтому, целесообразно сократить долю руководителей, в то время как долю специалистов увеличить для всех сценариев развития событий. Проанализируем возрастной состав человеческих ресурсов типового хозяйствующего субъекта

Таблица 13

Возрастной состав человеческих ресурсов типового хозяйствующего субъекта за 2020–2022 гг.

Показатели	Годы			Абсолютное отклонение (+, -)		Темп прироста, %	
	2020	2021	2022	2021/2020	2022/2021	2021/2020	2022/2021
Среднесписочная численность, чел.	39	42	47	3	5	7,7	11,9
До 18	-	-	-	-	-	-	-
От 18 до 25	4	3	5	-1	2	-25	66,7
От 26 до 35	30	30	32	0	2	0	6,7
От 36 до 50	5	9	9	4	0	80	0
От 51	-	-	1	-	1	-	100
Средний возраст основных работников, лет	30	32	32	2	0	1,1	1

По данным табл. 13, наибольшую долю в среднесписочной численности работников типового хозяйствующего субъекта составляют работники в возрасте от 26 до 35 лет – данная возрастная категория считается наиболее эффективной для трудовой деятельности. Однако, средний возраст человеческих ресурсов типового хозяйствующего субъекта в 2022 году составил 32 года, то есть при неизменном составе сотрудников, через 3 года, средний возраст этих сотрудников составит 35 лет, что уже соответствует категории от 35 до 50 лет, а доля молодого персонала от 18 до 25 лет достаточно мала (в 2022 году – 10,6%). Следовательно, существует риск несбалансированности возрастных

групп человеческих ресурсов хозяйствующего субъекта. Считаем, что для снижения вероятности наступления данной угрозы целесообразно принимать на работу персонал от 18 до 25 лет, который в будущем перейдет в категорию 26–35 лет при всех вариантах развития событий.

Проанализируем структуру персонала типового хозяйствующего субъекта по уровню образования (табл. 14).

Таблица 14

Структура персонала типового хозяйствующего субъекта по уровню образования за 2020–2022 гг.

Показатели	2020	2021	2022	2020, %	2021, %	2022, %
Среднее профессиональное	15	14	15	38,5	33,3	31,9
Неполное высшее	0	1	2	0	2,4	4,3
Высшее	24	27	30	61,5	64,3	63,8
Всего	39	42	47	100	100	100
Количество повышений квалификации за последние 12 мес., чел.	5	7	14	12,8	16,7	29,8

Исходя из данных табл. 14 за рассматриваемый период, доля работников, имеющих высшее образование достаточно высока (более 60%). Однако, существует риск невыполнения работниками поставленной задачи из-за недостатка квалификации, в связи с тем, что значительное количество сотрудников не имеют высшего образования (более 30%). Поэтому реализация данной рекомендации необходима для всех возможных сценариев развития событий. В целом, по уровню образования установлена положительная тенденция, поскольку доля человеческих ресурсов с высшим образованием за анализируемый период выросла на 2,3%, а количество повышений квалификации увеличилось на 17% в период 2020–2022 годов.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным сделать следующие заключения.

1. Проектирование системы корпоративных ресурсов для обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта целесообразно проводить в два этапа: исследование наличие имеющихся ресурсов (материальных, финансовых, информационных, человеческих); разработку как минимум трех сценариев в части прогноза по их привлечению на ближайшие три года.

2. Проведенное исследование в рамках деятельности типового хозяйствующего субъекта позволило уточнить и обосновать величины

ключевых индикаторов его деятельности по наиболее вероятному, оптимистичному и пессимистичному сценарию развития.

Список литературы

1. Бескоровайная Н.С. Оценка эффективности деятельности фискальных органов в контексте повышения уровня налоговой дисциплины / Н.С. Бескоровайная, В.А. Молодых, А.А. Рубежной // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2016. – №6 (57). – С. 65–69.
2. Жевора Ю.И. Формирование базы регионального рынка средств производства в дореформенной ретроспективе / Ю.И. Жевора, В.И. Трысячный // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2009. – №3. – С. 152–156.
3. Коваленко О.А. Экономическая безопасность предприятия: моделирование и оценка / О.А. Коваленко. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 359 с.
4. Котенев А.Д. Проблемы кадрового обеспечения в системе экономической безопасности хозяйствующего субъекта / А.Д. Котенев, Ю.В. Федоркова // Russian Journal of Management. – 2022. – Т. 10. №1. – С. 151–155.
5. Кузьменко В.В. Стратегическое планирование устойчивого развития мезоуровневых систем в контексте нейтрализации теневого сектора экономики / В.В. Кузьменко, В.А. Молодых, Н.С. Бескоровайная [и др.]. – Ставрополь: Фабула, 2016. – 208 с.
6. Логинова Н.А. Управление социально-экономическими системами: синергетический аспект / Н.А. Логинова // Управление социально-экономическими системами: синергетический аспект: монография. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. – 172 с.
7. Логинова Н.А. Типология деструктивного бизнес-поведения предпринимателей / Н.А. Логинова // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – №46–4. – С. 50–53.
8. Логинова Н.А. Экономическая синергетика: учебник / Н.А. Логинова. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 152 с.
9. Логинова Н.А. Экономическая оценка инвестиций на транспорте: учеб. пособие / Н.А. Логинова. – СПб.: СПбГИЭУ, 2007. – 327 с.
10. Логинова Н.А. Планирование на предприятии транспорта: учеб. пособие / Н.А. Логинова. – СПб.: СПбГИЭУ, 2009. – 358 с.
11. Мамаева А.В. Проблемы формирования системы экономической безопасности предприятия и оценка её эффективности / А.В. Мамаева // Горизонты экономики. – 2018. – №6 (46). – С. 21–25.
12. Матвеева К.В. Стратегия экономической безопасности предприятия / К.В. Матвеева, В.Г. Вервейко // Экономика, бизнес, инновации: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2018. – С. 136–138.
13. Сергеев А.А. Экономическая безопасность предприятия / А.А. Сергеев. – М.: Юрайт, 2022. – 275 с.
14. Сергеева И.А. Комплексная система обеспечения экономической безопасности предприятия: учебное пособие / И.А. Сергеева. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. – 124 с.
15. Современный менеджмент: актуальность, значение, перспективы: коллективная монография / Л.М. Божко, В.В. Зундэ, Н.А. Левочкина [и др.]. – St. Louis, 2013.
16. Трысячный В.И. Формирование ресурсной базы инновационного потенциала / В.И. Трысячный, С.П. Григориадис // Вестник СевКавГТИ. – 2014. – №16. – С. 86–89.
17. Экономическая безопасность: учеб. для вузов / под общ. ред. Л.П. Гончаренко, Ф. В. Акулинина. – М.: Юрайт, 2014. – 478 с.

ГЛАВА 4

DOI 10.31483/r-105987

Круглов Владимир Николаевич

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕГАРЕГУЛЯТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в главе рассматриваются вопросы программного обеспечения таможенной деятельности в ходе реализации «Стратегии развития ФТС России до 2020 г.». Анализируется фискальная деятельность среднесрочного временного лага в периоде 2018–2020 годов. Актуальность материала проистекает из особенностей современной международной обстановки, когда санкции со стороны ряда недружественных стран по отношению к России пытаются поставить нашу страну в неравноправные партнёрские отношения. Исходя из этого, на основе уже накопленного опыта, необходимо создавать новые инструменты и модели для интенсификации процессов во внешнеэкономической деятельности. Чтобы не повторять прежних ошибок, требуется провести ретроспективный анализ. Особенности теоретического слоя методических разработок дополняются эмпирическими данными статистических отчётов, что позволяет достичь оптимальной сбалансированности при подготовке выводов. В ходе подготовки материала использовался метод многофакторного анализа, системный, комплексный, процессный и ситуационный подходы. Нарботанный слой исследования может быть в одинаковой степени интересен как для теоретиков, занимающихся вопросами внешнеэкономической деятельности, так и для практиков из таможенных организаций.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, таможенная сфера, программное обеспечение, государственное регулирование, фискальная политика, методы, инструменты, модели, экономический эффект, интеграционные процессы.

Abstract: the chapter deals with the issues of software for customs activities during the implementation of the «Strategy for the development of the Federal Customs Service of Russia until 2020». The fiscal activity of the medium-term time lag in the period 2018–2020 is analyzed. The relevance of the material stems from the peculiarities of the modern international situation, when sanctions from a number of unfriendly countries in relation to Russia are trying to put our country in unequal partnership relations. Based on this, based on the experience already accumulated, it is necessary to create new tools and models for the intensification of processes in foreign economic activity. In order not to repeat the previous mistakes, a

retrospective analysis is required. The features of the theoretical layer of methodological developments are supplemented by empirical data from statistical reports, which allows achieving optimal balance in the preparation of conclusions. During the preparation of the material, the method of multifactor analysis, system, complex, process and situational approaches were used. The accumulated layer of research can be equally interesting both for theorists dealing with issues of foreign economic activity and for practitioners from customs organizations.

Keywords: *foreign economic activity, customs sphere, software, state regulation, fiscal policy, methods, tools, models, economic effect, integration processes.*

Учитывая важное место таможенной политики в системе государственного регулирования экономики, рассмотрение именно экономических целей и задач таможенного регулирования на современном этапе становится особенно важным направлением отечественной мысли. С целью защиты своих национальных интересов каждая страна осуществляет таможенную деятельность, используя различные способы воздействия на участников ВЭД (внешнеэкономической деятельности). Именно таможенное регулирование раскрывает принципы и основы формирования международных отношений, создания эффективной, прозрачной и справедливой системы налогообложения для субъектов внешнеэкономической деятельности.

Целью данного материала является рассмотрение возможностей постановки новых задач таможенного регулирования на современном этапе развития Российской Федерации. Внешнеэкономическая деятельность нашей страны, осложнённая во многом различными санкциями со стороны недружественных стран, нуждается в поиске нового алгоритма развития, переориентации товарных потоков с западных на восточные направления, усилении своих конкурентоспособных позиций. Обновление существующих методик и построение эффективных моделей поможет отрасли найти новые векторы позитивных перемен. Объектом исследования является сфера таможенного регулирования в Российской Федерации. Предмет исследования – поиск и реализация новых инструментов и моделей при таможенном регулировании в нашем государстве.

Базой для исследования послужили нормативно-правовые акты, труды отечественных исследователей в сфере таможенного дела, статьи из специализированной периодической литературы, статистический материал из официальных источников. В ходе исследования использован широкий методический инструментарий, который включает как общие, так и специальные методы научных исследований. В частности, применялись: анализ и синтез научной литературы,

описательный метод, монографический метод, графический метод, метод сравнения и прочие.

Мировая практика внешнеэкономической деятельности указывает на наличие двух уровней тарифного регулирования (рис. 1).

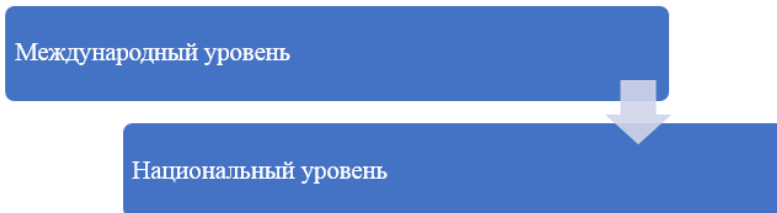

Рис. 1. Схема тарифного мегарегулятора

При этом таможенное регулирование проводится путем установления основных принципов международного сотрудничества. Национальный уровень базируется на соответствующих законах и прочих законодательных актах национального законодательства той или иной страны [1, с. 59].

Международные стандарты составляют основу системы показателей финансово- хозяйственной эффективности таможенной деятельности. К таким международным стандартам относятся:

- упрощение и стандартизация таможенных процедур и таможенных документов;
- наличие новых технических принадлежностей необходимых при проведении таможенного контроля, досмотровых приборов и техники;
- чистота и безопасность рабочих мест сотрудников;
- количество персональных контактов работников таможенных органов с людьми, осуществляющими внешнеторговую деятельность при прохождении ими таможенного контроля или других таможенных процедур;
- время совершения таможенных процедур.

Количество таможенных отчислений в федеральный бюджет зависит от факторов, на которые таможенные органы, чаще всего, не способны воздействовать. В основном к таким факторам относятся макроэкономические факторы, на которые таможенные структуры не могут воздействовать.

Среди наиболее эффективных инструментов существуют метод бюджетирования и фондоотдачи. Метод фондоотдачи заключается в отношении количества оформленных документов к среднегодовой стоимости средств потраченных на совершение определенных функций. Однако данный метод не способен в полном объеме дать оценку применения основных фондов. Метод бюджетирования также имеет

свои плюсы и минусы. Существенным плюсом является контроль над тратами денег, выделяемых из федерального бюджета. Недостатком данного метода является трудности в бюрократическом процессе бюджетирования

Основания схожих рабочих объектов служат для упрощенной оценки затрат на обустройство таможенной и около таможенной инфраструктуры. Помимо оценки затрат, основания схожих рабочих объектов служат для детального прогнозирования хозяйственной динамики.

Сроки окупаемости объектов таможенной инфраструктуры либо около таможенной инфраструктуры также рассчитываются методом сопоставления затрат и результатов строительства инфраструктуры.

Помимо подхода, приравнивающего таможенные органы к производительным органам, существует подход, рассматривающий таможенные органы как группу взаимосвязанных государственных функций.

Данный подход может применяться при наличии конкретно поставленных целей, не имеющих двойную трактовку. В основу данного подхода заложено понятие «результативности». Данный термин и является показателем достижения поставленных целей. В деятельности таможенных органов данный подход практически не применяется. Это обусловлено спецификой задач таможенных органов и с их количеством и трактовкой.

В мировой практике точное количество взаимосвязанных показателей необходимых для оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности и всей деятельности таможни не оговорено. Однако большинство ученых выделяют, обычно, несколько основных групп. Важно упомянуть, что показатели эффективности и критерии должны быть составлены так чтобы при расчете их величин за определенный промежуток времени можно было сопоставить с поставленными задачами и результатами. К примеру, в рамки данной системы не попадают важные оценки эффективности таможенной политики. К таким оценкам можно отнести эффективность таможенной политики с точки зрения народно-хозяйственной результативности.

Практически не раскрывается эффективности многих аспектов деятельности. Таких, например, как эффективность управленческой деятельности в таможенных органах, использования информационных баз данных и других источников информации, развития человеческого фактора в деятельности таможенных органов и эффективность финансово-хозяйственной базы таможенных структур.

В основу управления таможенными службами включается обязательное следования таможенным правилам и процедурам. В связи с этим оценка результатов деятельности работников осуществляется на основании факта степени соблюдения действующих инструкций.

Данные показатели не способны в полной мере отразить результативность деятельности таможенных органов для достижения поставленных целей. Так к таким показателям можно отнести:

- доля сотрудников, получивших дополнительное профессиональное образование в течение трех лет, обязанностью которых является выполнение контрольно-надзорных функций;

- количество сотрудников, получивших дополнительное профессиональное образование в течение трех лет, обязанностью которых является выполнение контрольно-надзорных функций и т. д.

Финансово-хозяйственный анализ таможенных структур может проводиться с использованием базисного метода. Который включает в себя составление определенного плана и показателей, рассмотрение и анализ объектов, создание системы показателей, Сбор информации и сравнение результатов отчетного и базисного периода времени, нахождение и анализ факторов, повлиявших на достижение определенного показателя, поиск резервов и оценка итогов работы. В понятие финансово-хозяйственную деятельность таможенных органов входят такие статьи как образование, соц. политика, национальная экономика и здравоохранение, ЖКХ услуги и общегосударственные вопросы.

Сравнение показателей деятельности разных таможенных органов связанных с реализацией специальных функций таможенных органов таких как правоохранительная, фискальная и т. д. является важной мерой для составления анализа развития таможенных органов как в финансово-хозяйственном плане, так и в целом.

Задача анализа финансово-хозяйственной деятельности таможенных органов заключается в сравнении эффективности работы различных таможенных структур для выявления потенциала развития каждой таможенной структуры, оптимизации убытков и издержек таможенных органов РФ.

Для выявления потенциала развития таможенных структур используется метод анализа, применяются относительные показатели, а также метод сравнения с контрольными показателями. Для эффективного выявления потенциала таможенные органы условно подразделяются на группы. Деление на группы происходит в связи с особенностями таможенных структур, штатом и специализацией таможенного объекта.

Финансово-хозяйственная организация таможенного дела является предметом анализа. Анализ внешнеторговой деятельности в субъектах составляет базисную основу, показывающую уровень выполнения экономических, правоохранительных, финансово-хозяйственных показателей работы таможенных органов, кадровый состав участников внешнеторговой экономической деятельности, численность

работников, количество грузоперевозок и транспортировок через границу товаров различными способами.

Основой анализа внешнеторговой деятельности является таможенная статистика, на данные которой происходит упор при проведении анализа.

Для проведения анализа как финансово-хозяйственной деятельности, так и общей деятельности таможенных органов необходимы базы данных и иные источники. Наиболее распространенными источниками для совершения анализа в таможенном деле является бухгалтерские данные и таможенные данные, базы данных правоохранительных органов. Работа с базами данных проводится путем применения графического, сравнительного и статического метода анализа с использованием баз данных участников ВЭД.

В настоящее время система финансово-хозяйственной оценки деятельности таможенных органов в РФ имеет особенно большой охват направлений работы таможенных структур. Помимо этого, система показателей финансово-хозяйственной деятельности таможенных органов Российской Федерации, в отличие от зарубежной системы оценки финансово-хозяйственной деятельности, характеризуется большой долей субъективизма при расчете показателей. Данная черта обусловлена взаимодействием систем контрольных показателей эффективности работы с мерами денежного стимулирования сотрудников таможенных органов, а также закрытостью системы оценки для участников ВЭД.

Устранение этих недостатков приведет к созданию системы показателей финансово-хозяйственных показателей, которые полностью будут описывать финансовое состояние таможенных органов.

Таможенное регулирование рассматривается как комплекс таможенных мероприятий государства, используемых в процессе регулирования внешней торговли. При этом само понятие «таможенное мероприятие» отсутствует, что делает невозможным однозначное понимание категории «таможенное регулирование». На наш взгляд, при толковании данной категории можно рассматривать два основных направления регулирования: пошлина как «налог» и как «орган», обеспечивающий выполнение законодательства по вопросам таможенного дела [2, с. 463].

Логическая позиция национального законодательства, которая определяет таможенное регулирование вопросов, связанных с установлением пошлин и таможенных сборов, представляется, вытекает именно из этого. Однако такое определение в нынешних условиях хозяйствования явно нуждается в пересмотре.

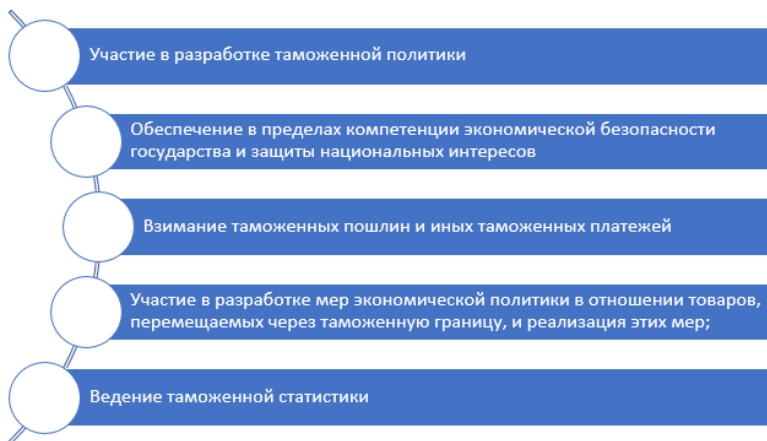
Применяемое при этом нетарифное регулирование – это комплекс административных мер и процедур не фискального характера,

осуществляемые должностными лицами компетентных органов государственной власти с целью реализации требований законодательства, регламентирующего порядок перемещения через государственную границу товаров, предметов и граждан.

В понятийном поле данной сферы деятельности различают «нетарифные меры» и «нетарифные барьеры», где первое является общим понятием. Мероприятия объединяют любые инструменты, имеющие ограничительный эффект, или могут использоваться как ограничение, хотя это не является их основным свойством [3, с. 493].

Экономические задачи таможенного регулирования являются системообразующими и непосредственно диктуют параметры программно-целевого обеспечения. По параметрическим значениям наблюдаются факторы как внутренней, так и внешней направленности. Факторы внутренней направленности таможенного регулирования представлены на рисунке 2 [4, с. 150].

Рис. 2. Внутренние задачи таможенного регулирования

Таким образом внутренние экономические задачи таможенного регулирования направлены на осуществление внутренних экономических интересов конкретной страны. Внешние задачи направлены на поле деятельности внешнеэкономического пространства (рис. 3).

Рис. 3. Внешние задачи таможенного регулирования

До недавнего времени цели и задачи экономического характера таможенного регулирования РФ были продиктованы «Стратегией развития ФТС России до 2020 г.» Согласно данному документу, основной стратегической целью ФТС, а следственно и таможенного регулирования в стране, является комплекс мер, представленный на рисунке 4 [5, с. 54].

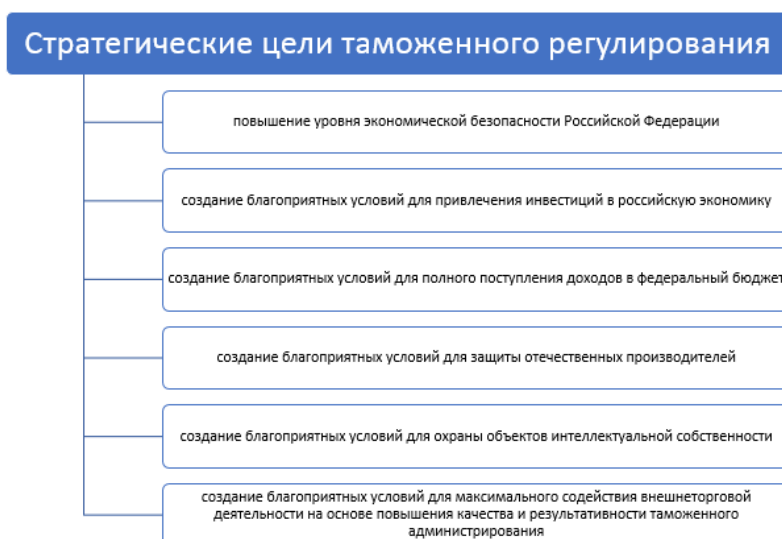

Рис. 4. Цели таможенного регулирования

Как исполнялись пункты действующей на то время стратегии? В таблице 1 приведена информация по общей сумме таможенных платежей, поступивших в бюджет РФ в 2018–2020 гг. и сумме ввозных и вывозных пошлин.

Таблица 1
Бюджетные поступления отрасли в 2017–2019 гг., млрд руб.

Показатель	2018	2019	2020	Абсолютное отклонение, млрд руб.	Темп прироста, %
Таможенные платежи в бюджет	6063,2	5729,1	4 751,80	-1 311,40	-21,63
Ввозные таможенные пошлинные	578,6	618,2	1 148,10	569,50	98,43
Вывозные таможенные пошлины	3025,7	2291,3	3444	418,30	13,82

Данные таблицы указывают, что совокупная сумма таможенных платежей в бюджет РФ в 2018–2020 гг. стабильно снижалась и как следствие данного процесса, в течение периода показатель уменьшился на 1311,4 млрд руб., что составило 21,63% показателя в 2018 г. Динамику данной ситуации можно видеть на рисунке 5.

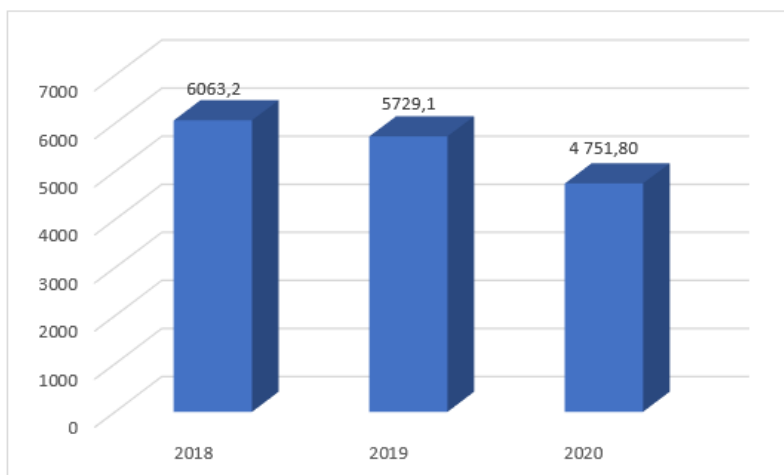

Рис. 5. Суммы перечислений в федеральный бюджет за 2018–2020 гг., млрд руб.

В 2019 г. темпы снижения шли медленнее, нежели в 2020 г. Проведенные дополнительно расчеты показали, что:

- в 2019 г. совокупная сумма таможенных платежей в бюджет РФ составил 57291 млрд руб., то есть сократилась на 334,1 млрд руб., то есть на 5,51% показателя 2018 г.;

- в 2020 г. показатель доходной части сократился на 977,3 млрд руб. (17,06% показателя 2019 г.) и таким образом составил 4751,8 млрд руб., что является наиболее низким показателем в течение периода. Таким образом, более результативным в разрезе сбора таможенных платежей для бюджета РФ было начало периода.

Динамика ввозных и вывозных таможенных пошлин была не однозначной, тем не менее, оба типа платежей в течение периода росли, что нашло своё отражение на рисунке 6.

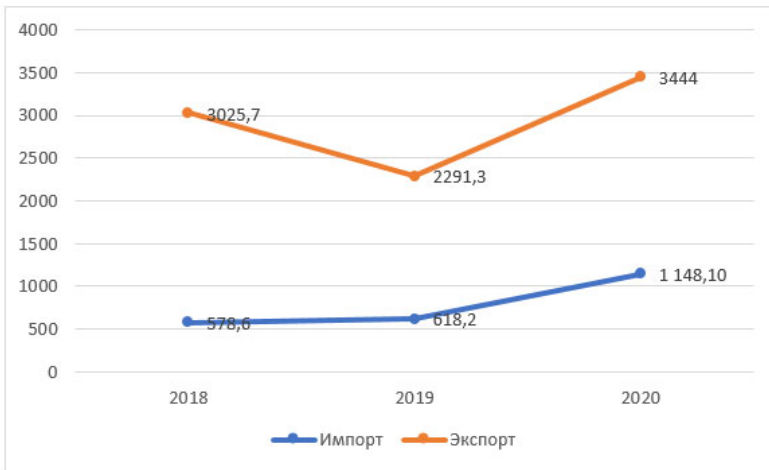

Рис. 6. Динамика ввозных и вывозных таможенных пошлин в 2018–2020 гг., млрд руб.

Сумма ввозных таможенных пошлин в 2018–2020 гг. выросла с 578,6 млрд руб. до 1148,1 млрд руб., то есть на 569,5 млрд руб., что составило 98,43% показателя 2018 г. Сумма вывозных таможенных пошлин выросла на 418,3 млрд руб., то есть на 13,82% показателя 2018 г. и составила по результатам 2020 г. 3444 млрд руб. Однако в ракурсе нашего исследования важна не только сумма платежей, но и уровень выполнения задания по формированию доходов федерального бюджета. Данный показатель иллюстрирует нижеприведённый рисунок 7.

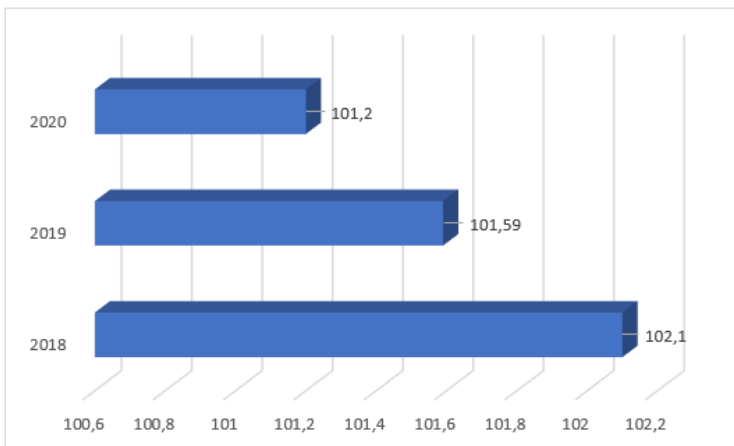

Рис. 7. Выполнение плановых заданий при формировании бюджета за 2018–2020 гг., %

Данные рисунка указывают на то, что в течение всего анализируемого периода задание по формированию доходов федерального бюджета было выполнено более чем на 100%, что указывает на эффективность достижения фискальной цели таможенного регулирования в стране [6, с. 23].

Тем не менее, вместе со снижением сумм таможенных платежей, поступивших в бюджет в анализируемом периоде, сократились также и доходы федерального бюджета. Ибо в 2018 г. подобный показатель составил 102,1%, а в 2020 г. – 101,2%. Таким образом, показатель сократился на 0,9%, и хоть в данном случае сокращение составило менее 1%, недополучение составило порядка 42,77 млрд руб.

Таким образом, можно сказать, что реализация «Стратегии – 2020» позволила добиться значимых результатов по самым основным стратегическим направлениям, которые в обобщенной формулировке представлены на рисунке 8 [7, с. 58].

Рис. 8. Результаты достижения целей, определенных Стратегией развития ФТС России до 2020 г.

Ретроспективный анализ в полной мере показал, что бюджетирование, ориентированное на результат, проектный подход к постановке задач, приоритеты целеполагания стали эффективными инструментами формирования и выполнения «Стратегии – 2020» в сфере внешнеэкономической деятельности. Минувший этап является хорошей школой для извлечения уроков в отношении определённых недоработок. Именно с их учётом сегодня у нашей страны есть полная возможность перехода к новой стратегии, на новом уровне экономического развития [8].

В течение всего анализируемого периода задание по формированию доходов федерального бюджета было выполнено в отрасли более чем на 100%, что в общем указывает на эффективность достижения фискальной цели таможенного регулирования в стране. Предыдущая стратегия развития таможенной службы была разработана на период до 2020 г. Сегодня вступили в действие положения новой стратегии, рассчитанная на период до 2030 г., которая предлагает новые приоритетные направления. Однако, как проистекает из сделанных наработок, созданные векторы требуют внедрения адекватных инструментов и моделей в виде программно-целевого и иного обеспечения. Без

комплексного решения этой задачи трудно представить себе успешность изначального целеполагания [9].

Список литературы

1. Калинина О.В. Роль таможенных органов в обеспечении экономической безопасности России / О.В. Калинина // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. – 2016. – №7. – С. 54–61.
2. Круглов В.Н. Региональный опыт борьбы с бедностью: поиски и находки / В.Н. Круглов, Д.В. Тютин // Управленческий учёт. – 2021. – №3. – С. 462–471. – ISSN 1814-8476.
3. Круглов В.Н. Инновационный аспект развития агропромышленного производства в регионах Российской Федерации / В.Н. Круглов, Д.В. Тютин // Управленческий учет. – 2021. – Вып. 8. Ч. 3 – С. 492–498. – ISSN 1814-8476.
4. Лаптев Р.А. Исследование сотрудничества таможенных служб в рамках интеграции ЕАЭС в мировую экономику в качестве самостоятельного субъекта / Р.А. Лаптев // Социально-экономические и правовые основы инновационного развития. – 2018. – №4 (12). – С. 143–150.
5. Лемешко А.В. Формы международного сотрудничества таможенных органов / А.В. Лемешко // Синергия наук. – 2019. – №39. – С. 49–56.
6. Пилипчук В.В. Роль таможенных органов во внешнеэкономической деятельности Дальневосточного региона / В.В. Пилипчук // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2015. – №3. – С. 22–26.
7. Тупицына Е.А. Международное сотрудничество таможенных органов ЕАЭС / Е.А. Тупицына // COLLOQUIUM-JOURNAL. – 2019. – №25 (9). – С. 45–48.
8. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://customs.ru/> (дата обращения: 12.03.2023).
9. Официальный сайт Евразийского таможенного Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 12.03.2023).

ГЛАВА 5

DOI 10.31483/r-106630

Сагитова Виктория Равильевна

МИГРАЦИОННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТАХ

Аннотация: в главе проведен анализ теорий и операционализация таких понятий, как социальный и миграционные стереотипы, рассмотрено понятие межкультурного взаимодействия, приводящего к формированию миграционных стереотипов, порождающих межкультурные конфликты. Рассмотрена также роль СМИ в формировании межкультурных и миграционных стереотипов.

Ключевые слова: миграционные стереотипы, межкультурная коммуникация, конфликт, средства массовой коммуникации.

Abstract: the chapter analyzes the theories and operationalization of such concepts as social and migration stereotypes, examines the concept of intercultural interaction, leading to the formation of migration stereotypes, which generate intercultural conflicts. The role of mass media in the formation of intercultural and migration stereotypes was also considered.

Keywords: migration stereotypes, intercultural communication, conflict, mass media.

Данная работа посвящена исследованию миграционных стереотипов, лежащих в основе, возникающих межкультурных конфликтов на территории Российской Федерации.

Актуальность исследования обусловлена ростом в мире и на территории России, в частности, числа мигрантов как трудовых, так и вынужденных (беженцев). Их увеличивающиеся потоки нуждаются в ассимиляции, адаптации к культуре принимающей стороны. Россия, являясь многонациональным государством на сегодняшний день не стала исключением среди европейских государств по росту межнациональной напряженности в следствие миграционных процессов. Несмотря на множество проведенных исследований в области изучения «стереотипов», о мигрантах, в частности, можно говорить об иррациональном характере их возникновения. Не стоит забывать, что стереотип как часть мировоззрения, носитель коллективных представлений, имплицитных знаний, мотивационная составляющая социальных коммуникаций. Другой составляющей данной работы выступает конфликт, причиной которого в рамках межкультурного взаимодействия могут выступать не только объективные причины, но в большинстве

преобладают субъективные причины, напрямую или косвенно отражающие стереотипизацию мышления социума.

Так, нередко в установках трудовых мигрантов при въезде в РФ можно наблюдать нежелание принимать устои, традиции, обычаи принимающей страны, что несомненно служит почвой для возникновения межкультурных конфликтов.

Межкультурный конфликт на бытовом уровне может быть нивелирован при условии, что этот процесс не приобретет широкую негативную окраску в средствах массовой информации. В этой связи острой становится проблема профессиональной ответственности и информационной объективности. Медиа, обладая средствами создания и разрушения стереотипов о мигрантах, могут стать той единственной ниточкой, которая возможно могла бы во многих случаях помочь в разрешении межкультурных конфликтов.

Возникновение подлинно научного интереса к проблеме социальных стереотипов произошло в начале XX века в области журналистики и было представлено работами У. Липпмана.

Исследования социальных стереотипов, включающих в себя межкультурные стереотипы в зарубежной науке представлены несколькими подходами.

В психоаналитическом контексте стереотипы рассматривались в трудах Г.У. Олпорта [126], Т. Адорно, Е. Френкель-Брюсвика, Д. Левинсона и Р. Сэнфорда и других [121]. Символично-интеракционистское, представлено трудами Т. Шибутани, где стереотип рассматривается как тождественный установке феномен, позволяющий классифицировать людей и явления (Б.К. Дэвис и С.Дж. Бэран [128]). Продолжая тему категоризации с помощью стереотипов, можно применить их к аут- и ингруппам в рамках когнитивного подхода (Г. Тэджфел, Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон [129]). В рамках теории символического расизма в рамках «ориентализма» стоит остановиться на работах Э. Саида [139], С. Холла [131], М.К. Оке [135]. Вопрос инаковизации поднят в трудах ученых в формате репрезентации «Своих» и «Чужих» (М. Пикеринг [136]).

В отечественных трудах следует упомянуть труды наиболее известных в этой области ученых: социологический аспект социальных конфликтов представлен в трудах И.С. Кона, Г.С. Батыгин [6], Л.А. Зака [33], К.С. Гаджиева [16], Ю.А. Шерковина [108], Г.М. Кондратенко [44], Г.У. Солдатовой [92]. Психологическую сторону стереотипов представляют труды В.А. Ядова [120], Р.С. Немова, В.Г. Крысько и Э.А. Саракуева, Г.У. Кцоева, В.С. Агеева [1], В.Ф. Петренко, П.Н. Шихирева [110], Т.Г. Стефаненко, Н.А. Рождественской, В.Е. Куницыной [9]; С.Г. Тер-Минасова, С.В. Иванова подошли к исследованию стереотипов как специалисты в сфере

межкультурной коммуникации; этнопсихолингвистическое направление представлено работами Е. Бартминьского, В.В. Красных и др. [15].

Автором данная тема рассматривалась в целях выявления наличия миграционных стереотипов в межкультурных конфликтах.

В ходе поэтапной реализации исследования по указанной тематике было:

1) теоретически обоснованы основы социальных стереотипов, существующие классификации, операционализированы основные понятия по теме исследования;

2) рассмотрены функции, механизмы возникновения и инструменты формирования и разрушения стереотипов;

3) проанализированы миграционные стереотипы, имеющиеся как у мигрантов, так и у принимающей стороны (местного населения);

4) рассмотрены разновидности миграционных стереотипов в масс-медиа, с целью определения степени влияния СМИ на формирование стереотипов в межкультурных коммуникациях;

5) проанализирована представленность миграционных стереотипов межкультурных конфликтов в СМИ.

В качестве гипотезы исследования, послужившей раскрытию темы монографии, послужило предположение о том, что миграционные стереотипы в межкультурных конфликтах находятся под влиянием средств массовой информации, могут быть ими созданы и разрушены.

Теоретико-методологическая база исследования послужили такие методы как:

- историко-генетический метод в части описания феноменов «стереотип» и «межкультурный конфликт»;

- системный подход в рамках выстраивания общей картины межкультурных отношений, порождаемых стереотипами о мигрантах и приводящих к межкультурным конфликтам;

- общенаучные методы, применение которых обусловило логику изложения материала данной работы.

Результатом данного исследования стала систематизация теоретических представлений о стереотипах и межкультурных конфликтах, месте, отводимом СМИ в процессе формирования стереотипов в межкультурных конфликтах.

Теоретическая часть исследования позволяет использовать классификацию, понятия стереотипов и конфликтов, прежде всего, конфликтологам, психологам, регионоведам с целью преодоления конфликтных ситуаций и помощи в поиске и предотвращению развития отрицательных стереотипов в межкультурном взаимодействии. Полученные результаты применимы в работе медиаторов, практических психологов при проведении индивидуальных и групповых консультаций

для решения конфликтологических вопросов в рамках межкультурного взаимодействия.

Часть I. Стереотипы и их роль в межкультурной коммуникации

1.1. Сущность социального стереотипа.

Процесс коммуникации большинством людей строится исходя из личного опыта, включая устный обмен информацией в ближайшем окружении и разрозненный обмен информацией, формируемой в СМИ.

Именно данного типа условия становятся базой большинства предвзятых представлений, нередко определяемых как стереотип восприятия или социальный стереотип.

На этот счет существует несколько определений данного понятия. Так, «Современная энциклопедия», «Философская энциклопедия», «Большой энциклопедический словарь» определяют социальный стереотип одинаково как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие большой устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта; составная часть установки. Нередко синоним устаревших и предвзятых представлений, связанных с предрассудками» [97].

Иное определение дано в психологическом ракурсе: «Стереотип социальный [греч. stereos – твердый typos – отпечаток] – относительно устойчивый и упрощенный образ социального объекта (группы, человека, события, явления и т. п.), складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе» [96].

Анализируя эти два определения, можно говорить о том, что социальный стереотип – это, безусловно некий устойчивый, упрощенный стандартизированный образ, отражающий привычное восприятие человеком явления, события, группы, который эмоционально окрашен и складывается под влиянием социальных условий, опыта и недостаточной информации.

В зарубежной науке впервые термин «социальный стереотип» был введен американским журналистом и политологом У. Липпманом в 1922 в книге «Общественное мнение» [54]. По его мнению, стереотип содержит в себе оценку, выраженную в чувствах. По его мнению, стереотипы возникают спонтанно, в силу потребности человека в экономии внимания. Стереотип делит мир на две противоположные категории – знакомое и незнакомое. Они заряжены эмоционально и отражаются в сознании человека как хорошее и плохое соответственно.

Стереотипы по У. Липпману – это предвзятые мнения, управляющие процессом восприятия «среднего обывателя». Отсюда следует,

что обыватели не могут критически оценивать информацию и мыслят стереотипами, а общественное мнение ограничено.

В психоаналитическом направлении стереотип представлен в работах Г.У. Олпорта. Он рассматривает стереотип с позиций авторитарности, в частности, в русле теории «авторитарной личности» стереотип понимается как «приспособление для удобного видения» мира [126, р. 187], искажающего реальную действительность ложностью и предвзятостью (предрассудком).

Он считал, что стереотип не соответствует действительности, но при этом рационализирует поведение в конкретном культурном контексте. Г.У. Олпорт предлагал трактовать стереотип как когнитивный элемент специфической социальной установки – этнического предрассудка, состоящего из двух элементов – установки симпатии и антипатии, регулируемые системой убеждений. Стереотип помогает закреплению предшествующих суждений и предрассудков и утверждения существующего status quo в межгрупповых взаимоотношениях. Стереотип может играть роль оправдательного механизма для одобрения и порицания какой-либо группы или механизма селекции информации [125, р. 192].

В этом же направлении работал и Т. Адорно, видевших в качестве источника стереотипов неосознаваемое и иррациональное. По его мнению, стереотип необходим для «удобного видения вещей», он устойчив к изменениям, позволяет экономить время и энергию, но при этом искажает восприятие так как игнорирует индивидуальные характеристики объектов [121; 122]. Согласно Т. Адорно и его коллегам Е. Френкель-Брюсвику, Д. Левинсону и Р. Сэнфорду стереотипы характерны только для личностей с авторитарным складом, нетерпимых и с отсутствием толерантности.

Другим направлением исследования стереотипа выступает символично-интеракционистское, представленное трудами Т. Шибутани. Она рассматривает стереотип помогает классифицировать людей по какому-либо признаку, наиболее распространённому среди людей [109]. Стереотип, по ее мнению, совпадает с установкой.

Продолжая тематику категоризации людей и явлений, в трудах Б.К. Дэвиса и С.Дж. Бэрна, стереотип предстает в качестве простых дефиниций, согласующихся с шаблонами [128].

В рамках когнитивного подхода в социологии исследование стереотипов проводилось в трудах Г. Тэджфела, видевшего стереотип как функцию взаимодействия между «Я» и «Другим», позволяющего категоризировать людей и на основании этого проводить дискриминацию аутгрупп. Изменить стереотип возможно только при изменении межгрупповых отношений [129, р. 383]. Мотивом стереотипизации

выступает стремление к позитивной социальной идентичности, путем сравнения себя и своей группы с представителями аутгрупп.

Это сравнение приводит к состоянию конфликта, поскольку аутгруппам присваиваются негативные атрибутивные качества, а ингруппам априори позитивные. При этом отношении между группами должны восприниматься как нелегитимные. Если же они носят характер легитимных, конфликта возможно избежать (например, если гендерная иерархия воспринимается как норма, то это позволяет достичь позитивной социальной идентичности вне конфликта).

Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон и другие, продолжая развивать данное направление утверждали, что человек вынужден прибегать к стереотипам, как содержащим достаточную информацию в рамках удовлетворения потребности личности в создании представлений, приемлемых в физическом и социальном окружении, в качестве проекции собственных ценностей. И тогда, стереотип переходит из разряда иррационального в рациональное, носящее характер избирательности. В таком случае допускается возможность ошибок в стереотипах, поскольку изначально процесс познания несовершенен [85].

В теории символического расизма стереотип представлен как конфликт между культурными образцами, характерными для общества и индивидуальными убеждениями, являющимися предметом самоконтроля [129, р. 371–381].

Это отражено в работах Э. Саида [139] как проблема роли расовых стереотипов (стереотипных образов). В рамках теории «ориентализма» существует «ориенталистское» мировоззрение или ориенталистский образ мышления, а также определенная ориенталистская методология в социальных и гуманитарных науках. Суть ее состоит в том, что на Западе происходит искажение любой западной культуры, в частности, культуры «Востока» (Ориент) для самоидентификации в Европе [138]. Это хорошо прослеживается в работе С. Холла «Запад и Все Остальное» (The West and the Rest) [131], где «все остальное» представляется как неизменное «Иное».

Э. Саид, вывел, такую аксиому: «Восточный человек живет на «Востоке», он ведет праздную «восточную» жизнь в государстве «восточной» деспотии и похоти, отягощенный чувством «восточного» фатализма» [38].

Шаблоны и клише «ориентализма» можно подразделить на две категории: «ксенофобские» (негативно-пугающие) отражают характеристики «чужого» (демонизация восточного мужчины, истории о гаремах) и «ксенофильские» (притягательные) в своей основе рассматривают «экзотические, притягательные» характеристики другого [32]. Мим Кемал Оке утверждает, что, введя разделение на «чужой» (или

«чужие») Запад потерял объективность в изучении культуры, мировоззрения, обычаев, ценностей «восточных» народов и обществ [135].

Инаковизация затрагивает дискурс «символического насилия», предполагающего борьбу за репрезентации «Своих» и «Чужих» и манипуляцию ими в социальном пространстве. Основная цель такой борьбы символическая власть и символический капитал [12; 127].

М. Пикеринг продолжает рассматривать «инаковость» как знак «не-принадлежности», отмечая, что стереотип проводит жесткую грань между «Своими» и «Чужими» [136], их характеристиками [83].

Введенное понятие С. Холлом «стереотипический дуализм» предполагает: «расщепление» стереотипа на два противоположных элемента» [131, р. 308]; образ «Иного» всегда амбивалентен, и «хороший» и «плохой» стереотипы взаимосвязаны. Принципиальным является то, что оба элемента конструируют «другого» в своих интересах» [136, р. 40].

Как отмечал М. Пикеринг у второй стороны нет права иметь собственный голос и быть самим собой, она может говорить только господствующим дискурсом – это есть центральный момент стереотипизации [136, р. 14].

Д. Кац и К.У. Брейли представляют недостоверное фиксированное суждение относительно каких-либо фактов как стереотип. Особый акцент делают на этнических стереотипах [132].

В отечественной науке исследованием стереотипов занимались такие ученые разных дисциплин как: В.А. Ядов [120], Р.С. Немов, В.Г. Крысько и Э.А. Саракуев, Г.У. Кцоев, В.С. Агеев [1], В.Ф. Петренко, П.Н. Шихирев [110], Т.Г. Стефаненко, Н.А. Рождественская, В.Е. Куницына [9]; социологи И.С. Кон, Г.С. Батыгин [6], Л.А. Зак [34], К.С. Гаджиев [16], Ю.А. Шерковин [108], Г. М. Кондратенко [44], Г.У. Солдатова специалисты в сфере межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова, С.В. Иванова), этнопсихологи (Е. Барминский, В.В. Красных) и др. [15, с. 82]. Рассмотрим их позиции по данному вопросу более подробно.

В.А. Ядов считал, что стереотип надо исследовать в совокупности социального, аффективного и когнитивного аспектов. Он видит его как разновидность социальной установки, имеющей чувственную окраску. Стереотипу присущ аффективный компонент. В содержании он имеет схематичное и генерализованное восприятие фрагментов социальной действительности [123].

По мнению И.С. Кона, стереотипизация явления приводит к механическому сведению его под простую общую формулу, характеризующую все подобные явления. Для обыденного сознания присутствие стереотипов неизбежно. Стереотип аккумулирует некий стандартизованный коллективный опыт и тем самым регулирует поведение индивида. Стереотип может быть истинным или ложным, вызывать как

положительные, так и отрицательные эмоции, тем самым выражая установку социальной группы к определенному явлению [43].

А.С. Романов видит стереотип как «упрощенное, ригидное к новой информации, культурно детерминированное и эмоционально окрашенное представление о каком-либо фрагменте социальной реальности (предмете, явлении, ситуации), живущее как в индивидуальном сознании, так и сознании целых социальных групп» [80, с. 46].

В рамках данной позиции мыслит стереотип и Д.В. Ольшанский, представляя его в рамках социально-политических отношений: «Стереотип – стандартизированный, схематизированный, упрощенный, обычно эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий лишь некоторые, в том числе и несущественные его черты» [89, с. 87].

В определении Р.С. Немова стереотип предстает как социально-психологическое явление, искаженное, неточное, иррациональное [66, с. 240].

В.Г. Крысько и Э.А. Саракуев видят стереотип как сокращенное, упрощенное ценностно-окрашенное представление о реальности, имеющееся в социальном сознании [47]. В этом направлении мыслит стереотип и С.А. Феофанов [102] и Е. Егорова-Гантман, К. Плешаков [28].

Л.А. Зак рассматривал дипломатические стереотипы и утверждал, что их комплекс оказывает непосредственное влияние на выработку внешнеполитических доктрин, стратегий и тактик. Но при этом он оказывает обратное воздействие на дипломатические стереотипы отдельных стран [33, с. 92].

Л.А. Зак выделил два вида стереотипов:

1) подлинные стереотипы – подлинное представление правительства страны А о политике страны Б;

2) мнимые стереотипы – это представление, которое будто бы сложилось на основании публичных и дипломатических заявлений у правительства страны А о политике страны Б.

Эти виды стереотипов могут как совпадать, так и расходиться частично ил полностью. Для создания и поддержания стереотипов используются СМИ [57].

В.С. Агеев, Т.В. Бобрышева в исследовании стереотипа с психологических позиций большое внимание уделяли роли стереотипов в восприятии социальной информации как конкретным индивидом, так и малой социальной группой [1; 8].

Н.М. Галитарова, В.М. Герасимова, М.К. Горшков, Б.А. Грушин, С.В. Ермаков, Р.И. Попрядухина проявляли интерес к проблеме формирования и модификации стереотипов посредством формирования общественного мнения.

Б.А. Грушин утверждал, что «в массовом сознании превалирует эмоциональная, а не интеллектуальная сторона, в нем чаще, чем где

бы то ни было, действуют «темные», иррациональные импульсы, разного рода предубеждения и предрассудки, навязанные извне стереотипы» [19].

Ю.С. Метелкина к видам стереотипов относит традиции, нормы, предрассудки и эвристики. Информационную основу стереотипа составляет недостаток или избыточность информации – параметры, регулируемые средствами массовой информации. Основная цель подержать уже сформированный стереотип.

В политической сфере стереотипы выполняют функцию фактического или номинального подтверждения легитимности политических сил. Продуманное использование стереотипов позволяет формировать автоматическое, стереотипное поведение социальных субъектов [62].

Рассматривая социальный стереотип как научный феномен можно сказать, что он включает в себя три компонента: когнитивный, эмоциональный, иногда его называют аффективный и поведенческий.

Когнитивный компонент исходя из выше приведенных определений напрямую представлен умозаключениями, рассуждениями, суждениями и т. п.

Эмоциональный компонент (он же оценочный компонент) стереотипа в трудах Г.С. Мельника рассматривается как установка, выражающая чувства личности, ее ценности. Сопрягается с групповыми чувствами и действиями [60]. Доминирование разных составляющих стереотипов зависит от ситуации их проявления.

О.Ю. Семендяева выделяют два компонента в стереотипах:

- 1) когнитивный образ, обеспечивающий предрасположенность индивида к восприятию массовой информации;
- 2) инструментально-практическая установка, задающая внутреннюю готовность к действиям на основе контекстного оценивания информации [86].

По видам стереотипы можно разделить на полные и неполные (Н.П. Кириллов [42]). К полным относят те, что «содержат рациональный компонент, эмоциональный компонент и компонент движений и действий», а к неполным – стереотипы, основанные на одном из компонентов (мыслительном, эмоциональном, моторном) [62].

Классификация стереотипов представлена несколькими основаниями:

1. По субъекту стереотипизации или по-другому по носителю стереотипа можно выделить: индивидуальные и коллективные;

К коллективным стереотипам в американской социальной науке относятся «культурные стереотипы» [65], в отечественной – «социальные стереотипы» [86] или «массовые стереотипы» [36].

2. По объекту стереотипизации выделяют несколько типологий:

1. Типология, закладывающая в основу объекты стереотипизации – предметы, явления, события действительности. Так, например,

П.Н. Донец придерживаясь этой позиции классифицирует стереотипы на личностные и вещественные, событийные (например, (11-е сентября 2001 года – исламский терроризм), странам (Америка – свобода, военная мощь, демократия; Бразилия – солнце, пляж, преступность)), вещам (шапка-ушанка – холод, Россия) [56, с. 26];

2. Н.В. Соколова [93, с. 124] предложила свою классификацию по основанию типологизации «объект» (рис. 1):

Рис. 1. Типология стереотипов по объекту стереотипизации

3. «В зависимости от стереотипизируемой социальной группы выделяют гендерные, возрастные, профессиональные, расовые, этнические / национальные, конфессиональные / религиозные, региональные, классовые, политические стереотипы и т. д.» [93, с. 125].

III. По принадлежности субъекта стереотипизации к объекту, т.е. к определенной социальной группе или по-другому, классификация по признаку «свой» / «чужой»:

1. Автостереотип (эндостереотип) – образ, представление группы о самой себе;

2. Гетеростереотип (экзостереотип) – представление конкретной группы о других (чужих) группах;

3. Метастереотипы (введено С.А. Зигельман и Л. Тач) обозначают «представления человека о стереотипах другой группы относительно своей» [65, с 218].

По соотношению «реальный / предполагаемый» эти стереотипы подразделяют на прямые и переносные;

4. По степени типичности приписываемых характеристик выделяют: «стереотип» и «контрстереотип» – отражает этнические

стереотипы, в частности, он построен на характеристиках, присущих «не-типичным» представителям этнической группы [92, с. 71].

IV. По содержанию аффективного компонента стереотипа можно выделить:

- 1) позитивные и негативные;
- 2) отрицающие (агрессивное содержание) и утверждающие (безобидное содержание) [137, р. 46].

Данного рода стереотипы могут иметь единую когнитивную составляющую и подразумевают одну и ту же черту, только в разных интерпретациях, например: немцы – скупые /экономные, при этом аффективный компонент отличается. Г.У. Солдатова назвала подобные пары атрибуциями-оборотнями [98]. В диахронической плоскости стереотипы с неизменной когнитивной частью могут менять аффективную оценку с положительной на отрицательную и наоборот, за счет политической ситуации или смены межнациональных отношений (образ русского претерпел изменения в отношении, а не в чертах характера русских. Черта прямолинейности, представленная в трудах Г. Олпорта [74, С. 94–97; 100] и А.В. Павловой [74, с. 102] рассматриваемая первоначально в позитивном ключе, на сегодняшний день приобрела негативный окрас и представлена как примитивность в характере русских.

V. По интенсивности эмоционального заряда

- 1) интенсивные;
- 2) медиальные (средние) (И.П. Донец [56]).

VI. По соотношению компонентов структуры (Ю.С. Метёлкина [63]). Она строит свою классификацию в зависимости от соотношения в стереотипе рационального (когнитивного), эмоционального (аффективного), моторного (поведенческого) компонентов. От доминирующего компонента зависит вид стереотипа:

1) предрассудок – доминирует негативный эмоциональный компонент, от которого зависит моторный компонент. Рациональный компонент может противоречить эмоциональному;

2) эвристика – доминантен рациональный компонент, а эмоциональный его дополнение. Их сочетание определяет моторный компонент (Пример: «Все так поступают, потому что это разумно и правильно» [62, с. 51];

3) нормы – доминантным является эмоциональный компонент определяющий два других компонента – Если это неправильно/некрасиво и т. п., то это неразумно и никто так не поступает;

4) традиции ведущим имеют моторный компонент, определяющий все остальные компоненты [62, с. 51–52].

VII. По механизму формирования:

1) дедуктивные стереотипы представляют собой готовый образ, усваиваемый каждым без исключения носителем культуры;

2) индуктивные стереотипы появляются при непосредственном контакте с представителем иной культуры [29, с. 162]. Опасность данного вида стереотипа в том, что общение обычно ограничено несколькими представителями и формирует иллюзию знания чужой культуры, на основании которой и строятся выводы.

VIII. По условиям формирования

1) интенциональные стереотипы конструируются целенаправленно в политической или коммерческой сферах с целью создания имиджа или образа врага;

2) спонтанные стереотипы не подвержены влиянию каких-либо интересов извне [56].

IX. По объему влияния на общественное сознание и социальное бессознательное стереотипы делятся на:

Стереотипы высокого уровня:

1) стереотипы картины мира;

2) мировоззренческие стереотипы;

3) стереотипы мышления.

Каждый предшествующий влияет на последующий

К низкому уровню стереотипов, сопоставимых с поведенческими стереотипами принадлежат:

1) методологические;

2) методические;

3) технологические стереотипы [78].

X. По степени изменяемости:

1) закостенелые, гибкие [137, с. 46];

2) устойчивые, подвижные [18, с. 13];

3) глубинные, поверхностные [74, с. 94–97].

XI. По степени необходимости в обыденной жизни:

1) необходимые;

2) деструктивные [137, с. 46].

XII. По степени адекватности отражения действительности:

1) точные, неточные;

2) истинные, ложные – истинные стереотипы облегчают ориентировку в ситуации коммуникации, но они могут переведены из истинных в ложные [95, с. 29; 93, 136].

Иную классификацию предлагает В.В. Красных, выделяя две группы стереотипов:

1) стереотипы поведения, представленные в сознании человека в виде штампов сознания, осознаваемых в формате канонов поведения и инвариантов деятельности. Они определяют коммуникативное поведение. Выполняют прескриптивную функцию;

90

Стратегии устойчивого развития:

экономические, юридические и социальные аспекты

2) вторая группа представлена стереотипами-представлениями – некими эталонами и связаны с речевым поведением. Функция данной группы – предикативная [46].

Все этнокультурные стереотипы О.Г. Орловой поделены на авто-стереотипы и гетеростереотипы.

Автостереотипы – представления людей о себе, воспринимаемые как норма, которой необходимо следовать. Гетеростереотипы – представления людей о другом народе, носящие более критичный характер, некое отклонение от стандарта [68, с. 36; 31].

По У. Липпману формирование стереотипа проходит 3 этапа – 1 – «выравнивание» 2 – усиление 3 – ассимиляция [54]. Сначала объект по разным характеристикам, сводится в описании к простым признакам, затем им придается некая значимость и происходит отбор «усиленных, выровненных» признаков для формирования целостного образа.

Г. Тэжфел выделил четыре функции стереотипов, две из которых реализуются на индивидуальном уровне, две – на групповом.

Индивидуальный уровень:

1) когнитивная (отбор социальной информации, схематизация, упрощение);

2) ценностно-защитная (создание и сохранение положительного «Я-образа»).

Социальный уровень:

3) идеологизирующая (формирование и сохранение групповой идеологии, объясняющей и оправдывающей поведение группы);

4) идентифицирующая (создание и сохранение группового «Мы-образа»).

К. Мак Гарти, В.Й. Изебит и Р. Спирс видят три принципа стереотипизации:

1) адаптация перцептора в новой ситуации, т.е. объяснение социальных явлений и процессов;

2) экономия усилий познающего субъекта – стереотип видится как энергосберегающий механизм;

3) принцип соответствия общепринятым взглядам и нормам социальной группы, представителем которой выступает перцептор – т.е. стереотипы – суждения, разделяемые группой [134, Р.7].

Воздействие на стереотипы возможно по мнению О.Ю. Семендяевой, посредством изменения материальных и духовных потребностей личности, социальных групп и общества в целом [87].

1.2. Миграционные стереотипы в коммуникациях

С конца XX века миграционный вопрос становится одним из основных вопросов в разных направлениях развития научной и политической мысли. Решением данных вопросов на сегодняшний день

занимаются в разной степени все страны мира. Нередко прошлое столетие именуется как «эра миграции».

Миграция предстает как один из важных факторов демографических, социальных, культурных и иных изменений в разных сферах жизнедеятельности общества. В последнее время миграционные процессы стали носить глобальный характер и затрагивать в равной степени все слои общества.

Опираясь на вышеизложенное понимание стереотипов в данном параграфе, будут рассмотрены стереотипы, имеющие отношение к тематике данной работы, в частности – гендерные стереотипы в рамках миграционных процессов, этнические стереотипы в межкультурных коммуникациях.

Обращаясь к стереотипам в межкультурной коммуникации, следует отметить, что в качестве основных функций стереотипов в межкультурных коммуникациях можно перечислить следующие:

- передача относительно достоверной информации вытекает из того, что стереотипы формируются из наблюдений за реальной жизнью представителей других культур;

- ориентирующая функция предполагает разграничение социального окружения на более понятные и близкие по моделям поведения группы;

- влияние на создание реальности – стереотипы помогают посредством создания образа как чужой, так и собственной культуры защитить традиции, взгляды, ценности своей культурной группы. Они помогают задать границы реальности.

Рассматривая пользу и вред, наносимый стереотипами в коммуникации, следует отметить, что – стереотип будет полезен в случаях если:

- он отражает групповые нормы, ценности, признаки культурной группы, а не отдельного представителя;

- адекватно отражает реальные и объективные качества;

- исходит из опыта ситуации реального общения с представителями другой группы;

- учитывается то, что стереотип это просто «догадка» о группе, а не прямая информация о ней, воспринимаемая как руководство к действию.

Стереотип будет помехой коммуникации в случаях, когда:

- мешают выявлению индивидуальных особенностей людей;

- повторяют и усиливают ошибочные представления о представителях другой группы, доводя их до аксиомы;

- стереотипы построены на полуправде и искажениях, что приводит к ложности в коммуникативном процессе [104, с. 84].

По одной из классификаций стереотипы в обыденной жизни могут быть представлены предрассудками – «предвзятое или враждебное

отношение к представителям этнических групп, их культурам и к любым фактам их деятельности и поведения» [104, с. 86].

Основным отличительным признаком будет выступать аффективный компонент – стереотип являясь обобщенным образом представителей другой культуры может иметь позитивный окрас, а предрассудок основан на приписывании им негативных качеств. Изменению предрассудков способствует одинаковый статус людей.

Изучение стереотипов в межкультурных коммуникациях показало, что они всегда национальны. И проявляют себя, в темах бесед (что можно говорить, что нельзя), отношении ко времени, поведении в общественных местах и многом другом [107].

Возможность выбора в коммуникациях сужается при использовании стереотипов, особенно, при освещении этнических конфликтов.

В зависимости от статуса и целей мигрантов («вынужденный переселенец, беженец, родственник, желающий воссоединиться с семьей, трудовой мигрант и пр.) и создавшейся экстремальной ситуации (кризис, война, природные катастрофы) стереотипы ин- и аут-групп заметно меняются» [23].

Стереотипы подобно вопросу этнического самоопределения затрагивают вопросы этнической идентичности.

Так, например, при изучении стереотипов беженцев от чеченских войн и югоостеинских столкновений, оказалось, что русские, проживающие в Грозном имеют негативные стереотипы по отношению к этническим группам, проживающим на его территории, а осетины приехавшие в Северную Осетию-Аланию из Грузии, менее негативно настроены по отношению к грузинам.

У русских вынужденных переселенцев, также образ собственной этнической группы был более негативен, по сравнению с автостереотипами других этнических групп, что снизило стремление к позитивной этнической идентичности. В образе чеченца негативные, русскими назывались такие характеристики: «Агрессивный», «Вспыльчивый», «Упрямый», «Хитрый», «Высокомерный» переплетались с позитивными – «Гордый», «Настойчивый», «Активный». При оценке русскими беженцами «русских-москвичей» стереотипы имели, чуть более низкий негативный заряд, чем образ чеченца вследствие неадекватно завышенных требований к окружающим и разочарований от общения с жителями столицы. Они выражались словами: «вспыльчивые», «упрямые», «высокомерные», «осторожные», «жадные» [141].

Проведенное исследование И.Б. Бритвиной в отношении наличия гендерных стереотипов у вынужденных мигрантов из стран СНГ и Балтии, позволило говорить о том, что женщины, имеют по отношению к вытесняющим стереотипы, основанные на переживании страха

за свою семью и существование других членов семьи, окружающие – это враждебно настроенные, создающие угрозу люди.

Мужчины по отношению к вытесняющей общности в качестве стереотипов пользуются теми, что отражают негативные характеристик условий и уровня оплаты труда.

В отношении принимающей стороны женщины ожидают улучшения условий жизнедеятельности всех членов семьи, а мужчины восстановления уровня оплаты труда и соответствие новой работы, имеющейся специальности.

Со стороны принимающих выделяются недоверие во взаимодействии «женщина-россиянка – мужчина мигрант», отсутствует сочувствие и желание помочь. Во взаимодействии по типу «женщина россиянка – женщина-мигрант» присутствует доверие и солидарность. Мужчины-россияне также проявляют недоверие к мужчинам-мигрантам и безразличие к женщинам-мигрантам [11, с. 11–12].

В ходе межкультурного взаимодействия при обозначении этнической принадлежности объекта стереотипизации содержание гендерных стереотипов корректируется. Гендерные стереотипы выполняют не только психологические функции (когнитивного характера и сохранение положительного «Я»-образа), но и социальные функции, позволяющие осуществлять социального контроль и поддерживать социальный порядок [84].

Социально-этнические стереотипы в выражении «свой» / «чужой» построены на этнической дистанции и наделении «своей» группы положительными характеристиками в отличие от группы «чужих». В России на современном этапе доминирующим является стереотип среднеазиата, кавказца, и несущественным – стереотип, к примеру, украинца. Хотя, в последнее время он преобразуется в стереотип бандеровца применительно к жителям западных областей Украины [23]. Комплекс превосходства, присущий многим коренным жителям, сопровождается ростом неприязни по отношению к мигрантам.

Гендерные стереотипы проявляются себя в проблеме «свой» / «чужой» на базе коллективной идентичности, выраженной в понятиях маскулинность и феминность [82]. Особенно ярко они были выражены в пропаганде периода «холодной войны» между Америкой и СССР. При этом, традиционное культурное пространство России по мнению ученых, находится на стыке как Запада, так и Востока. В межкультурном дискурсе выражена гендерная метафоризация в направлении «ориентализма». Турецкий социолог Энес Эргене в своей монографии посвященной проблеме методологии изучения мусульманских общин в современной науке отмечает, что большинство произведений средневековых европейских путешественников об исламском мире было результатом бурной фантазии и откровенной лжи. В этих произведениях мусульмане предстают как «развратники», «язычники»,

«варвары», «обманщики». Даже сильная в политическом отношении власть мусульманских правителей и династий связывалась с их «сексуальной силой» [130, р. 140–143, 118]. В настоящее время отношения между западным человеком и Востоком сексуализированы и гендеризированы: восток представлен в метафоре женственности, «сексуальным обещанием, приглашением к проникновению и оплодотворению» [133, с. 5].

Россия с позиции Запада и самой России, по мнению О.В. Рябова также предстает в концепте «Матушка Русь» [81], спасительница Запада и всего человечества (аутофеминность) [82, с. 179]. России «инкриминируются» те качества, которые можно устойчиво назвать феминными: «хаос, непредсказуемость, неспособность к самоконтролю, экстремизм, иррационализм, излишняя покорность, излишнее терпение, слабость воли, неумеренность: доброта и милосердие» [81]. Данная тенденция хорошо отражена в исследовании, проведенном Emogu Bogardus. Начиная с 1926 года по «Шкале социальной дистанции» по 1977 год (на протяжении 50 лет) были проведены опросы студентов о желании контактировать с людьми разных социальных групп, в частности, этнических. В результате данных опросов «русские (для американцев – выходцы из России/СССР/б. СССР) опустились с 13-го места (1926 и 1946 гг.) на 24–29-ые места в годы холодной войны» [117], что можно рассматривать как эффект «стереотипизации».

В исследованиях, проведенных в Пермском крае с 2008 года по 2017 год, наблюдается увеличение притока мигрантов, объединяющихся в этнические диаспоры. Неготовность принимающего населения и завышенные ожидания мигрантов приводят к формированию «образа врага» [58, с. 271–272] в отношении представителей этнических диаспор.

В крупных городах вопрос этнических диаспор оказался «много-слойным», поскольку, например, в Санкт-Петербурге, в частности азербайджанская диаспора, «состоит из различных социальных сред, которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой. Обнаружились жесткие границы между по крайней мере двумя сообществами» [75, с. 169]. Для хорошо интегрированных азербайджанцев этничность – это хобби, либо профессия.

М.С. Каменских в статье «Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса» провел исследование «двух ключевых стереотипов – о численности мигрантов и о роли мигрантов в экономике» [41, с. 318] в 12 районах города Пермь, в котором приняло участие 300 респондентов: 130 мужчин и 170 женщин. Было выяснено, что мигрантам свойственно завышать численность в собственном восприятии примерно в 10 раз в сравнении с официальными данными переписи населения. Эти данные транслируются

представителями диаспор в СМИ, что влияет на восприятие миграции и ее масштабов.

Как оказалось из опроса, говоря о миграции и мигрантах большинство опрошенных с ними не сталкивалось, что говорит об абстрактном образе, сформированном у респондентов, оторванном от реальной жизни.

О влиянии мигрантов на экономическую среду также сложно рассуждать, поскольку, их количественный учет возможен только среди тех мигрантов, которые встали на миграционный учет [41, с. 318.]. По мнению, М.С. Каменских, если бы от мигрантов действительно зависела экономика региона, то позиция местного населения к ним была бы более негативной [40].

При этом для большинства мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии под влиянием тяжелых условий труда и низкой его оплаты растут исламистские настроения [39], что в конечном итоге привело стереотипному отношению к проблеме миграции и самим мигрантам:

- внешняя миграция – способствует ухудшению социально-экономической ситуации, увеличивает нагрузку на бюджет, снижает возможность приобретения продуктов, потребительских товаров, обостряют конкуренцию в сфере жилья и работы (наблюдается рост мигрантофобии [79, с. 156–174]);

- вносят значительный вклад в рост преступности;

- дестабилизируют политическую ситуацию, поскольку обостряется недовольство коренных жителей, что провоцирует конфликты.

- власти обязаны принимать запретительные и репрессивные меры, препятствующие въезду новых мигрантов [17], поскольку населением мигранты воспринимаются как претендующие на постоянное место жительства [67].

Подводя итоги вышеизложенным положениям, можно говорить, что в процессе стереотипизации, индивидам приписываются характеристики на основании их групповой принадлежности, а стереотип есть набор представлений о характеристиках (атрибутах) группы людей.

В отечественной социологической мысли данная интерпретация выступает основной.

К основным свойствам стереотипов можно отнести наличие:

- оценки «своих и чужих»;

- трактовки различий при сравнении двух культур, социальных групп должна быть полярно противоположны;

- упрощенного варианта репрезентации «другого», когда несколько похожих характеристик объединяются в единую, упрощенную. «Стереотипизация есть способ мышления, который не признает возможных различий между членами стереотипизируемой группы и не допускает исключений из общих правил» [140];

96 Стратегии устойчивого развития:

экономические, юридические и социальные аспекты

- генезис стереотипа выражен в многократной связи его символов с определенными категориями традиций и явлений;
- в первом приближении он существует в виде сужений, убеждений, представлений, предрассудков;
- усвоение происходит в межгрупповых и внутригрупповых отношениях [37].

Часть II. Межкультурные конфликты

2.1. Понятие межкультурных конфликтов.

В классическом понимании конфликт – это всегда противостояние или противоборство двух или более сторон.

В политической науке конфликт представлен как «способ взаимодействия, при котором преобладает тенденция к противоборству, вражде, разрушению согласия и сотрудничества» [45].

Перевод данного понятия в плоскость культуры требует выведения понятия «культурный конфликт – это, критическая стадия противоречий, в ценностно-нормативных установках, ориентациях, позициях, суждениях личностей групп и сообществ» [103].

Межкультурный конфликт является разновидностью конфликта коммуникативного. Конфликт неизбежное явление в обществе, особенно в том, где проживает несколько народностей со своей культурой.

Межкультурный конфликт – конфликт между этническими группами, имеющими несовместимые интересы, ценности и / или испытывающие обостренное чувство принадлежности к своей группе. Синонимами выступают понятия межэтнические, межнациональные, международные конфликты.

Этничность, усваиваемая с самого рождения и впоследствии функционирующая на бессознательном уровне, задает иррациональный характер межкультурным конфликтам, что проявляется алогичностью и необоснованностью рациональными доводами совершаемых в конфликте действий [22].

В качестве основных причин межкультурных конфликтов выступают культурные (аксиологические, нормативные, поведенческие, религиозные и другие) [20]. Если опираться на классификацию причин коммуникативных конфликтов можно выделить: личностные, межличностные отношения; организационные отношения. Стоит добавить еще сюда и латентные конфликты ценностей и идентичностей. М.Е. Попов говорит о том, что конфликт идентичностей есть суть конфликта посттрадиционности (посттрадиционной России), имеющий в фундаменте ценностно-мировоззренческие различия и противоречия, обусловленные кризисами и трансформациями идентичностей, выстраивающий культурные границы, отталкивающая идентичность «чужих» и обособляясь от нее [76].

Е.М. Травина классифицирует межкультурные конфликты в зависимости от мотивов возникновения и выделяет 5 групп:

1) социально-экономические (90-е годы XX века Москва и Татарстан: перераспределение части общественного продукта);

2) культурно-языковые (в защиту родного языка и культуры – Татарстан [107] 2017, 2019 гг.);

3) территориальные (Япония-Россия из-за северных территорий);

4) статусные (повышение статуса и увеличение объема реальных прав и полномочий этноса, что демонстрируют Каталония или Шотландия);

5) сепаратистские (Северной Ирландии или Стране Басков – борьба за выход из состава федерации образование независимого государства) [101].

А.А. Сушенцов, также кладет в основу классификации мотивационную составляющую и вводит понятие конфликтного поведения («образ действия, при котором основным инструментом достижения цели мыслиться или реально выступает конфликт» [99]. Подробно его классификацию можно увидеть в таблице 1.

Среди потенциально конфликтогенных социокультурных факторов можно назвать: этническую культуру, язык этноса; стереотипированное восприятие других этносов; религиозную идентичность.

Человек может стать субъектом межкультурного конфликта случайно, а объектом может быть лицо или вещь, обладающая разным статусом в конкретной культуре, именно, разное отношение к одному объекту.

В современной теории межкультурной коммуникации при разрешении конфликтов принято использовать модель стилей межкультурных конфликтов. Стратегии же разрешения по признаку прямоты представлены прямой и непрямой; по признаку эмоциональности – эмоциональной / неэмоциональной. В целом, они, объединяясь дают три основных стратегии – «дискуссия» (характерна для американской, австралийской, некоторых скандинавских культур), «вовлечение» – это обсуждение взаимных озабоченностей (афроамериканцы, представители южноевропейских культур, а также россияне) и «приспособление» (мексиканцы, японцы, тайцы); «динамический стиль» характерен для некоторых арабских культур Ближнего Востока, пакистанской культуры [20].

Таблица 1

Типы и мотивы конфликтного поведения в мировой политике [99, с. 35]

Типы / мотивы	Дефицитарный	Избыточный
Лидерская	<ul style="list-style-type: none"> - конфликты самоопределения; - этнополитические и этноконфессиональные конфликты; - межэтнические конфликты, в т.ч. вытекающие из проблем миграции 	<p>междержавная конкуренция во всех областях:</p> <ul style="list-style-type: none"> - от военно-стратегической (Тройственный союз против Антанты) - до статусно-символической (спор России и Франции за право преимущественного покровительства над Святой Землей во второй половине XIX в.)
Ресурсная	<p>Ресурсная</p> <ul style="list-style-type: none"> - внутривнутриполитические репрессии; - инструментальное блокирование с сильным государством («коалиция по выбору»); - разбойные набеги как экономическая модель 	<p>Борьба за ресурсы всех типов:</p> <ul style="list-style-type: none"> - ископаемые, - «жизненное пространство», - квалифицированные кадры и проч.
Протестная	<ul style="list-style-type: none"> - утрашение; - политическая реакция; - абсентеизм и саботаж (пассивная форма) 	<ul style="list-style-type: none"> - доктрина «сдерживания»; - Советская Россия в ходе интервенции; - политика затягивания (неявного препятствования) вступления России в ВТО
Пенитенциарная	<ul style="list-style-type: none"> - Реваншизм Германии после Первой мировой войны; - мстительность исламистов 	<ul style="list-style-type: none"> - деятельность Международного суда; - миротворчество; - принуждение к миру; - концепция «справедливой войны»
Игровая	<p>Поведение Польши накануне Второй мировой войны</p>	<ul style="list-style-type: none"> - концепция «правил поведения» США и СССР на фоне опасности взаимного гарантированного уничтожения; - спортивные состязания

Окончание таблицы 1

Типы / мотивы	Дефицитарный	Избыточный
Провоцирующая	<ul style="list-style-type: none"> - поведенческие приемы КНДР; - японские камикадзе; - Германия в последние месяцы Второй мировой войны 	<p>внешнеполитическое поведение</p> <ul style="list-style-type: none"> - Ирана; - Кубы; - Белоруссии
Патологическая	<p>Политика геноцида камбоджийцев режимом «красных кхмеров» в Камбодже</p>	<p>Различные версии мессианского радикализма:</p> <ul style="list-style-type: none"> - нацисты в Германии; - неоконсерваторы в США; - большевики в России; - радикальные исламисты; - идея панславянского государства со столицей в Константинополе
Аффектная	<ul style="list-style-type: none"> - действия ГКЧП в СССР; - вероятное применение ОМУ режимом С. Хуссейна в ходе вторжения в Ирак в 2003 г. 	<ul style="list-style-type: none"> - концепция США по «войне с террором»; - попытка государственного переворота в России 14 декабря 1825 г. («восстание декабристов»)

А.А. Сушенцов предлагает управлять конфликтом придерживаясь следующих этапов:

- диагностирование формы конфликтного поведения противников;
- выделение типов конфликтного поведения, препятствующих урегулированию конфликта;
- трансформация неадекватных форм поведения в игровую форму [99].

Наиболее ярким примером межкультурных конфликтов выступают конфликты отражающие мигрантофобии. В рамках данной тематики наиболее актуальными будут межэтнические конфликты.

«Кавказофобия» стала наиболее острой и массовой ксенофобией 1990-х годов. Она выражалась в наблюдениях Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) [114–116] и подтверждалась наблюдениями ученых разных сфер. Механизмом возникновения конфликтов была бытовая почва, в раскаленной атмосфере неприязни и страха конфликт мгновенно перерастал в более или менее национально окрашенное столкновение. Власти на тот момент не имели опыта, ресурсов, институтов разрешения подобного рода конфликтов и предпочитали отмалчиваться, иногда поддавались погромным настроениям или провоцировали их, что в конечном итоге приводило к формированию образа «кавказца» как человека «активно и успешно занимающегося не одобряемой властями и осуждаемой общественным мнением полулегальной предпринимательской деятельностью. К тому же выделенного обликом, особенностями поведения и бытовой культуры. «Торгаши», «чужие», «черные» (как маркер культурной чужеродности) – вот основные, как видим, негативные составляющие этого стереотипа» [27]. В качестве причин В.И. Дятлов называет фрустрацию общества из-за стремительно развивающихся событий – распад СССР, события осени 1993 года, кризис старой системы отношений, первые шаги в выстраивании новой государственности, материальные трудности населения, попытки адаптироваться к ним, общий кризис идеологии, ценностей, массовая политизация. Все это способствовало актуализации национальных претензий и конфликтов, а также выходу на поверхность страхов людей, лишившихся стабильности, безопасности, понимания будущего.

«Образ таджика» является конфликтным для Сибири. Под этот образ попадают и жители соседнего Узбекистана, и все выходцы из Центральной Азии (казахи и киргизы), приезжающие в Россию в поисках работы, преимущественно временной, сезонной. Данный образ стал синонимом слова «гастарбайтер», данный образ всплывает и тогда, когда надо нанять человека для временной работы за маленькую оплату.

В марте 2019 года в Якутии развернулся конфликт трудовых мигрантов и местного населения после случая с изнасилованием россиянки. Инцидентом в данном конфликте стало сообщение в СМИ от 17 марта 2019 года о том, что местную женщину изнасиловал гражданин Киргизии. Данная новость вызвала вспышку гнева местного

населения, что привело к проведению несогласованного митинга в центре Якутска с количеством 200 человек. Разгонять протестующих власти не стали и предложили встречу на следующий вечер в большом для города концертном зале (некоторых источников – стадионе) «Триумф», куда пришло уже 6 тысяч человек.

Был оживлен борец-чемпион Павел Пинигин, женатый на киргизке, а мэр города Сардана Авксентьева и губернатор республики Айсен Николаев пытались успокоить митингующих, поскольку на митинг вышли «спортивного телосложения парни» [4]. Митингующие требовали в форме ультиматума не только наказать виновных, но и выдворить всех трудовых мигрантов за пределы республики. Инициаторами проведения данного мероприятия стали по данным СМИ – неформальные авторитеты, среди которых Торгун Попов.

А. Николаев сделал заявление, что «Якутию осваивали русские и якуты, и пока он глава региона, не позволит командовать представителям других наций» [4], что позволило немного снять эмоциональный накал и заставило толпу разойтись. Также в Якутск для защиты своих граждан прибыла официальная делегация Киргизии во главе с заместителем председателя Государственной службы миграции Саматом Токтоболотовым, поскольку начались погромы в отношении представителей Киргизии [49]. В Якутии под стереотип «киргиз» попали также узбеки, торгующие овощами и фруктами на рынках и в палатках. Погромы снимались на видео, выкладывались в WhatsApp с призывами к киргизам покинуть страну: – «Запомни! У каждого уважающего себя саха (якута – Би-би-си) есть в сейфе ружьё охотничье и охотничий якутский нож. Не заставляй нас собрать ружья и вынуть нож из ножен» [35]. 19 марта водители-мигранты отказались выходить на маршруты, закрылись многие овощные и фруктовые лавки, палатки с шаурмой [49].

Власти причиной произошедшего назвали накопившиеся обиду и злость из-за бедности и безработицы в регионе. Основными стереотипами в сознании местных жителей выступают стереотипы о том, что «хлебные ниши и места, где могло бы работать местное население, занимают мигранты. ... самую прибыльную нишу – строительства – тоже захватили приезжие (по вине власти). Аналогичная картина и в сфере транспорта и торговли» – со слов депутата Госсобрания республики Сулустана Мыраан [88].

Другие депутаты, также говорили о том, что межэтнический конфликт возник на фоне бедности местного населения, невозможности его трудоустройства на хорошо оплачиваемые места. Также он был назван конфликтом, основной причиной которого стала экономическая причина.

Глава республики А. Николаев издал указ о запрете работы в сфере торговли, ремонта машин и на транспорте, включая такси [48], 20 марта депутаты законодательного собрания Якутии одобрили

принятие постановления «О консолидации усилий по вопросам реализации государственной миграционной политики в республике».

Имам единственной в Якутии мечети – Муса Сагов, был не согласен с действиями властей республики, он считает, что власти должны обеспечить безопасность всем, проживающим на территории республики за счет более жесткой политики в рамках закона. «Люди пишут: если уничтожим мечеть, они все разбегутся. Это же экстремизм чистой воды, как же наши органы это допускают?» – возмущается имам [35].

Таким, образом можно видеть, что формирование образа «врага» произошло, это вылилось не только в стереотипном мышлении на бытовом уровне, но и на уровне государства [59].

Местные жители имеют по отношению к «киргизам» следующие стереотипы: «их слишком много», «они заняли доходные сферы и места», «оставляют за собой мусор, их надо выселять», «мигранты все время бесплатно в автобусах ездят», «захватили все рынки», «мигранты занимают рабочие места местных», «мигранты не платят налоги» [35].

А.В. Дмитриев в своей статье «Этномиграционные стереотипы versus адаптации» [24, с. 401] на основании эмпирических исследований представил «миграционные» и «резидентские» стереотипы* (табл. 2).

Таблица 2

«Миграционные» и «резидентские» стереотипы*

Стереотипы мигрантов по отношению к резидентам	Стереотипы резидентов по отношению к мигрантам
Выражающиеся индивиды, которые уделяют больше внимания домашним животным, чем родственникам	«Быстроразмножающиеся» индивиды, которые скоро вытеснят нас с нашей земли
Они порочны, больны алкоголизмом, венерическими заболеваниями	Они приносят с собой наркотики, различные болезни
Они не хотят трудиться, предоставляют приезжим тяжелую работу	Они не имеют никакого намерения найти какую-либо работу, бродяжничают и нищенствуют
Они чрезмерно гордятся своей культурой и языком, не признают нашей культуры и обычаев	Они чужие нам люди, говорящие на непонятном языке и не признающие нашей культуры
Они эгоистичны, заражены потребительством и не помогают нам	Они создали преступные группы на этнической основе
Они монополизировали целые отрасли хозяйства и не допускают нас к управлению	Они захватили целые отрасли хозяйства (торговлю, строительство, транспорт и т. д.)
Они платят налоги частично и далеко не все	Они вообще не платят налогов, деньги переводят на родину

*Таблица составлена на основании опубликованных данных [25].

По таблице видно, что все стереотипы носят отрицательный характер. В 2020 году вопрос миграционных стереотипов снова приобрел актуальность, поскольку ситуация в период пандемии COVID-19 по всему миру привела к необходимости принять необходимые меры на территории многих стран по ограничению не только передвижения, но и трудовой деятельности.

За этот период многие успели лишиться рабочих мест, в том числе и в сферах занятых трудовыми мигрантами. Показателем скрытых конфликтов в отношении трудовых мигрантов служит статья «Пандемия разрушила стереотипы о мигрантах. Как они смогли пережить трудности во время ограничений» [7]. По первичным прогнозам большинства, мигрантские сообщества должны были уйти в сторону криминальных заработков, а, оказалось, что они сплотились и стали поддерживать друг друга.

Е. Варшавер старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС, говорит о том, что мигранты показали высокую организованность и ответственность в данной ситуации. Для мигрантов Узбекистана, на их родине были созданы специальные фонды, собиравшие деньги для соотечественников за рубежом, на которые в России для них покупались продукты и раздавались нуждающимся.

Таким образом, россияне видят в иммиграции в основном негативные последствия, порождающие и негативные стереотипы. Хотя молодое поколение граждан более толерантно [69].

2.2. Влияние СМИ на формирование и разрушение стереотипов в межкультурных конфликтах.

Раскрывая роль СМИ в формировании миграционных стереотипов и их влияние на участников межкультурных конфликтов, следует отметить, что активность средств массовой коммуникации, создающих образ диаспорных групп и вновь прибывающих мигрантов, достаточно быстро принимается и активно усваивается читателями.

В разных текстах газет, журналов, книг, в текстах радио, телевидения, обыденного общения формируются устойчивые, негативно окрашенные этностереотипы и фобии, подталкивающие к неадекватному восприятию друг друга и формированию напряженности [26].

Массовая коммуникация формирует и закрепляет социальные стереотипы, а также восприятие этнических групп.

В.О. Попова и Е.А. Балезина раскрывая роль СМИ в формировании стереотипов массового сознания, утверждают, что массмедиа манипулируют сознанием, передавая стереотипную информацию, не дают возможности индивиду критически осмыслить ситуацию [77].

И. Дзялошинский видит причину нелюбви друг к другу местного населения и мигрантов, в образе рисуемом СМИ. 40% текстов, посвященных мигрантам носят негативный характер, в частности «нам

нужны мигранты, но не те, которые приезжают», нередко цитируются ксенофобские высказывания и тексты без осуждающего комментария («мусульмане всегда насаждали ислам огнем и мечом», «евреи захватили всю нефть и банки») [67].

Его позиция подтверждается тем, что использование средствами массовой информации таких слов как «нелегальный мигрант», «гастарбайтер» идут в противоречие здравому смыслу, поскольку человек являясь субъектом международного и национального права «легален» просто по факту своего существования. Используемый российским законодательством термин «незаконная миграция» в международном законодательстве отсутствует, поскольку его содержание представлено в терминах «неурегулированная миграция» либо «недокументированная миграция» [124, с. 9].

Особенно телевидение нередко акцентирует внимание на этнической принадлежности преступников, что обычно болезненно для восприятия диаспоральными группами населения.

В ответ на однобокость представленной информации, ее негативный характер в отношении этнокультурных групп создаются диаспоральные СМИ как альтернатива публичному коммуникативному пространству. Их основная цель – «сохранение непрерывной традиции» и перевод локальных национальных границ в транснациональные [25, с. 123–129].

В. Шнирельман считает, что многие СМИ систематически создают этнические стереотипы, искажая представление о мигрантах в России, их количестве, образе жизни и их занятиях [112].

В работе Г.С. Мельник «Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации» указывается, что стереотип служит средством поддержания социальных структур. Для этого массмедиа использует имплицитные формы воздействия такие как:

- подмена проблем;
- смена акцентов с главного смысла на второстепенный;
- эффект смысловых ножниц (употребляется название, но не указывается смысл);
- обращение потребностям и идеалам общества;
- создание чувств опасности и дискомфорта [60].

По мнению И. Дзялошинского, используются как минимум три приема с помощью которых происходит дискредитация религиозных, этнических и социальных групп:

- 1) использование лексики дискриминационно-осуждающего характера («казахи тупые», «евреи жадные», «цыгане – воры»).
- 2) подбор тематики (мигранты неквалифицированные, неграмотные, нелегалы и т. п.);

3) специфическое комментирование – это прием по формированию у аудитории единственно возможного отношения к явлению [67].

Негативное отношение к «кавказцам» было ярко представлено не только в СМИ, но и в литературных произведениях, например, в серии «экономических триллеров» Юлии Латыниной [50–53].

В.И. Дятлов раскрывает механизм и способы построения стереотипов в сознании обывателя. Один из распространённых способов назван им «пирамидой» (использована аналогия финансовой аферы).

В нем применяются взаимные перекрестные «экспертные оценки» журналистов, чиновников и ученых по алгоритму: появление информации в газете, затем ее воспроизведение со сдержанно-скептическими интонациями представителями научного сообщества («научная санкция»), введение термина в речевой оборот ведомственных аналитиков и чиновников, использование и тиражирование СМИ как информации из надежного и солидного источника. И так круг замыкается. Примером служит оценка численности «китайских» мигрантов на территории России и сведения о смешанных браках с ними на Дальнем Востоке.

Другими распространёнными способами по мнению В.И. Дятлова выступает использование анонимных авторитетных источников, выстраивание вербального и интонационного контекста по средством броских, эмоциональных заголовков («экспансия», «вторжение», «оккупация», «посланцы Поднебесной») или ернически-издевательской лексики [27].

Но массмедиа помимо создания стереотипов владеет и стратегиями их разрушения.

В.М. Маркина выделяет несколько данных стратегий, которые позволяют при их использовании разрушить негативные этнические стереотипы:

- 1) создание новых положительных стереотипов;
- 2) презентация этнических групп в контексте успеха;
- 3) представление этнической группы как адаптированной к доминирующим культурным нормам;
- 4) презентация недостатков или ограничений представителей коренного этноса;
- 5) репрезентация посредством переноса позитивных образов на негативные стереотипы, транслируемые в доминирующей культуре;
- 6) поиск и столкновение амбивалентных стереотипов в критической форме.

БФ «ПСП-фонд» (Санкт-Петербург) в рамках проекта «Разработка комплексной системы повышения информированности и оказания содействия трудовым мигрантам из Средней Азии, находящимся в Санкт-Петербурге, и распространение опыта в других регионах Российской Федерации» издал методические рекомендации в помощь

средствам массовой информации и специалистам по информационной работе [124], в которых изложил основные моменты миграционных процессов в социальной, экономической и политической жизни Российской Федерации.

В них говорится о том, что тиражируемые СМИ негативные стереотипы, подогреваемые экстремистскими группами, могут усугубить конфликтную ситуацию городского и местного масштаба.

Далее развенчиваются стереотипы, сформированные в сознании людей и поддерживаемые средствами массовой информации.

Стереотип 1. «В России много нелегальных мигрантов», по этому пункту дается подробное описание процедуры получения миграционной карты, въездного штампа. В отношении нелегальных мигрантов указана примерная цифра их присутствия на территории РФ.

Стереотип 2. «Среди мигрантов высокий уровень преступности» – приводятся данные сайта Генеральной прокуратуры РФ [71] с указанием доли преступлений, совершенных мигрантами, а также Статистика судебного департамента при Верховном суде РФ [72] на 2017 год.

Стереотип 3. «Мигранты плохо работают, приносят убытки бюджету и не нужны нашей экономике» раскрывается посредством представлений о сферах занятости трудовых мигрантов и расчет количества трудового времени, с приведением цифр заработка трудовых мигрантов.

Стереотип 4. «Мигранты много рожают и вытесняют местное население» развенчан подсчетом уровня рождаемости на 1 женщину среди мигрантов и местного населения.

Стереотип 5. «Большое количество мигрантов не нужно нашей стране» – приводятся данные Росстата о том, что «России будет сохраняться в пределах 147 млн человек, требует миграционного прироста в размере не менее 285 тыс. человек ежегодно и подразумевает постепенное сокращение естественного прироста. При этом сокращение миграционного прироста до уровня 120 тыс. человек в год будет означать существенное сокращение численности населения страны. Рост численности населения Российской Федерации возможен только при сохранении миграционного прироста на уровне от 340 тыс. человек в год и выше. Миграционный прирост населения РФ в 2016 году составил 261,9 тыс. человек, обеспечив 98% общего прироста населения» [113].

Стереотип 6. «Мигранты распространяют опасные заболевания» данный стереотип опровергается данными Комитета по здравоохранению [10].

Стереотип 7. «Дети мигрантов заполнили школы и детские сады» – приведена официальная статистика численности детей мигрантов в детских садах Санкт-Петербурга и Москвы [21].

Стереотип 8. «России угрожают беженцы из Сирии и Ближнего Востока» – развенчивается статистикой, указывающей на непривлекательность России для беженцев [73].

Далее по тексту дается описание отрицательных аспектов в работе СМИ РФ в отношении мигрантов, с указанием на то, что некоторые СМИ говорят о «миллионах» незаконных («нелегальных») мигрантов не имеют под собой никаких оснований» [124, с. 9].

Опираясь на классификацию стереотипов, приведенную во втором параграфе первой главы, остановимся на представленности гендерных и этнических стереотипов в средствах массовой информации.

Представленность гендерных стереотипов:

Е.А. Соколова утверждает, что СМИ формируют социальные роли, при помощи гендерных стереотипов, и массмедиа крупных городов манипулирует представлениями о том, какими должны быть мужчины и женщины [91]. В рамках данной работы данное положение рассматривается как неотъемлемая часть миграционных стереотипов, поскольку, в последние годы миграция приобрела глобальный характер и имеет гендерную, возрастную составляющие. Наблюдается рост феминизации журналов и газет [90, с. 223–239].

Гендерная политика России в последние годы смещает акценты с равноправия мужчин и женщин в сторону поддержки женщин как матерей и воссоздание патриархальных стереотипов [30], что несомненно отмечается и женщинами-мигрантами.

Этнические стереотипы в массмедиа представлены в рамках этнической и межнациональной информации.

Е.О. Хабенская утверждает, что, используя избирательность в обозначении в статьях этнической принадлежности героев криминальных сюжетов, именно СМИ ответственны за формирование нетерпимости к этнокультурным и этноконфессиональным группам и за формирование ксенофобии в обществе [105].

По результатам опроса «Левада Центр», проведенного в 2011 году в России отмечается рост числа респондентов, называющих в качестве причины распространения национализма и ксенофобии поведение национальных меньшинств [64].

Оба эти вида стереотипов отражают в газетах и журналах. Так, например, в газете «Аргументы Недели» нередко появляются заголовки, в которых фигурируют слова – «кавказец», «мигрант» («Стрельба в Питере: кавказцы не прошли фейс-контроль в один из баров» («Аргументы Недели» 21.09.2013); «В Москве несколько мигрантов изнасиловали школьницу» («Аргументы Недели» 10.03.2017); «Похогливый мигрант насиловал петербурженку в автомобиле» («Аргументы Недели» 20.02.2017).

На разрушение этнических стереотипов работает очень мало источников. Газета «Ведомости» на своих страницах разместила только два

материала в которых освещены проблемы адаптации, интеграции, наличие этнических стереотипов – статьи «Язык вражды» (16.02.2007) и «Ксенофобия разлита в воздухе» (17.12.2010);

Информационный портал «Такие дела» также опубликовал два текста – «Загонное право» (18.12.2015) и «В курсе дело» (25.08.2015).

ЯндексДзен опубликовал статью «Антимигрантские волнения в Якутии: что это было?» (19.03.2019).

LENTA.RU разместила статью «Погромы и протесты против мигрантов в Якутске» (20.03.2019).

В качестве способов решения проблемы развития ксенофобных настроений среди населения РФ и предотвращения межнациональных конфликтов, предложено взаимодействие государственных и общественных организаций, работающих в сфере миграции и межнациональных отношений, со СМИ, освещающими данную тематику. На практике эта тенденция выражена в:

- создании Гильдией межэтнической журналистики Этического кодекса журналистов, освещающих межэтническую тематику в РФ [119];

- при Комитете по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге в качестве совещательного органа создан «Этно-пресс-клуб» [70].

Подводя итоги изложенному выше, можно утверждать, что межкультурные конфликты могут поддерживаться, набирать силу благодаря не только активным действиям со стороны участников, но подкрепляться стереотипностью мышления, выраженной в средствах массовой информации.

Заключение

Проведенное исследование по указанной тематике позволило раскрыть понятие миграционных стереотипов в межкультурных конфликтах. В первой главе работы было раскрыто понятие социальный стереотип, начиная с истоков введения данного понятия У. Липпманом.

Теоретический анализ, раскрывающий суть данного понятия проведен в рамках: психоаналитического подхода, представленного трудами Г.У. Олпорта, Т. Адорно, Е. Френкеля-Брюсвика, Д. Левинсона и Р. Сэнфорда. В нем стереотип представлен как иррациональное, искажающее реальность видение мира, позволяющее закрепить предрасудки; символично-интеракционистский подход Т. Шибутани, труды Б.К. Дэвиса и С. Дж. Бэрна позволяют раскрыть стереотип как средство классификации людей и явлений; в рамках когнитивного подхода Г. Тэджфел, Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон и другие говорили о том, стереотипы позволяют удовлетворить потребности личности в представлениях о физическом и

социальном окружении, реализуемых аутгруппами и ингруппами, а также, провести жесткую грань между «Своими» и «Чужими».

В отечественной науке стереотип представлен в рамках социальных и социально-политических наук как явление стандартизованное, схематичное, иррациональное. Отечественные авторы говорят о преобладании эмоциональной стороны стереотипов.

В изложенных теориях стереотип имеет две составляющие. По одной теории когнитивную и эмоциональную, по другой – когнитивную и инструментально-практическую установку (О.Ю. Семендяева). Здесь же были представлены функции и принципы стереотипизации. Изложенная классификация стереотипов, имеющаяся на сегодняшний день в научной литературе достаточно обширна, чтобы объединить в себе все возможные основания и признаки.

Миграционные стереотипы раскрыты на примерах стереотипов беженцев от чеченских войн и югоосетинских столкновений, гендерных стереотипах вынужденных мигрантов из стран СНГ и Балтии, а также в рамках проблемы «свой» / «чужой» на территории РФ в отношении мигрантов постсоветского пространства.

Во второй главе были рассмотрены межкультурные конфликты как научный феномен и как реализованные в жизнедеятельности когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты.

Рассмотрев несколько определений понятия межкультурный конфликт было выявлено, что он представлен конфликтами между этническими группами на почве ценностных ориентаций и обостренного чувства принадлежности к своей группе.

Причинами возникновения данного типа конфликтов могут быть личностные, межличностные, организационные отношения, преобразующиеся в различного рода фобии: «ксенофобии», «кавказофобии», «мигрантофобии».

На примере конфликта, случившегося в Якутии в марте 2019 года видно, что стереотипы, скрытые до определенного момента, выходят на поверхность общественных настроений и могут в дальнейшем спровоцировать социально-политические волнения. Причиной тому служит, по мнению официальных властей, непродуманная миграционная политика, а также бедность и нерешенные социальные проблемы населения. Все это выливается в формирование «образа врага» в лице трудовых мигрантов по всей территории Российской Федерации.

Немаловажную роль не только в формировании, но и в поддержании стереотипов играют средства массовой информации, обладающие как средствами и механизмами формирования стереотипов населения, так и их разрушения.

В качестве подобного рода механизмов могут выступать не только приемы написания статей и изложения материала в газетах, журналах, где читатель сам додумывает смысл и «оживляет немых героев», но

эмоционально окрашенные репортажи с места события, показанные на телевидении или озвученные по радио.

В качестве стратегий разрешения стереотипов массмедиа предлагают не только создание альтернативных официальным каналам, своих – «этнических», снимающих информационной положительной наполненностью событий негативные представления у принимающей мигрантов стороны.

На официальном уровне в Санкт-Петербурге был создан «Этно-пресс-клуб» в качестве совещательного органа для пишущих про мигрантов журналистов, разработан Этический кодекс журналистов.

Все вышеизложенное позволяет доказать гипотезу данного исследования о том, что миграционные стереотипы могут носить как позитивный, так и негативный характер в зависимости от направления, заданного средствами массовой информации для освещения социальных событий и тем, самым помогать в реализации миграционной политики Российской Федерации.

Список литературы

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. – М., 1990. – С. 104.
2. Ажгихина Н. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа // Женщины: свобода слова и творчества: сборник статей / Н. Ажгихина. – М.: Эслан, 2001. – 200 с.
3. Ажгихина Н.И. Парадоксы свободы: гендерные стереотипы и гендерная цензура в современных СМИ / Н.И. Ажгихина // Гендерные исследования. – 2000. – №5. – С. 261–273.
4. Антимигрантские волнения в Якутии: что это было? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/liberty/antimigrantskie-volneniia-v-ikutii-chto-eto-bylo-5c91111ecc852f00b446d65f> (дата обращения: 09.07.2020).
5. Ачкасов В. Рост этнического многообразия и толерантность в крупных городах России: «случай» Санкт-Петербурга / В. Ачкасов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: коллективная монография / ред. и сост. М.С. Розанова; пер. с англ. яз. М.С. Розановой и А.Б. Лесохина. – СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт, 2016. – 192 с.
6. Батыгин Г.С. Стереотипы поведения: распознавание и интерпретация / Г.С. Батыгин // Соц. исследования. – 1980. – №4.
7. Белова С. Пандемия разрушила стереотипы о мигрантах. Как они смогли пережить трудности во время ограничений/ С. Белова // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4407869> (дата обращения: 09.07.2020).
8. Бобрышева Т.В. Социальные представления как объект психологического исследования / Т.В. Бобрышева. – М., 1996.
9. Бодалев А.А. О социальных эталонах и стереотипах и их роль в оценке личности / А.А. Бодалев, В.Н. Куницына // Человек и общество / под ред. Б.Г. Ананьева. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – С. 151–160.
10. Бойцова М. Петербург перешел эпидпорог заболеваемости ВИЧ/СПИД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/medicine/49182-peterburg-pereshel-epidporog-zabolevaemosti-vich-spid.html> (дата обращения: 10.07.2020).
11. Бритвина И.Б. Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / И.Б. Бритвина; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 39 с.
12. Бурдые П. Начала / П. Бурдые. – М., 1994. – С. 204.

13. В Татарстане появилась комиссия по сохранению и развитию татарского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inkazan.ru/news/culture/07-07-2020/v-tatarstane-poyavilas-komissiya-po-sohraneniyu-i-razvitiyu-tatarskogo-yazyka> (дата обращения: 07.07.2020).
14. Валиев И.Н. Стереотипы социального взаимодействия / И.Н. Валиев. – М.: Прометей, 2016. – 126 с.
15. Ворожко К.Д. Стереотип как социокультурный феномен в трудах отечественных и зарубежных исследователей / К.Д. Ворожко // Интерактивная наука. – 2016. – №6. – С. 82–84.
16. Гаджиев К.С. США – Эволюция буржуазного сознания / К.С. Гаджиев. – М., 1981. – 368 с.
17. Гильмутдинова Г. «Никто лучше нас», или Как это будет по-русски? / Г. Гильмутдинова // Стрела. – 2015. – №8, февраль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazetastrela.ru/wp-content/uploads/2015/03/N8_957.pdf (дата обращения: 04.07.2020).
18. Гладких С.В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры: дис. ... канд. философ. наук / С.В. Гладких. – Ставрополь, 2001. – 154 с.
19. Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования / Б.А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – С. 301.
20. Гузикова М.О. Основы теории межкультурной коммуникации / М.О. Гузикова. – М.: Юрайт, 2018. – 121 с.
21. Данные отчета о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2017 г., раздел 2.3 Дети иностранных граждан // Ежегодный доклад Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге. – С. 4, 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spbdeti.org/files/doklad2017/1_3.pdf (дата обращения: 10.07.2020).
22. Джумамухамедов Р. Социокультурный конфликт миграции в современных полиэтнических сообществах / Р. Джумамухамедов // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/21450> (дата обращения: 10.07.2020).
23. Дмитриев А.В. Миграционные стереотипы в коммуникациях / А.В. Дмитриев // Коммуникология. – 2015. – №3. – С. 140–146.
24. Дмитриев А.В. Этномиграционные стереотипы versus адаптации / А.В. Дмитриев // Россия реформирующаяся: ежегодник: сборник научных статей / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14 – С. 397–410.
25. Дмитриев А.В. Мигранты в Москве. Проблемы адаптации / А.В. Дмитриев, И.М. Кузнецов, В.Ю. Леденева [и др.]. – М.: Альфа-М, 2014. – 144 с.
26. Дмитриев А.В. Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда / А.В. Дмитриев, Г.А. Пядухов // Социологические исследования. – 2005. – №8. – С. 90–100.
27. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов / В.И. Дятлов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 451–484 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit01.php#_FNR_1 (дата обращения: 01.07.2020).
28. Егорова-Гантман Е. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях / Е. Егорова-Гантман, К.Плешаков // МЭМО. – 1988. – №2. – С. 20.
29. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
30. Ельникова Г.А. Гендерная асимметрия в современной социокультурной реальности / Г.А. Ельникова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2012. – Т. 19. №2 (121). – С. 23–31.
31. Ерёмин В.В. Роль стереотипов в межкультурных конфликтах / В.В. Ерёмин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 3. №2 (62). – С. 43–46.

32. Жусипбек Г. Ориентализм стереотипы, факты, попытка анализа / Г. Жусипбек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2012/06/19/1958> (дата обращения: 30.06.2020).
33. Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы / Л.А. Зак. – М.: Междунар. отношения, 1976. – 287 с.
34. Зак Л.А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы / Л.А. Зак. – М., 1977.
35. Зотова Н. «Не заставляй нас собирать ружья»: почему жители Якутска поднялись против мигрантов / Н. Зотова // BBC News русская служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-47731433> (дата обращения: 09.07.2020).
36. Иванова Е.А. Стереотип как феномен культуры: дис. ... канд. философ. наук / Е.А. Иванова. – М., 2000. – 173 с.
37. Ильюшкин В.В. Теоретические представления о национальных и этнических стереотипах в социальных науках и психологии / В.В. Ильюшкин // Проблемы науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceproblems.ru/teoreticheskie-predstavlenija-ontsionalnyh/2.html> (дата обращения: 01.07.2020).
38. Иоффе И. Профессия – ориенталист / И. Иоффе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.left.ru/2006/5/ioffe139.phtml> (дата обращения: 30.06.2020).
39. Казанцев А.А. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ / А.А. Казанцев, Л.Ю. Гусев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т. 9. №1. – С. 160–176.
40. Каменских М.С. Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса / М.С. Каменских // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2018. – №4. – С. 131–143.
41. Каменских М.С. Мигранты и экономика региона: вопросы зависимости (на примере Пермского края) / М.С. Каменских // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / под ред. А.Е. Загребина, М.Ю. Мартыновой; ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН. – М.; Ижевск, 2017.
42. Кириллов Н.П. Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики (вопросы теории и методологии) / Н.П. Кириллов. – Томск: Изд-во Томского университета, 1965. – 122 с.
43. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков) / И.С. Кон // Новый мир. – 1966. – №9. – С. 188–204.
44. Кондратенко Г.М. Об особенностях стереотипизации / Г.М. Кондратенко // Вестник МГУ – 1968. – №2. – С. 56–65.
45. Коновалов В.Н. Политология. Словарь / В.Н. Коновалов. – М.: РГГУ, 2010.
46. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
47. Крысько В.Г. Введение в этнопсихологию / В.Г. Крысько, Э.А. Саракуев. – М., 1996. – 342 с.
48. Кузнецов Д. Горизонтальная Россия. Межэтнические конфликты в современной России: из-за убийств, нападения и врезок в газопровод // 7x7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7x7-journal.ru/articles/2019/06/17/mezhetnicheskie-konflikty-v-sovremennoj-rossii-iz-za-ubijstv-napadenij-i-vrezok-v-gazoprovod> (дата обращения: 09.07.2020).
49. Кузьменко В. Погромы и протесты против мигрантов в Якутске / LENTA.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа – <https://lenta.ru/brief/2019/03/20/yakutsk/> (дата обращения: 09.07.2020).
50. Латынина Ю. Джиханнам, или До встречи в Аду / Ю. Латынина. – М.: АСТ, 2009. – 240 с.
51. Латынина Ю. Земля войны / Ю. Латынина. – М.: ЭКСМО, 2007. – 480 с.
52. Латынина Ю. Не время для славы / Ю. Латынина. – М.: АСТ, 2009 – 544 с.

53. Латынина Ю. Ниязбек / Ю. Латынина. – М.: ЭКСМО, 2005. – 384 с.
54. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
55. Максимов И.В. Межкультурные конфликты в международных отношениях: история, современность, тенденции: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / И.В. Максимов. – М., 2013. – 145 с.
56. Мануковский М.В. Стереотипы сознания в межкультурной коммуникации: учеб. пособие по курсу «Теория межкультурной коммуникации» / М.В. Мануковский. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 100 с.
57. Марецкая Н.А. Дипломатические и пропагандистские стереотипы как основа внешнеполитического имиджа государства / Н.А. Марецкая, Л.Г. Халанская // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70). №2. – С. 70–80.
58. Мастоюгина Т.М. Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учеб. пособие / Т.М. Мастоюгина, Л.С. Перепелкин, В.Г. Стельмах. – М.: Форум, 2013. – 304 с.
59. Межэтнические конфликты в России в 2019 году: как россияне уживаются с другими национальностями // IRRE.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/219128512> (дата обращения: 09.07.2020).
60. Мельник Г.С. Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации / Г.С. Мельник // Mass-Media: Психологические процессы и эффекты. – СПб., 1996.
61. Мельник Г.С. Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации / Г.С. Мельник // Манипуляция сознанием: сборник статей // Mass-Media: Психологические процессы и эффекты. – СПб., 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyfactor.org/lib/stereotype1.htm> (дата обращения: 01.07.2020).
62. Метелкина Ю.С. Социальные стереотипы – процессы формирования, виды и использование в политике: информационный подход: дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02 / Ю.С. Метелкина. – Новосибирск, 2002. – 142 с.
63. Метёлкина Ю.С. Социальные стереотипы: процессы формирования, виды и использование в политике (информационный подход): автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ю.С. Метёлкина. – Новосибирск, 2002. – 18 с.
64. Национализм в России // Левада-Центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2011/09/26/natsionalizm-v-rossii/> (дата обращения: 10.07.2020).
65. Нельсон Т. Психология преубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения / Т. Нельсон. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.
66. Немов Р.С. Психология: учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений / Р.С. Немов. – В 3 кн. – М.: Просвещение; ВЛАДОС, 1995. – С. 240.
67. Нигора Бухари-заде МЫ и ОНИ: о мигрантах, языке вражды и агрессивной ментальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fergananews.com/articles/8577> (дата обращения: 04.07.2020)
68. Орлова О.Г. Стереотипы о России и русских: монография / О.Г. Орлова; науч. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2011. – 154 с.
69. Осеев А.А. Особенности этносоциальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России и Великобритании – сравнительный анализ / А.А. Осеев, Ф.А. Дудуева // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2015. – №4. – С. 85–97.
70. Официальный сайт Администрация Санкт-Петербурга: Этно-Пресс-Клуб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov-contract.n3demo.ru/gov/otrasl/kmormp/etno-press-klub/> (дата обращения: 10.07.2020).
71. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/>

72. Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
73. Официальный сайт: Интернет-портал СНГ (пространство интеграции) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=26552>
74. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации / А.В. Павловская // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – №1. – С. 94–102.
75. Панченков О. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого / О. Панченков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – №1. – С. 164–173.
76. Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: теоретические аспекты / М.Е. Попов // Гуманитарные и юридические исследования – 2014. – №1. – С. 179–184.
77. Попова В.О. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания / В.О. Попова, Е.А. Балезина // Вестн. Пермского ун-та. Филология, психология, социология. – 2015. – №2. – С. 88–94.
78. Речкин Н.С. Стереотипы и процессы стереотипизации в социальных системах (на примере систем школьного образования): автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Н.С. Речкин. – Ростов н/Д, 2006. – 51 с.
79. Розанова М. Россия – новая иммиграционная страна? Динамика изменения подходов к интеграции мигрантов: от политики толерантности к «миграционной полиции» (на примере Санкт-Петербурга) / М. Розанова // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: коллективная монография / ред. и сост. М.С. Розанова; пер. с англ. языка М.С. Розановой, А.Б. Лесохина. – СПб.: СТРАТЕГИЯ; Скифия-принт, 2016. – 192 с.
80. Романов А.С. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.С. Романов. – М., 2015. – 215 с.
81. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О.В. Рябов. – М., 2001.
82. Рябов О.В. Межкультурная интолерантность: гендерный аспект / О.В. Рябов // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная моногр. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 165–179.
83. Рябов О.В. Образ врага в гендерном дискурсе российской пропаганды периода Первой мировой войны / О.В. Рябов // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. / Hrsg. v. Cheaure E., Nohejl R. and Napp A. Wurzburg: ERGON Verlag, 2005. – P. 263–272. (Identitaeten und Alteritaeten. Sbd.20).
84. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Т.Б. Рябова; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2009. – 43 с.
85. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т.Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. V. Вып. 1–2 (15–16). – С. 120–139.
86. Семендяева О.Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.00 / О.Ю. Семендяева. – М., 1986. – 195 с.
87. Семендяева О.Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук / О.Ю. Семендяева. – М.: Академия наук ССР Институт социологических исследований, 1986. – 24 с.
88. Скандал в Якутии – не противостояние мигрантам, а социальный всплеск // Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2594806.html> (дата обращения: 09.07.2020).

89. Славская А.Н. Правовые представления российского общества // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / А.Н. Славская; под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С. 75–92.

90. Смирнова О.В. Гендерная проблематика / О.В. Смирнова // Проблематика СМИ: Информационная повестка дня. – М., 2008. – 316 с.

91. Соколова Е.А. Комплекс гендерных стереотипов в медийном портрете женщины в местной прессе / Е.А. Соколова // Фундаментальные исследования. – 2013. – №1. Ч. 3. – С. 775–779.

92. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

93. Сорокина Н.В. Методическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в вузе / Н.В. Сорокина // Язык и культура. – 2013. – №3 (23). – С. 120–139.

94. Степанова А. В Татарии вспомнили о языке: конфликт разрастается / А. Степанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа – <https://regnum.ru/news/society/2732046.html> (дата обращения: 07.07.2020).

95. Степанова О.К. Особенности этнических стереотипов студентов Бурятии: дис. ... канд. психол. наук / О.К. Степанова. – М., 1999. – 186 с.

96. Стереотип социальный // Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psychology_lexicon.academic.ru/288/Стереотип_социальный (дата обращения: 29.06.2020).

97. Стереотип социальный // Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/45374/СТЕРЕОТИП_СОЦИАЛЬНЫЙ (дата обращения: 29.06.2020).

98. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН; Академ. проект, 1999. – 320 с.

99. Сушенцов А.А. Модели поведения Российской Федерации в международных конфликтах 1990–2000-х гг. / А.А. Сушенцов // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – №5 (26). – С. 33–37.

100. Турцева Д. Рустам Минниханов: «Ну как может быть государственный язык добровольным?» / Д. Турцева, М. Горожанинова.

101. Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: метод. пособие / Е.Г. Фалькова. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 77 с.

102. Феофанов С.А. Стереотип и «имидж» в буржуазной пропаганде / С.А. Феофанов // Вопросы философии. – 1980. – №6. – С. 37.

103. Флиер Л.Я. Культурология. XX век. Энциклопедия / Л.Я. Флиер. – В 2 т. – М.: Университетская книга, 1997.

104. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие / Т.Б. Фрик; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 100 с.

105. Хабенская Е.О. Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) / Е.О. Хабенская // Дневник АШПИ. – 2005. – №1. – С. 171–174.

106. Ходик Д., Шевцова Я. Вопрос, разделивший общество. В чём суть «языкового конфликта» в Татарстане / Ходик Д., Шевцова Я. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://kazan.aif.ru/society/vopros_razdelivshiy_obschestvo_v_chyom_sut_yazykovogo_konflikta_v_tatarstane](https://kazan.aif.ru/society/vopros_razdelivshiy_obschestvo_v_chem_sуть_«языкового_конфликта»_в_Татарстане) (дата обращения: 07.07.2020).

107. Чеканова С.А. Роль стереотипов в межкультурном общении / С.А. Чеканова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – №12. – С. 263–265.

108. Шерковин Ю.А. Убеждение, внушение, пропаганда / Ю.А. Шерковин // Вестник МГУ. – 1969. – №5.
109. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М., 1969. – С. 98.
110. Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке / П.Н. Шихирев // Вопросы философии. – 1971. – №5.
111. Шихирев П.Н. О поляризованности стереотипа / П.Н. Шихирев // Современная социальная психология. – М., 1999. – С. 116.
112. Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма / В.А. Шнирельман. Т. II. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 277–285.
113. Щербакова Е. Миграция в России, предварительные итоги 2016 года / Е. Щербакова // Демоскоп. – 2017. – №719–720 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0719/barom01.php> (дата обращения: 10.07.2020).
114. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1994. – №1. – С. 17–19.
115. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1995. – №2. – С. 22–26.
116. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1995. – №5. – С. 14–16, 56–57.
117. Эмигранты. Стереотипы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://igornasa.livejournal.com/15020.html> (дата обращения: 04.07.2020).
118. Эргене Э. Движение Гюлена: зов к благоразумию / Э. Эргене. – М., 2010.
119. Этический кодекс журналистов, освещающих межэтническую тематику в Российской Федерации / Медиапроект гильдии межэтнической журналистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nazaccent.ru/about/eticheskij-kodeks/> (дата обращения: 10.07.2020).
120. Ядов В.А. К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии / В.А. Ядов // Философские науки. – 1960. – №2. – С. 47–58.
121. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В.А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии / под ред. Е.В. Шороховой. – М., 1975. – С. 89–105.
122. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В.А. Ядов – 2-е изд., расш. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
123. Ядов В.А. Стереотип социальный / В.А. Ядов // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 626–627.
124. Якимов А.Н. Освещение миграционных процессов в Российской Федерации. Методические рекомендации в помощь средствам массовой информации и специалистам по информационной работе / А.Н. Якимов; под ред. Б.Л. Панич. – СПб., 2018. – 36 с.
125. Allport G.W. The Nature of Prejudice / G.W. Allport. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1954. – 350 p.
126. Allport J.W. The natural of Prejudice, N. Y. 1958. – №4. – P. 187.
127. Bourdieu P. Masculine domination. Stanford, 2001. – P. 103.
128. Dennis K. Davis, Stanley J. Baran Communication and everyday Life: A Perspective on Theory and Effects. – Wadsworth Publishing Company, 1981. – 217 с.
129. Eberhardt J.L., Fiske S.T. Motivating individuals to change: What is a target to do? // Stereotypes and stereotyping. – P. 371–383.
130. Ergene E, Geleneğin Modern Çağın Tanıklığı. – Istanbul: Akademi Yayinlari, 2005. – 408 с.
131. Hall S. The West and the Rest: Discourse and power // S. Hall, B. Gieben (eds.). Formations of modernity. Cambridge, 1992. – P. 276–332.
132. Katz D. & Braly K.W. Racial Stereotypes in One Hundred College Students / D. Katz, K.W. Braly // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1933. – Vol. 28. – P. 288–289.

133. Lewis R. *Gendering Orientalism: Race, femininity and representation*. London; New York, 1996. – 267 с.
134. McGarty C., Yzerbyt V.Y., Spears R. *Stereotypes as Explanations. The formation of meaningful beliefs about social groups* / C. McGarty, V.Y. Yzerbyt, R. Spears. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 230 p.
135. Mim Kemal Küresel Toplum, Ankara: ASAM, 2001. – P. 95.
136. Pickering M. *Stereotyping: the politics of representation*. N.Y., 2001.
137. Quasthoff U.M. *Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation // Wie verstehen wir Fremdes? Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen*. München, 1989. – P. 37–62.
138. Said E. *Orientalism*, New York: Vintage Books, 2003. – С. 5, 40, 87, 121
139. Said E. W. *Orientalism*. N.Y., 1978.
140. Scollon R., Scollon S.W. *Op. cit.* P. 169.
141. Soldatova G.U. *Psychology of ethnic tensions*. Moscow, 1998. P. 337–340.

ГЛАВА 6

DOI 10.31483/r-106645

Иванюженко Андрей Борисович

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПЕНСИОННОМ СТРАХОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ «СОЦИАЛЬНОГО ЭСКАЛАТОРА»

Аннотация: в главе содержится анализ отдельных свойств конституции РФ как нормативно-правового акта и распространения этих свойств на законодательство об обязательном пенсионном страховании. Автор делает выводы о бессрочности, стабильности и историзме Основного закона России. Содержащиеся в конституции нормы-принципы позволяют оценить отраслевое законодательство об обязательном пенсионном страховании на предмет его стабильности, долгосрочности и непротиворечивости. Анализируя проблемы законодательства об обязательном пенсионном страховании, автор приходит к выводу, что оптимальным для развития этих правоотношений при обязательном непротиворечии закрепленных в Конституции норм-принципов будет внедрение в законодательство концепции «Социального эскалатора», обосновывающей преемственность страховых циклов.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, Конституция, историзм, бессрочность действия, пенсионное страхование, пенсионная формула, Социальный фонд, Социальный эскалатор.

Abstract: the chapter contains an analysis of certain properties of the Constitution of the Russian Federation as a normative legal act and the extension of these properties to the legislation on compulsory pension insurance. The author draws conclusions about the timelessness, stability and historicism of the Basic Law of Russia. The norms-principles contained in the Constitution allow assessing the sectoral legislation on mandatory pension insurance for its stability, durability and consistency. Analyzing problems of legislation on compulsory pension insurance, author concludes that optimal for development of these legal relations at obligatory non-contradiction of norm-principles fixed in Constitution will be introduction of "Social escalator" concept into legislation, substantiating continuity of insurance cycles.

Keywords: normative-legal act, Constitution, historicism, indefinite validity, pension insurance, pension formula, Social Fund, Social escalator.

В российском правовом пространстве нормативно-правовым актом, имеющим главенствующее значение, является Конституция (Основной закон) России. Свойствам данного нормативно-правового акта (далее – НПА) посвящено множество исследований. Р.А. Алексеев называет Конституцию «ядром правовой системы» [31, с. 10]. А.Н. Пугачев, исследуя свойства Конституции, пишет о том, что Конституция РФ обладает признаками верховенства; высшей юридической силой и является основой (базой) для создания текущего законодательства [47, с. 115]. Кроме того, обращает на себя внимание позиция А.Н. Авакяна согласно которой конституция не только «является законом и обладает всеми его чертами» но и обладает свойством «учредительного характера» [29; 31–38], что можно отождествить с таким признаком конституции, предлагаемым А.В. Абрамовым как «политикоправовой характер» [28, с. 169].

Однако, в работах ученых-конституционалистов не уделяется должного внимания действию Основного закона во времени. Будучи нормативным актом прямого действия (ст. 15 Конституции РФ), конституция как нормативный акт должна соответствовать требованиям к предъявляемым к нормативно-правовому акту, изложенным в Постановлении Конституционного суда РФ от 31.03.2015 №6-П [21], и Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 №50 [27], согласно которым одним из признаков НПА является неоднократность применения. Данные требования закрепляют на практике теоретико-правовое представление об НПА, согласно которого Акт действует во времени в пределах «определенных временных границ» т.е. в промежутке времени с момента его вступления в силу и до момента утраты им юридической силы [60, с. 522].

Как представляется, не лишена аргументации позиция Д.Г. Шустова, согласно которой в политическом смысле конституция представляет собой учредительный акт, в котором народ, развернуто излагает содержание формы своего политического бытия, вследствие чего принимаемая конституция позволяет обществу «начать все заново», для чего необходимо покончить с прошлым и дать начало действия новому государству [55, с. 11]. Таким образом, принятие обществом своей конституции по сравнению с введением в действие иных НПА является историческим событием, во время которого члены общества коллективно декларируют наступление «Новой эпохи», время существования которой не имеет определенного срока, и прекращается только в случае отказа общества от данной эпохи и перехода к новым качественным отношениям. Данное обстоятельство позволяет

утверждать, что срок действия основного закона носит бессрочный характер.

Не соглашаясь с идеями М.И. Клеандрова высказанными им в 2022 году о необходимости принятия «Новой Конституции России» мы обращаем внимание на высказанный им же тезис о том, что Конституция РФ «обязана создать выпуклый, ясно осязаемый образ будущего нашего общества и государства» [41, с. 9], создаваемый его учредителями, что позволяет утверждать о рассмотрении вопросом общества о новой конституции при условии несоответствия основного закона взглядам общества на бытие. Только тогда общество, состоящее из равноправных субъектов признающих необходимость новых условий существования и сосуществования, учреждает в виде принимаемого Основного закона новые правила общественного бытия, рассматриваемые теорией права в качестве «общественного договора» [48, с. 160–161]. Именно в общественном согласии, объединяющем волю большинства участников общества в отношении соответствующих «Новой эпохе» прав и обязанностей членов общества легализованном путем принятия конституции как НПА, состоит отличие ее договорной природы, от т.н. октроированной (дарованной) конституции, сводящейся к передаче суверена своим подданным некоего объема прав.

Российская история XX века знает примеры признания обществом «Новых эпох», реализуемых путем принятия «новых» конституций. Так, основатель Советского государства В.И. Ленин еще в начале XX века писал, что конституция – это не «бумажка, на которой записаны права народа», а документ, содержащий права гарантируемый «силой тех классов народа, которые осознали эти права и сумели добиться их» [51, с. 54], что нашло отражение в ст. 1 Конституции РСФСР 10 июля 1918 года о том, что «Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [1].

В конце XX века после принятия в РСФСР 12 июня 1990 года «Декларации о государственном суверенитете», Съездом народных депутатов РСФСР как полномочным представителем советского общества в Конституцию РСФСР 1978 года Законом РСФСР от 15.12.1990. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» были внесены радикальные изменения, свидетельствующие о «Новой эпохе» выражаемой в согласии советского общества развиваться согласно Преамбуле Конституции в «составе обновленного СССР» [2].

Политический кризис в российском обществе, вызванный «Беловежскими соглашениями» 8 декабря 1991 года поставил перед обществом вопрос о необходимости существования в «Новой эпохе», а референдум назначенный на 12 декабря 1993 по вопросу существования общества в новых условиях был призван создать «надежную базу для

построения российской государственности» [49]. Обращает на себя внимание то, что действующая ныне Российская Конституция 1993 года закрепила в себе заключенный членами социума общественный договор. Так, субъектный состав Договора фактически закреплен текстом Преамбулы, т.к. согласно Постановления Конституционного суда РФ от 16.07.2007 №11-П, отраженное в ней «коллективное участие в осуществлении власти в Российской Федерации граждан, составляющих в своей совокупности многонациональный народ Российской Федерации, предполагает формирование политической воли народа, определяющей деятельность публичной власти» [20], а условия этого Договора как и особенности его пересмотра содержатся в ее тексте. Кроме этого, существующая в Конституции России строка преамбулы «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, <...> принимаем Конституцию Российской Федерации» по словам авторов постатейного комментария к Конституции РФ является юридическим актом, объявляющим декларируемую участниками Договора содержащуюся в Конституции описание правил существования лиц в условиях «Новой эпохи» действующим [57, с. 7].

Кроме свойств бессрочности и историзма, Основной закон России дополняется свойством стабильности, т.е. ее защиты от непродуманных изменений. В частности, помимо защиты от изменения содержания 1, 2 и 9 глав Конституции путем применения специальной процедуры созыва Конституционного собрания (ст. 135), ее содержание защищается доктриной «Живой конституции» позволяющей применять не букву, а «духа закона», т.е. такую систему ее истолкования, которая «не искажая сути правового смысла, заложенного в ее текст выявлять его актуальное значение в контексте современных социально-правовых реалий» [36].

Также о стабильности и бессрочности российского Основного закона позволяет судить содержание части 4 ст. 15 Конституции РФ о том, что нормы международных договоров являются частью правовой системы России. Руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права РАН, д-р юрид. наук И.И. Лукашук рассматривая право международных договоров отмечал, что среди данных актов встречаются договоры, заключенные «на вечные времена», т.е. на срок «пока времена и обстоятельства существенно не изменятся» [42. с. 109–112], что может быть интерпретировано, как наступление момента времени, в котором одна из сторон Договора не придет к выводу о возникновении и признании в качестве юридического факта «Новой эпохи» не позволяющему продолжать участие в Договоре. Аналогом данных договоров являются т.н. «бессрочные» договоры примером чего является содержащий в ст. XV названное условие многосторонний «Договор по открытому небу» (Хельсинки, 1992) β].

Бессрочный договор может быть аннулирован государством-участником только на условиях, предусмотренных самим Договором, либо в случае изменения «времен и обстоятельств», что может означать существенный пересмотр Основного закона обществом, составляющим население государства-участника.

Внесение «масштабных» поправок в Российскую Конституцию в июле 2020 года, несмотря на предусмотренные процессуальные механизмы, содержащиеся в Главе 9 этого НПА также были осуществлены путем проведения всенародного голосования. Историзм этого события отмечался Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года. По словам Президента РФ В.В. Путина «Конституция была принята уже более четверти века назад в условиях тяжелого внутривнутриполитического кризиса, и положение дел с тех пор кардинально изменилось», а также им отмечалось, что «перед Россией стоят прорывные исторические задачи, и в их решении значим вклад каждого» [18]. Впоследствии развивая эту идею, и подтверждая наличие существования в России Общественного договора Президент РФ отмечал, что «важно, чтобы именно граждане России, придя на голосование, зафиксировали свое авторство этого закона» [45]. Таким образом, всенародное голосование 1 июля 2020 года о поправках в Основной закон, закрепило волю населения о их правовой бессрочности, допуская только по причине признания россиянами «Новой эпохи», дата наступления которой ныне неизвестна, а предложения о принятии «Новой конституции» России в исторической перспективе, о которой пишет С.А. Авакьян пока не имеют под собой почвы [30, с. 6].

В качестве примера бессрочности новой редакции Конституции РФ можно рассмотреть содержание новой редакции ст. 95, согласно которой часть членов Совета Федерации – Сенаторов РФ назначаются на свои должности пожизненно. Отмена этого положения, как и иных введенных в 2020 году поправок, возможна в порядке ст. 136 Основного закона, но в тоже время эта процедура может быть признана неконституционной по причине исключительно народного волеизъявления, в силу чего отмена пожизненности это срока возможно только по причине признания россиянами «Новой эпохи», дата наступления которой неизвестна ныне.

Иным примером бессрочности Основного закона РФ является новая редакция ст.79 об ограничении действия на территории России международных актов и договоров «если это противоречит основам конституционного строя». Данная поправка не только позволила пересмотреть отношение государства к применению на территории России правовых позиций ЕСПЧ, что в свое время было сделано благодаря толкованию Конституционным судом содержания Конституции РФ [22] неоднозначно воспринятого юридической наукой [53, с. 173–175]

но и стала декларацией пересмотра российским обществом своего места в международно-правовых отношениях.

В то же время следует учитывать, что общество, принимающее Конституцию, в последующем сменяется поколениями, культурные, политические и экономические предпочтения которых могут быть не идентичными поколению, принявшему этот НПА. Поводом для подобного допущения является содержание п. 1 Раздела 7 Конституции Франции 1791 года о том, что изменение Конституции является естественным («неотъемлемым») правом нации; некоторые из статей могут не пройти испытание временем (т.н. «выявление непригодности опытом»), а также – содержание п.28 Конституции Франции 1793 года о том, что «ни одно поколение не может подчинить своим законам поколения будущие» [56]. Этому же способствует и тезис автора «Духа государства» П. Бурдьё, согласно которого массы признают публичную власть на уровне принятия обыденных форм повседневной жизни, подчиняясь существующим государственным институтам, структурирующим их ход [52, с. 209]. Вследствие этого новые поколения «сплывут по течению» бытия, не вдаваясь в значение историзма и бессрочности норм Основного закона, как и в то, что они живут в условиях «Новой эпохи» по отношению к эпохе предшествующей ее принятию, что может побуждать социальные конфликты.

Однако, как представляется, цитируемые выше позиции французского конституционализма и социологии не являются универсальными. Например, Р.А. Алексеев сравнивая в своем исследовании условия изменения ряда Основных законов отмечал, что содержащаяся в законодательстве США «сложная процедура конституционных преобразований способствовала тому, что за длительный период действия американской конституции, которая была принята в 1787 г., в нее было внесено вплоть до настоящего времени всего лишь 27 поправок [31, с. 11], что позволяет говорить о реализации в этом государстве вышеназванных свойств Основного закона.

В отношении же Российской Конституции названный выше А.Н. Пугачев писал, что данный НПА содержит в себе требования, посвященные особому порядку ее принятия, пересмотра и внесения поправок, что позволяет судить о ее особой охране [47, с. 115] в связи с чем с учетом специального порядка пересмотра 1 и 2 Глав, за весь срок действия в него были внесены поправки в основном затрагивающие состав субъектов России и только незначительное количество изменений посвященных политико-правовым преобразованиям, а существенные поправки в Основной закон России в 2020 году позволили заручиться согласием новых поколений россиян о корректировке курса развития российского общества.

Закрепление же в конституции, как НПА, обладающим названными свойствами норм-принципов построения общественных

отношений (конституционных принципов) также способствует тому что содержание конституции делает стабильным основанную на нормах материального права регуляцию общественных отношений так как действие их содержания «распространяется далеко за пределы конкретной нормы, в которой фиксируется содержание принципа права, находя свое непосредственное закрепление в тексте конкретных нормативно-правовых предписаний» [32, с. 7].

Переходя к распространению выявленных нами свойств российского Основного закона на федеральное законодательство об обязательном пенсионном страховании (далее – ОПС) мы должны отметить, что ч. 2 ст. 39 Конституции РФ предусматривает, что «Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом». Наличие этой нормы как регулятора позволяло Законодателю обладая свободой усмотрения устанавливать правила пенсионного обеспечения. Дополнение в 2020 году этого конституционного положения нормами, содержащимися в частях 6 и 7 ст. 75 Основного закона, устанавливающими, что «в Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе *принципов* (выделено нами – *А.И.*) всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование» и что «в Российской Федерации в соответствии с федеральным законом гарантируются обязательное социальное страхование», предусматривает закрепление в Конституции, как непосредственно применяемом законе, конституционных принципов построения пенсионной системы, обладающих изложенным выше признаками бессрочности, стабильности, историзма и верховенства по отношению к законодательству об ОПС, признаваемому частным случаем предусмотренного статьями 1 и 8 Федерального закона от 16.07.1999 №165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» т.н. «социального страхования» [4].

Указание на то, что в цитируемом положении Основного закона формирование ОПС на основе ряда принципов установлено в настоящем времени (т.е. «формируется система» а не «сформирована») соответствует разделяемым нами взглядам Д.Н. Бахраха о том, что вступающая в силу «норма немедленного действия» регулирует «что есть и что будет» а прочие взгляды на нормативную регуляцию аналогичных отношений «немедленно прекращают свое действие» [33, с. 7].

Известно, что в современной России пенсионное страхование было введено благодаря принятию 20.11.1990 Закона РФ №340–1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации», существенным отличием которого от действовавшего в эпоху социалистической экономики пенсионного законодательства стало описание пенсионной системы терминологией, характерной для экономики страхования. Республиканский Пенсионный фонд (ПФ РФ) упоминаемый в ст. 11.1

Конституции РСФСР в редакции Закона РСФСР от 15.12.1990. был непосредственно создан Постановлением Верховного совета РФ 27.12.1991 №2122–1, а одной из функций этой организации являлось «обеспечение сбора *страховых взносов* (выделено нами – *А.И.*), необходимых для финансирования выплат государственных пенсий» [13] перечисляемых в него соответственно страхователями (работодателями и непосредственно застрахованными). Таким образом система ОПС не только описывалась новой терминологией, отличающей ее от законодательства советской эпохи, но и позволяла применять страховую модель перераспределения средств, направленных на предусмотренные пенсионные выплаты.

Однако, на протяжении всего срока действия российской системы ОПС в ней выявлялись многочисленные правовые, социальные и финансовые противоречия.

В частности,

1. Несмотря на отмечаемую ПФ РФ и подтверждаемую Конституционным судом РФ доктрину «солидарности поколений» [19] благодаря которой реализация человеком своих пенсионных прав на пенсионные обязательства ПФ РФ возможна при наличии условий:

- обязательного личного участия застрахованного в формировании ПФ РФ величин пенсионных обязательств в отношении более старших поколений застрахованных (наличии т.н. страхового стажа) и
- формировании средств бюджета ПФ РФ в будущем новыми возрастными когортами [59],

с момента создания системы ОПС прослеживаются самые разнообразные подходы государства к правовой оценке возмездности страховых взносов в бюджет ПФ РФ как доходов, предназначенных для их трансформации в пенсионные обязательства.

Так,

- в цитируемом нами выше Постановлении от 24.02.1998 №7-П Конституционный суд РФ отмечает, что «страховые взносы в ПФ РФ представляют собой особые обязательные платежи, являющиеся формой отчуждения денежных средств страхователей и застрахованных на началах безвозвратности и индивидуальной безвозмездности» [19];

- в Определении от 05.02.2004. №28-О Конституционный суд РФ указывает, что «в отличие от налога <...> страховые взносы на обязательное пенсионное страхование отвечают признакам возмездности и возвратности» [25];

- в Постановлении от 30.11.2016 №27-П можно прочесть, что «отдельные правовые позиции Конституционного суда по поводу налогообложения распространяются и на обязательные страховые взносы» [23], а

- в Постановлении Конституционного суда РФ от 31.10.2019 №32-П излагается позиция, согласно которой «в отличие от налогов,

страховые взносы <...> для застрахованных лиц выступают материальной гарантией пенсионного обеспечения в случаях, когда они лишены возможности иметь заработок (доход) или утрачивают его в силу возраста» [24].

2. В законодательство, регулирующее ОПС периодические вносятся изменения, влияющие на количественные характеристики вероятности реализации лицами пенсионных прав и их объем.

Например,

- Федеральный закон от 20.07.2004 №70-ФЗ «О внесении изменений в Главу 24 части второй НК РФ, Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» и признании утратившими силу некоторых положений законодательных актов РФ» объединил ранее существующую группу застрахованных «мужчины с 1953 по 1966 год рождения и женщины с 1957 по 1966 год рождения» имеющую самостоятельный объем пенсионных прав с возрастной группой «мужчины 1952 года рождения и старше и женщины 1956 года рождения и старше», в результате чего, современная структура застрахованных стала выглядеть как: «лица 1966 года рождения и старше и лица 1967 года рождения и моложе» [5], а

- Федеральный закон от 03.10.2018. №350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» увеличил возраст приобретения застрахованными лицами прав на страховую пенсию на срок до 5 лет (для женщин и мужчин до 60 и 65 лет соответственно) [9].

3. Так называемая «пенсионная формула», являющаяся базой для расчетов пенсионных обязательств, критически воспринимается теоретиками финансов, о чем подробно писали О.Г. Дмитриева и В.П. Чернов [34, с. 115–130], социумом [58] и бизнес-сообществом [50], а ее нормативная регуляция выглядит неоднозначной. Так, часть 2 ст. 4 Федерального закона от 02.11.2013 №293-ФЗ «Об актуарной деятельности» предусматривает, что организация актуарной оценки субъектов, созданных публично-правовыми образованиями (в т.ч. страховых организаций) производится на основании распоряжения Правительства РФ, выступающего в качестве «Заказчика актуарного оценивания» [7]. Но если до введения в действие названного Закона №293-ФЗ (1 января 2015 года) подготовкой актуарных расчетов для определения основных показателей бюджетов ПФ РФ в федеральных округах занимались информационно-аналитические отделы Управления данного Фонда [16], то в дальнейшем деятельность ПФ РФ в качестве страховщика в ОПС осуществлялась при непосредственной деятельности существующего в структуре ПФ РФ Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования с функцией «представления сведений, необходимых для составления проекта

бюджета ПФ РФ», наличие которого в структуре этой организации подтверждается Приложением 1 к Учетной политике по исполнению бюджета ПФ РФ утвержденным Постановлением Правления ПФ РФ от 25.12.2015 №521п «Об утверждении Учетной политики по исполнению бюджета Пенсионного фонда РФ» [17].

В ст. 39 Конституции РФ содержится норма о том, что в России «поощряется добровольное социальное страхование», однако позиция застрахованных по поводу личного участия в формировании индивидуальных пенсионных накоплений за счет размещения средств в негосударственных пенсионных фондах (далее – НПФ) представляется пассивной. Статья 13 Федерального закона от 30.04.2008. №56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» гарантировала застрахованным лицам софинансирование добровольного взноса в НПФ в пределах величины 12 тыс. рублей в год [6]. Однако, спустя 2 года (2010 год) Счетная палата РФ отметила, что «реализация данной Программы является неудовлетворительной, т.к. средняя величина взноса застрахованного составляла 2,6 тыс. рублей в год (т.е. 22% от предельного показателя софинансирования), а всего в Программу вступило меньше 4 млн человек» [44]. Позднее, согласно п.7 ст. 3 и ст. 6 Федерального закона от 04.12.2013. №351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения» [8] пенсионные накопления граждан в НПФ были «заморожены» и фактически переданы в бюджет ПФ РФ. Спустя 8 лет, т.е. в 2022 году Минфином РФ России обсуждался вопрос о их возврате в собственность застрахованных на условиях размещения в различные активы, однако этот вопрос так и остался не решенным [54], а позднее, согласно ст. 4 Федерального закона от 05.12.2022 №472-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», срок принятия решения о правовой судьбе «замороженных» средств был продлен до 2025 года [12].

Обращает на себя внимание то, что обозначенные выше в системе ОПС противоречия наблюдаются в российской пенсионной системе на протяжении всего срока ее действия, составляющего период времени больший, чем период существования созданного на основании Конституции 1993 года современного российского государства. Важно отметить, что систематическое изменение российским Законодателем условий ОПС происходит в течении одного «пенсионного цикла» в котором находится застрахованный, под которым мы понимаем промежуток времени с момента признания государством лица в качестве застрахованного в системе ОПС до даты наступления страхового случая, и определяемого нами в виде разницы между годом

достижения возраста приобретения мужчиной или женщиной прав на пенсионное обеспечение (в настоящее время – 65 и 60 лет соответственно) и формальным годом совершеннолетия т.е. 18 лет, дающим право лицу на формирование страхового стажа). Подсчеты показывают, что в среднем пенсионный цикл для мужчин составляет период в 47 лет, а для женщин 42 года (разница между 65 (60 годами соответственно и 18 годами). Названное обстоятельство, как и то, что время существования российского государства составляет срок меньший чем величина пенсионного цикла, в течение которого наблюдается систематические односторонние изменения государством условий ОПС, заставляет застрахованных занимать не активную, а выжидательную позицию в отношении формирования прав на пенсионные выплаты. Регулярные новации в регламентации ОПС рассматриваются также и будущими пенсионерами в качестве переменного значения в субъективном пенсионном правоотношении, что влияет на осознание ими необходимого для экономики страхования и страхового законодательства «страхового интереса», о содержательности которого мы писали ранее [40, с 25–29] и непосредственно отражается в параметрах бюджета ПФ РФ (с 01.01.2023 года – бюджета Социального фонда).

Таким образом, до введения в действие принципов, предусмотренных ч. 6 ст. 75 Конституции РФ и вводимых в действие с момента ее принятия, Законодатель, формально не нарушая требования Основного закона регулировал пенсионные правоотношения, не учитывая их стабильности и долгосрочности. Это подтверждается позицией Конституционного суда РФ, который в Определении от 02.04.2019 №854-О установил, что «Конституционные положения о социальном государстве <...> не предполагают установления количественных критериев или экономических показателей, которые создавали бы конституционно-правовой инструментарий оценки законодательного решения о внесении такого рода изменений в пенсионную систему» [26] и позволяет утверждать о приоритетности в законодательстве об ОПС не принципа законности, а выявленного нами в свое время принципа экономической целесообразности [38, с. 88–91].

Внесение в 2020 году в Основной закон России ряда т.н. «мировоззренческих поправок» (предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 67.1 институты «государства, объединенное тысячелетней историей»; «исторически сложившегося государственного единства») переводящих духовно-нравственное содержание национальной идентичности в категорию конституционной характеристики государства и общества для достижения более высокого уровня конституционного (и государственного) суверенитета [43, с. 27], а равно введение в нормативную регуляцию ОПС конституционных принципов «всеобщности, справедливости и солидарности поколений», при условии эффективного функционирования системы ОПС, ставших конституционно-правовой базой для ее

дальнейшего финансово-правового развития, а также последовавшее за этим объединение ресурсов ПФ РФ и Фонда социального страхования согласно принятого 14.07.2022 Федерального закона №236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» в Единый Социальный фонд (далее – закон №236-ФЗ),

а также –

содержание Указов Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» являющихся основой российского общества, и позволяющих осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала (п.7 Основ) [14] и от 31.03.2023 №229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», в которой отмечается «особое положение России как самобытного государства-цивилизации», сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира (п. 4 Концепции), а в долгосрочной перспективе национальными интересами России являются «повышение качества жизни и благосостояния граждан» (п. 15 Концепции) [15].

является не только историческим событием, значение которого для применения Основного закона описано выше, но и потребует, по нашему мнению, от Правительства России, как участника конституционного правоотношения, осознающего выявленные нами свойства Основного закона вынесения на общественное обсуждение проекта нормативного акта, выступающего приводным ремнем создаваемой в законодательстве об ОПС модели т.н. «Социального эскалатора», о которой мы задумывались и писали ранее [37].

Содержание модели «социального эскалатора» должно сводиться к тому, что «молодое» поколение (совокупность индивидов, обладающих одинаковыми половозрастными признаками), поэтапно продвигаясь по биологической траектории в сторону периода «старости» началом которого является момент достижения пенсионного возраста должно быть уверено в том, что вступая в пенсионный цикл государство гарантирует ему неизменные в течение всего цикла условия ОПС которые не будут хуже аналогичных условий гарантируемых предшествующему поколению, что позволит каждому последующему поколению оценить финансовые и правовые условия системы ОПС в настоящем и будущем. Кроме того, данная модель позволит каждому из представителей названных поколений более внятно оценивать перспективы своего существования как в течение пенсионного цикла, так и по его окончании, т.е. в пожилом возрасте и как следствие – более продуманно формировать свое волеизъявление в отношении своего будущего. Изложение этой модели может быть закреплено Правительством РФ в виде «Порядка осуществления актуарной деятельности

Социальным фондом», как это предусмотрено ст. 13 вышеназванного закона №236-ФЗ [10] либо в виде иного НПА.

Таким образом, на основе содержания модели «Социального эскалатора» в России должна быть проведена не очередная «пенсионная реформа», тренд на реализацию которых был выявлен Т.В. Жуковой в исследованиях пенсионных систем стран «Европейской цивилизации» [35, с. 246–247], а создано «последнее изменение» системы ОПС, которое не противоречит признакам бессрочности, стабильности и историзма Конституции, а также учитывая реалии изменяющегося мира должно стать частным случаем «общества участия» [46, с. 8], как части Общественного договора.

Поскольку в 2022 году для укрепления отношения между государством и обществом в России с 1 января 2023 г. были внедрены предусмотренные Федеральным законом от 14.07.2022 №263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [...] фактически революционные новации в части уплаты обязательных платежей, включающих в себя страховые взносы на ОПС, позволяющие рассматривать их на стадии проведения Специальной военной операции начавшейся в феврале 2022 года в качестве нового шага в укреплении существующего в России Общественного договора [39, с. 99–100], историческим шагом в укреплении отношений между государством и человеком должна стать модель, в которой благосостояние каждого индивида в пенсионном возрасте во многом должно зависеть не только от личного интереса человека в отношении своего будущего но и от преемственности пенсионного законодательства, несменяемость которого на протяжении всего пенсионного цикла каждого застрахованного должно гарантироваться государством.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) РСФСР от 10.07.1918 // СУ РСФСР. – 1918. – №5. – Ст. 582.
2. Закон РСФСР от 15.12.1990 №423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР. – 1990. – №29. – Ст. 561.
3. Договор по открытому небу. Принят в г. Хельсинки 23.04.1992 // Московский журнал международного права. – 1993. – №2. – С. 145.
4. Федеральный закон от 16.07.1999 №165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // Российская газета. – 21.07.1999.
5. Федеральный закон от 20.07.2004 №70-ФЗ «О внесении изменений в Главу 24 части второй НК РФ, Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» // Российская газета. – 28.07.2004.
6. Федеральный закон от 30.04.2008 №56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» // Российская газета. – 06.05.2008.
7. Федеральный закон от 02.11.2013 №293-ФЗ «Об актуарной деятельности» // Российская газета. – 06.11.2013.
8. Федеральный закон от 04.12.2013 №351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения» // Российская

газета. – 06.12.2013.

9. Федеральный закон от 03.10.2018 №350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Российская газета. – 04.10.2018.

10. Федеральный закон от 14.07.2022 №236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Российская газета. – 19.07.2022.

11. Федеральный закон от 14.07.2022 №263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 20.07.2022.

12. Федеральный закон от 05.12.2022 №472-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 08.12.2022.

13. Постановление Верховного совета РФ от 27.12.1991 №2122–1 «Положение о Пенсионном фонде Российской Федерации» // Российская газета. – 23.01.1992.

14. Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.03.2023).

15. Указ Президента РФ от 31.03.2023 №229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Российская газета. – 31.03.2022.

16. Постановление Правления ПФ РФ от 09.10.2000. №18 «О создании управлений ПФ в федеральных округах» // Нормативные акты по финансам, налогам, страхованию и бухгалтерскому учету. – 2001. – №1.

17. Постановление Правления ПФ РФ от 25.12.2015 №521п «Об утверждении Учетной политики по исполнению бюджета Пенсионного фонда РФ» // Информационно-правовая система «Гарант».

18. Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин в Послании Федеральному Собранию // Российская газета. – 15.01.2020.

19. Постановление Конституционного суда РФ от 24.02.1998 №7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Государственный фонд занятости населения РФ и в Фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов» // Российская газета. – 10.03.1998.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 №11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – российская партия коммунистов» // СЗ РФ. – 2007. – №30. – Ст. 3989.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 №6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпромнефть» // Российская газета. – 13.04.2015.

22. Постановление Конституционного суда РФ от 14.07.2015 №21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – 27.07.2015.

23. Постановление Конституционного суда РФ от 30.11.2016 №27-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса РФ в связи с запросом Кировского областного суда» // Российская газета. – 16.12.2016.

24. Постановление Конституционного суда РФ от 31.10.2019 №32-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18, статей 20 и 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование», части 22 статьи 26 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и пункта 6.1 статьи 78 Налогового кодекса РФ в связи с запросом Верховного Суда РФ» // Российская газета. 15.11.2019.

25. Определение Конституционного суда РФ от 05.02.2004 №28-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации Тверской областной общественной организации Всероссийского общества инвалидов Заволжского района города Твери на нарушение конституционных прав и свобод статьями 3 и 34 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» и статьей 10 Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс РФ и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СЗ РФ. – 2004. – №12. – Ст. 1109.

26. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2019 №854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Информационно-поисковая система «Консультант Плюс».

27. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 №50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. – 15.01.2019.

28. Абрамов А.В. 12 лекций по политологии: учебное пособие для бакалавров / А.В. Абрамов. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 260 с.

29. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – М.: Сашко, 2000. – 524 с.

30. Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2023. – №1. – С. 3–21.

31. Алексеев Р.А. Конституция Российской Федерации: история поправок / Р.А. Алексеев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – №1. – С. 8–31 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.evostnik-mgou.ru (дата обращения: 15.04.2023).

32. Баранов А.В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования / А.В. Баранов // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». – 2016. – №4 (22). – С. 5–14.

33. Бахрах Д.Н. Три способа действия во времени новых правовых норм и три способа прекращения действия старых норм / Д.Н. Бахрах // Государство и право. – 2005. – №9. – С. 5–12.

34. Дмитриева О.Г. Монотонность и стационарность пенсионных функций и их нарушение в действующих и предлагаемых формулах расчета пенсий / О.Г. Дмитриева, В.П. Чернов // Вопросы экономики. – 2014. – С. 112–140.

35. Жукова Т.В. Вторая волна пенсионных реформ (2009–2019 гг.): прогноз будущих трансформаций пенсионных систем / Т.В. Жукова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – Т. 13. №4. – С. 230–252.

36. Зорькин В. Буква и дух Конституции / В. Зорькин // Российская газета. – 09.10.2018.

37. Иванюженко А.Б. «Социальный эскалатор» как фактор пенсионной политики Российского государства / А.Б. Иванюженко // Человек. Культура. Общество. Право (к 20-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации): материалы межвузовской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20 ноября 2013 года). – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. – С. 105–112.

38. Иванюженко А.Б. О конкретизации применения принципов плановости и законности в российском финансовом праве (на примере правового регулирования деятельности Пенсионного фонда России) / А.Б. Иванюженко // Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в современной доктрине финансового права: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в рамках III Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой, посвященных 90-летию со дня рождения Нины Ивановны (Саратов, 2 октября 2018 года) / под ред. Е.В. Покачаловой. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. – С. 86–91.

39. Иванюженко А.Б. Новации налогообложения как новый шаг в реализации концепции общественного договора в России / А.Б. Иванюженко // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональный вектор: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Хабаровск, 15 сентября 2022 года). – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022. – С. 95–100.

40. Иванюженко А.Б. Категория «интерес» в законодательстве об обязательном пенсионном страховании: вопросы общей теории права и отраслевого законодательства / А.Б. Иванюженко // Журнал юридических исследований. – 2022. – Т. 7. №4. – С. 18–29.

41. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть / М.И. Клеандров // Государство и право. – 2022. – №1. – С. 7–18.

42. Лукашук И.И. Действие международного договора во времени и пространстве / И.И. Лукашук // Журнал российского права. – 2005. – №4. – С. 108–117.

43. Мазаев В.Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) / В.Д. Мазаев // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). – 2021. – Т. 74. №7 (176). – С. 15–31.

44. Мазунин А. Пенсии не прошли аудит // Коммерсантъ. – 24.12.2010.

45. Панюшкин К. Изменения в Конституцию вступят в силу, только если их одобряют на общероссийском голосовании / К. Панюшкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2020-02-13/380460-izmeneniya_v_konstitutsiyu_vstupyat_v_silu_tolko_esli_ih_odobryat_na_obscherossiyskom_golosovanii (дата обращения: 13.02.2020).

46. Привалов А. О моде на спецоперации / А. Привалов // Эксперт. – 2013. – №38. – С. 8.

47. Пугачев А.Н. Юридические свойства конституции: понятие, виды, характеристика / А.Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д «Экономические и юридические науки». Конституционное, административное, международное право. – 2013. – №5. – С. 115–126.

48. Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. Цит. по: Руссо Ж.Ж. Трактаты. – М., 1969.

49. Сидоров И. Борис Ельцин одобрил проект Конституции / И. Сидоров // Коммерсантъ. – 11.11.1993.
50. Старостина Ю. Бизнес попросил у властей дополнительные расчеты по пенсионному возрасту / Ю. Старостина, А. Трунина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2018/5b2501a09a794703b0b73361> (дата обращения: 25.03.2023).
51. Ульянов (Ленин) В.И. Между двух битв // Ленин В.И. ПСС. – Т. 12. – С. 49–59.
52. Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте / О. Хархордин // Понятие государства в четырех языках / под ред. О. Хархордина. – СПб., 2002. – 218 с.
53. Хлопов И.Е. Критический анализ постановления Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года №21-П / И.Е. Хлопов // *Juvenis scientia*. Правоведение. – 2016. – №2. – С. 172–175.
54. Шелудченко С. Минфин предложил разрешить самостоятельно инвестировать пенсионные накопления / С. Шелудченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/09/08/939808-razreshit-rossiyanam-investirovat-pensionnie> (дата обращения: 15.10.2022).
55. Шустов Д.Г. Государство и конституция / Д.Г. Шустов // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – №2. – С. 8–17.
56. Документы истории Великой французской революции. – Т. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. – 265 с.
57. Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий (постатейный) / отв. ред., рук. авт. колл. Ю.А. Дмитриев. – М.: Юстицинформ, 2007. – 614 с.
58. Кузбасс встретил пенсионную реформу пассивной агрессией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/d0c53f18> (дата обращения: 20.04.2022).
59. Солидарность поколений – основа пенсионной системы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pfr.gov.ru/branches/sevastopol/news~2014/08/07/61547> (дата обращения: 07.08.2014).
60. Теория государства и права: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Г. Бернацкого. – СПб.: Изд-во СПб ГЭУ, 2020. – 753 с.

ГЛАВА 7

DOI 10.31483/r-106529

Корзникова Наталья Валерьевна

Газизова Альфия Ильдусовна

Соловьев Геннадий Егорович

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА

Аннотация: в рамках исследования ситуационный подход рассматривается во взаимосвязи с системным, процессным и функциональным научными подходами, так как управление учреждением – это процесс, учреждение образования – это форма организации системы, которая существует в определенной среде, обладает функциональной определенностью и целеполаганием. Авторы определяют управление качеством образования с использованием ситуационного подхода как целенаправленный, оперативный и системный процесс использования технологий и функций управленческой деятельности с учетом факторов среды, обуславливающих достижение качественных образовательных показателей. Ситуационный подход в управлении предполагает взаимосвязь пяти компонентов в системе управления образовательным учреждением, в том числе дополнительного образования: оптимальность, вариативность, гибкость и оперативность.

Была разработана структурно-функциональная модель управления качеством образования учреждения дополнительного образования на основе ситуационного подхода, включающая в себя: ресурсы, процесс управления и результат и обеспечивающая развитие учреждения дополнительного образования в инновационном режиме. Модель разработана на основе метода моделирования, с учетом элементов системного подхода, с учетом взаимосвязи и применения ситуационного подхода в управлении и в сочетании с методологией функционального и процессного подходов. Качество образования в модели представлено как цель, как процесс управления и как результат, с возможностями его достижения в виде использования внутреннего потенциала учреждения (ресурсов, условий) и учета внешних факторов среды, а также с учетом специфических качеств и компонентов эффективности ситуационного подхода.

Апробация структурно-функциональной модели по управлению качеством образования на основе ситуационного подхода позволит структурировать, адаптировать и оптимизировать процесс управления качеством в учреждении.

Ключевые слова: *качество образования, управление качеством, ситуационный подход.*

Abstract: *in the framework of the study, the situational approach is considered in conjunction with systemic, process and functional scientific approaches, as the management of an institution is a process, educational institution is a form of system organization, which exists in a certain environment, has functional definiteness and goal setting. The authors define quality management of education using situational approach as a purposeful, operative and systematic process of using technologies and functions of managerial activity taking into account environmental factors, which determine the achievement of quality educational indicators. The situational approach in management implies the interrelation of five components in the management system of an educational institution, including additional education: optimality, variability, flexibility and efficiency.*

A structural and functional model of quality management of educational institution of additional education on the basis of situational approach was developed, which includes: resources, management process and result and ensures the development of additional education institution in an innovative mode. The model was developed on the basis of the modeling method, taking into account elements of the system approach, taking into account the relationship and application of the situational approach in management and in combination with the methodology of functional and process approaches. The quality of education in the model is presented as a goal, as a management process and as a result, with the possibilities of its achievement in the form of using internal potential of the institution (resources, conditions) and taking into account external environmental factors, as well as taking into account the specific qualities and components of effectiveness of situational approach.

The testing of structural and functional model for quality management of education on the basis of situational approach will allow structuring, adapting and optimizing the process of quality management in the institution.

Keywords: *quality of education, quality management, situational approach.*

В научной литературе последних лет уделяется значительное внимание вопросам повышения качества образования, которое рассматривается, во-первых, как результат учебной деятельности

обучающихся; во-вторых, как показатель организации образовательного (учебно-воспитательного процесса). Необходимость совершенствования образовательного процесса закономерно обуславливает привнесение соответствующих изменений в управленческую деятельность администрации образовательного учреждения.

Тенденции развития общества обуславливают необходимость совершенствования форм и технологий управления качеством образования, обеспечивающих достижение прогнозируемого результата учебно-воспитательной деятельности, посредством пересмотра существующих подходов к управлению или разработки новых методов, подходов. В условиях ускорения социально – экономических изменений, усложнения условий и ситуаций деятельности учреждений, в том числе образовательных, эффективным представляется применение методов управления к ситуациям, которые ранее считались критическими или непредсказуемыми для управления, но сегодня могут обеспечить принятие качественных управленческих решений.

Процесс управления понимается нами как субъектное взаимодействие администрации, трудового коллектива, учащихся, родителей, партнеров по реализации познавательных, воспитательных целей и целей развития обучающихся на основе решения кадровых, организационных, педагогических и других задач для повышения качества образования. Решение каждой из перечисленных задач осуществляется на основе анализа; принятия управленческого решения; целеполагания; планирования и прогнозирования; организации исполнения и контроля.

Значительные темпы проникновения информационных технологий в образовательное пространство учреждения обусловили выдвижение на первый план проблемы управления качеством образования в сочетании с применением и развитием инновационных технологий, как в управлении, так и в организации образовательного пространства.

Проблема управления качеством образования, как показал анализ многочисленных публикаций, еще не получила достаточного решения, подтверждением чему, в частности, является отсутствие четкого определения понятия «управление качеством образования». На основе анализа и обобщения мнений различных исследователей (М.М. Поташник, Б.И. Герасимов, А.Ю. Сизикин, Р.К. Галимова) предлагается определить этому понятию: управление качеством образования есть постановка целей образования и определения путей их достижения; это организация образовательного процесса и мотивация его участников на качественный труд; постоянный контроль как процесс выявления отклонений от целей и мониторинг как система отслеживания изменений в развитии; регулирование и анализ результатов.

В современной научной литературе трактовка понятия «качество» многозначна, это обусловлено, во-первых, чрезвычайной сложностью

понятия качества, разнообразием его языковой основы, а во-вторых, различиями в индивидуальном восприятии качества, его свойств разными людьми, группами, обществом.

По мнению голландских ученых Дж. Ван Этингера и Дж. Ситтига, «качество зависит от большого числа свойств или признаков (как числовых, так и нечисловых), характеризующих продукт, и является величиной измеряемой и, следовательно, несоответствие продукта предъявляемым к нему требованиям может быть выражено через какую-либо постоянную меру и может быть выражено цифровыми значениями» [6]. Таким образом, важнейшей составляющей системы качества является качество продукции или качество продукта.

На системном уровне применительно к образовательному учреждению сущность понятия «качество образования» была раскрыта С.Е. Шишовым и В.А. Кальней [7]. Качество образования определяется как степень достижения поставленных целей и задач и как степень удовлетворения ожиданий участников процесса образования от предоставляемых образовательным учреждением «образовательных услуг».

М.М. Поташник определяет качество образования как соотношение цели и результата, как меры достижения целей при том, что цели (результаты) заданы операционально и спрогнозированы в зоне потенциального развития школьника. Иначе говоря: образование, полученное школьником, признается качественным, если его результаты «соответствуют операционально заданным целям и спрогнозированы в зоне потенциального развития ученика» [4].

Золотарева А.В. определяет качество образования из двух понятий: качество *процесса* и качество *результата*. Под процессом понимается качество целей образования, которые должны отвечать интересам и потребностям заказчика, качество содержания, а также применяемых технологий и методов в образовательном процессе, отвечающих современным требованиям и поставленным целям, а также качество обеспечения, что близко к пониманию *создания условий* для образовательного процесса, включая и психологический микроклимат образовательной среды. Второе понятие – результат рассматривается как готовый продукт, результат процесса. И результат, по мнению ученой, будет качественным тогда, «если он соответствует поставленным целям, при этом адекватно целям должны быть подобраны содержание, формы организации деятельности, необходимое обеспечение» [1].

Исследования Л.Г. Логиновой показывают, что качество дополнительного образования определяется самим свойством дополнительного образования, его особым типом, имеющим свою уникальную специфику и предназначение. Еще одно понимание качества рассматривается как соответствие цели образования или образовательного

учреждения, а именно характеристике предлагаемых услуг. Понятие качества, по мнению Л.Г. Логиновой, складывается из таких составляющих как *организация процесса и его составляющих (качество кадров и качество их профессиональной деятельности, качество их труда)*. И в наивысшей степени превосходства, резюмируя данные понятия качества определения, автор исследования со знаком тождества устанавливает понятие качества как *культуры* дополнительного образования, которая определяется всеми ценностями, нормами, условиями функционирования для реализации и достижения целей дополнительного образования: «То есть, становление качества системы дополнительного образования детей и его развитие – это устойчивое саморазвитие его культуры (содержания образования, образовательных процессов, способов деятельности, характера взаимодействия и сотрудничества, жизнедеятельности учреждений, индивидуального образования и получение результатов, педагогического коллектива, организационная деятельность структуры управления)» [2].

В.П. Панасюк рассматривает управление качеством в образовательном учреждении как целенаправленное скоординированное воздействие как на образовательный процесс в целом, так и на его основные элементы: мотивацию, учебно-познавательную деятельность, формирование мировоззрения, норм и ценностей, совершенствование умений и навыков. Целью при этом является достижение результатов, соответствующих нормам, стандартам либо требованиям заказчика [3].

Основными принципами управления качеством – то, от чего зависит качество в дополнительном образовании являются, по мнению Л.Г. Логиновой, – первое: ориентация на потребителя, знание его запросов и возможность его участия в управлении деятельностью, второе: единство целей для всех субъектов образовательной деятельности, третье: культура организации, которая работает на единую цель – предоставление качественной услуги, четвертое: учет и анализ результатов деятельности. Таким образом, образование – есть процесс, состоящий из трех его взаимосвязанных видов деятельности: обучение, воспитание и развитие; образование качественно тогда, когда оно соответствует заданной цели и конечному результату, который потенциально прогнозируем. Количественными показателями качества является количество детей и уровень знаний, определяемый в виде условного балла или оценки, но есть еще и определенный уровень личности, состоящий из ее личных качеств и духовного (гражданского) уровня развития, который также необходимо определять и детально

По мнению А.А. Симоновой, на качество образования огромное влияние оказывают инновационные процессы в образовании. «К основным функциям инновационной деятельности, – пишет автор, – относятся изменения компонентов педагогического процесса: смысла,

целей, содержания образования, форм, методов, технологий, средств обучения, системы управления и т. п.» [5].

Наша точка зрения тождественна взгляду А.А. Симоновой на современную ситуацию в инновационной сфере образования [5]: «Трансформация представлений о проблемах инноваций в современных условиях обеспечила развитие *ситуационного подхода*... Под ситуацией понимается совокупность значений факторов, влияющих на функционирование инновационных процессов или развитие определенного инновационного проекта в конкретный период времени. Ситуационный подход предполагает возможность анализа внешних и внутренних факторов успеха инноваций, систематизации вероятных вариантов поведения и синтеза, оптимальных для сложившейся ситуации управленческих решений».

Процесс управления всегда содержит определенный подход. При применении ситуационного подхода в управлении качеством образования, его определение будет выглядеть следующим образом: управление качеством образования представляет собой целенаправленный, оперативный и системный процесс использования технологий и функций управленческой деятельности с учетом факторов среды, обуславливающих достижение качественных образовательных показателей, определяемых уровнем обученности и личностным ростом обучающихся, а также продуктивными процессами в педагогическом коллективе, а именно: повышение профессионального мастерства педагогов, удовлетворенность результатами деятельности всех субъектов образовательного процесса на основе благоприятной образовательной среды. Благодаря вариативности данных внутренних переменных появляется возможность решения вопроса гибкости и адаптивности к внешней среде. Ситуационный подход позволяет также применить конкретные методы управления качеством в образовании (организационно – распорядительные, социально-психологические, мотивационные и др.), в зависимости от сложившейся внутренней ситуации и условий внешней среды.

Ситуационный подход в управлении понимается нами как целенаправленный, оперативный и одновременно системный процесс воздействия на совокупность переменных факторов, характеризующих ту или ситуацию, с целью принятия оптимального решения и распределения ресурсов для достижения цели. Управление на основе ситуационного подхода связано с оптимизацией использования организацией всех его ресурсов, персонала, оборудования, материальных ресурсов, финансовых ресурсов, интеллектуального потенциала. Ключевой задачей при принятии управленческого решения является анализ ситуации – это выявление факторов, влияющих на ее развитие, установление тенденций, закономерностей. Такой подход дает возможность принять решение не только в конкретной сложившейся ситуации, но

обоснованно подойти к долговременным управленческим решениям, скорректировать стратегические цели организации, в нашем случае, задачи повышения качества образования в учреждении дополнительного образования.

Исходя из принципов ситуационного подхода, динамичность учреждения дополнительного образования обусловлена многими переменными факторами внутренней и внешней среды и отрицает возможность использования универсального метода управления.

Обобщение существующих подходов к управлению качеством образования в образовательных учреждениях привело нас к разработке собственной модели управления качеством образования в учреждении дополнительного образования на основе ситуационного подхода. Разработку данной модели определяют два базовых понятия – качество образования и применяемый ситуационный подход в управлении им. Функционирование данной модели, как управление качеством образования в учреждении, обеспечивается следующими видами организационно-педагогических условий:

- *мотивационно-целевые* (наличие мотивационно-целевых установок, обеспечивающих участие в процессе формирования и совершенствования качества образования всех заинтересованных субъектов образования, развитие механизмов управления качеством образования как процесса достижения цели управления, инновационный подход к педагогическому менеджменту);

- *нормативные* (формирование нормативно- правовой базы учреждения, структуры управления, издание и утверждение локальных актов);

- *проектно-инновационные* (исследование и анализ образовательной ситуации, прогноз ее развития, проектирование модели управления качеством образования на основе ситуационного подхода, разработка и применение технологий и функций управления качеством образования);

- *ресурсобеспечивающие* (кадры, МТБ, финансы, информация, образовательные и управленческие ресурсы);

- *контрольно-диагностические* (наличие системы сбора, анализа и оценки полученного результата показателей качества образования для оперативного реагирования и принятия своевременных управленческих решений, а также комплексная оценка условий и результатов управления качеством образования в учреждении).

Система управления в универсальном системном подходе состоит из четырех элементов:

- вход системы – это ресурсы, которые используются в системе;

- выход системы – готовый продукт, товар или услуга;

- связь с внешней средой, которая определяет деятельность системы;

- обратная связь, которую получает субъект управления системой, на выходе системы – получился или нет – готовый продукт, товар или услуга.

Элементы системы наглядно показывают, с одной стороны, связь указанных элементов, их взаимообусловленность между собой и наличие результата (готового продукта), а с другой стороны, подчеркивается «ситуационность» процесса управления, зависимость системы от влияния внешних и внутренних факторов. Как видим, здесь много общего с рассматриваемым нами ситуационным подходом.

Во-первых, в процессе деятельности системы возникают различные ситуации, как мы неоднократно отмечали, которые создают необходимость важного вида деятельности – оперативного управления, реагирующего оптимально и гибко на вызовы внутренней и внешней среды, регулирующего ресурсы, с целью их сохранения, минимизации рисков и выхода из ситуации с минимальными потерями (или без потерь). Во-вторых, возникшая в системе ситуация может рассматриваться как сама система, состоящая из элементов и входящая в более крупную систему. Описание ситуации дает основание для определения элементов системы и ее закономерностей через взаимосвязи, структуру, развитие и пр. В-третьих, процесс управления – это деятельность объединенных в определенную систему субъектов управления. Таким образом, системный подход и моделирование как способ познания действительности легли в основу нашей модели управления качеством на основе ситуационного подхода.

Разработанная структурно-функциональная модель управления качеством в учреждении дополнительного образования на основе ситуационного подхода выглядит следующим образом (рис. 1).

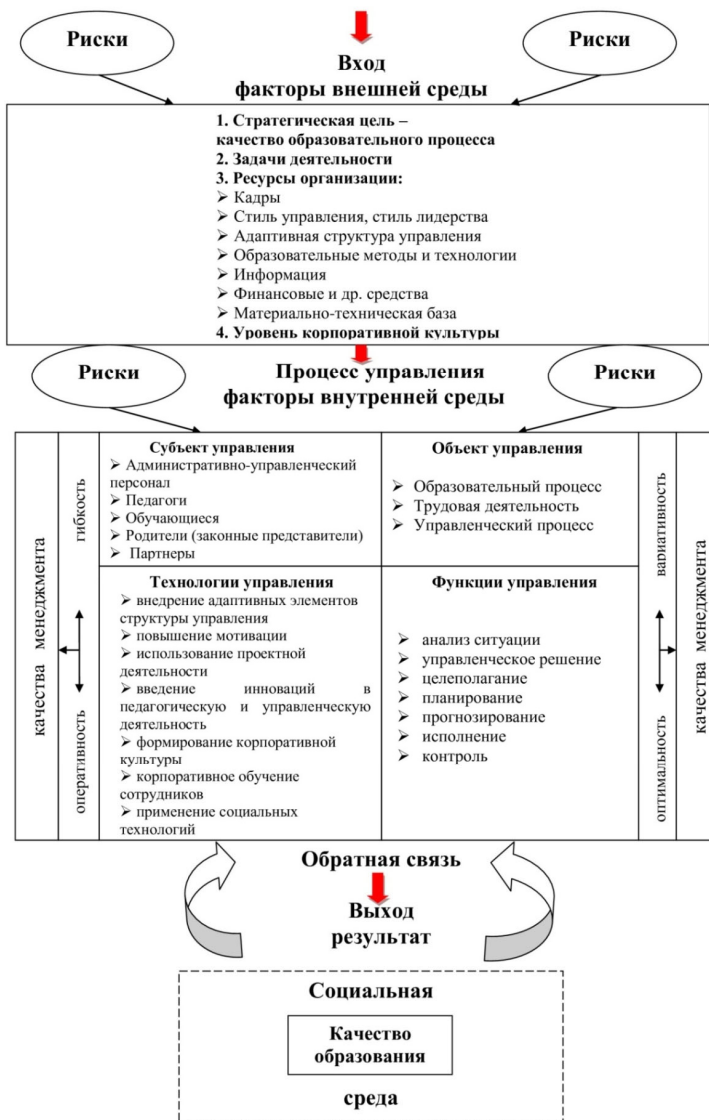

Рис. 1. Модель управления качеством образования в учреждении дополнительного образования на основе ситуационного подхода

Представленная модель требует следующего комментария.

1. *На входе* – первый блок – обозначены ресурсы организации: кадровые, управленческие, информационные, материальные и др. В особую категорию выделены *цель деятельности*, которая определена в Программе развития учреждения дополнительного образования и является стратегической. *Задачи деятельности определяют* шаги достижения цели, а также уровень тактического (м.б. оперативного) управления. Отдельной позицией выделены корпоративная культура организации как наивысшее качество организационной культуры, которая существует в учреждении как система норм и ценностей, принимаемая и разделяемая большинством сотрудников учреждения и влияющая на их организационное поведение. Корпоративная культура в образовании формируется профессиональной компетентностью административных и педагогических работников учреждения. Готовность к переменам, мобильность, креативность, способность к нестандартным трудовым действиям, ответственность и самостоятельность в принятии решений – все эти характеристики деятельности успешного профессионала в полной мере относятся как к руководителю, так и педагогу.

2. Во втором блоке – *процессе управления* и жизнедеятельности учреждения, включающего его взаимодействие с окружающей средой и безопасность во взаимодействии с факторами среды, обозначены *субъекты управления* – главные действующие лица, имеющие ведущие роли в деятельности организации, и *объекты управления*, которые определяются видами деятельности субъектов. На данном этапе – этапе управления деятельностью организации – находятся функции управления и технологии ситуационного подхода, минимизирующие риски во взаимодействии со средой, которые в обобщенной форме представлены в модели в следующем виде:

- внедрение адаптивных элементов структуры управления;
- повышение мотивации в коллективе;
- использование проектной деятельности;
- введение инноваций в педагогическую и управленческую деятельность;
- формирование корпоративной культуры;
- корпоративное обучение сотрудников;
- применение социальных технологий: маркетинг, мониторинг.

Следует отметить, что особенностью рассматриваемого нами ситуационного подхода в управлении учреждением дополнительного образования являлось: использование гибких (адаптивных) элементов структуры управления учреждением, внедрение отдельного звена быстрого реагирования и оперативного управления, блока проектного управления, позволяющего на практике внедряться в элементы сложившейся системы управления образовательным учреждением на

основе изменяющихся переменных, факторов внешней и внутренней среды.

Представленные технологии относятся к управленческой деятельности организации и применяемых при ситуационном подходе управления качеств: оптимальности и гибкости, вариативности и оперативности. Два последних качества дополняют и углубляют понимание определений оптимальность и гибкость. Только при нескольких вариантах решений мы выбираем наиболее оптимальный и только при оперативной реакции на ситуацию, мы сможем быть гибкими и одновременно последовательными.

В нашей модели мы используем два вида социальных технологий, целью применения которых является исследование качества образования. Применяемые социальные технологии: образовательный маркетинг и мониторинг – используются как диагностический инструмент для получения объективных данных управления качеством образования. Маркетинговые исследования позволяют изучать образовательные запросы потребителя, анализировать конкурентные преимущества образовательной организации, др. организаций; не только изучать, но и прогнозировать запросы потребителя, рассматривать и анализировать ресурсы, вносить своевременные коррективы в деятельность учреждения, участвовать в организации диагностики профессиональной деятельности педагогов, диагностики по удовлетворению заказчиков качеством образования.

Создание условий для качественного образовательного процесса, гибкости, оперативности, вариативности и оптимальности в организации управленческой деятельности с целью быстрого реагирования на процессы внутренней и внешней среды обеспечивается с помощью системного наблюдения, т.е. мониторинга. Наличие объективной информации, ее анализ и оценка позволяют определить качество процесса и уровень качества образования в процессе мониторинга на следующих уровнях: уровне обучающихся; уровне родителей; уровне педагогов; уровне административной работы. На каждом уровне устанавливаются показатели, по которым можно судить о достигнутом результате, показатели, применяемые в мониторинге, могут быть как количественными, так и качественными.

3. На выходе – третьем блоке представлен результат деятельности, а именно ее продукт: качество образования, обеспечивающее потребности в сфере дополнительного образования, достижение цели деятельности, решение поставленных задач как в области достижения качественного результата, так и минимизации затрат и потерь, и как следствие: изменение социальной среды, которая состоит из потребностей, круга общения индивида, условий его становления, существования и развития, созданного образовательного пространства,

влияющего на процесс взаимодействия и интеллектуального эволюционирования всех субъектов образовательной деятельности.

Представленная нами структурно-функциональная модель управления качеством образования на основе ситуационного подхода имеет, на наш взгляд, очевидные преимущества:

- практическое осмысление и применение существующих теоретических подходов управления к проблеме качества образования,

- сочетание структурных элементов управления и качеств управления на основе ситуационного подхода с компонентами результата качества образовательной услуги,

- создание целенаправленной и оперативной системы управления качеством образования, с учетом факторов внутренней и внешней среды,

- определение достигнутого результата управления – качество образования как факторного результата, влияющего на среду.

Важным параметром функционирования модели и управления качеством на основе ситуационного подхода являются, как было отмечено выше, организационно-педагогические условия, обеспечивающие достижения результата – качества образования.

Организационно-педагогические условия рассматриваются как совокупность обстоятельств (мер) для реализации функций управления, использования технологий на основе ситуационного подхода и взаимодействия всех структурных элементов модели, представленной нами в виде целостной педагогической системы управления качеством образования. Создание и реализация данных условий как принятие определенных мер для жизнедеятельности системы согласуется с применением основных технологий управления нашей модели, определяющих ее существенные способы работы и четкую последовательность функций управления. Все представленные в структурно-функциональной модели технологии управления подробно описаны выше.

Итак, разработанная и представленная модель управления качеством в учреждении дополнительного образования на основе ситуационного подхода опирается на современные научные подходы в анализе и определении таких понятий, как ситуационный подход в управлении, качество образования, управление качеством образования на основе ситуационного подхода. Модель разработана на основе метода моделирования, с учетом элементов системного подхода, с учетом взаимосвязи и применении ситуационного подхода в управлении и в сочетании с методологией функционального и процессного подходов. Качество образования в модели представлено как цель, как процесс управления и как результат, с возможностями его достижения в виде использования внутреннего потенциала учреждения (ресурсов,

условий) и учета внешних факторов среды, а также с учетом специфических *качеств* эффективности ситуационного подхода.

Реализация модели позволит оценить ее возможности в достижении высокого образовательного результата, конкурентоспособности образовательного учреждения, использования его преимуществ, концентрации ресурсов образовательной структуры как системы и оперативного реагирования на вызовы современной образовательной внутренней и внешней сред.

Список литературы

1. Золотарева А.В. Дополнительное образование детей в России в XXI веке: методическое пособие / А.В. Золотарева. – Прага; Ярославль: ЕАІСУ; ЯГПУ, 2013. – 140 с.
2. Логинова Л.Г. Качество дополнительного образования детей. Менеджмент / Л.Г. Логинова. – 2-е изд. – М.: Мегapolis, 2012. – 392 с.
3. Панасюк В.П. Качество образования: инновационные тенденции и управление: монография / В.П. Панасюк, Н.В. Третьякова. – Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2018. – 201 с.
4. Поташник М.М. Управление современной школой: в вопросах и ответах / М.М. Поташник, А.М. Моисеев. – М.: Новая школа, 1997. – 352 с.
5. Симонова А.А. Инновационно ориентированная подготовка к педагогическому менеджменту в непрерывном профессиональном образовании: монография / А.А. Симонова. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 134 с.
6. Смирнова Л.А. Основные подходы к трактовке категории качество / Л.А. Смирнова // Вестник Ивановского Государственного Университета. Серия «Естественные, общественные науки». Экономика. – 2009. – Вып. 3.
7. Шишов С.Е. Мониторинг качества образования в школе / С.Е. Шишов, В.А. Кальней. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 354 с.

ГЛАВА 8

DOI 10.31483/r-105940

Синько Галина Иосифовна

Цыплакова Елена Германовна

Янкевич Юлия Германовна

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В АВТОШКОЛАХ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: *проблема комплексного подхода к экологизации отечественного образования является важной и актуальной в условиях формирования в обществе мировоззрения устойчивого развития. Включение основ экологического образования в программу обучения водителей различных категорий в автошколах является важным аспектом экологического просвещения взрослых людей. На сегодняшний день вопросы, связанные с негативным воздействием на окружающую среду автотранспорта и способы его минимизации, не включены в программы обучения в автошколах. В главе с помощью метода эколого-экономической оценки предлагается оценить какой ущерб для окружающей среды удастся предотвратить, если включить экологические вопросы в образовательные программы автошкол. Воспитание в новом поколении водителей ответственного отношения к окружающей среде является важным компонентом развития экологической культуры.*

Ключевые слова: *экологическое образование, экологизация обучения в автошколах, экология автотранспорта, экологическая грамотность, водители автотранспорта, экологическая культура, вредные выбросы автотранспорта.*

Abstract: *the problem of an integrated approach to the ecologization of domestic education is important and relevant in the context of the formation of a sustainable development worldview in society. The inclusion of the basics of environmental education in the training program for drivers of various categories in driving schools is an important aspect of environmental education for adults. To date, issues related to the negative impact on the environment of vehicles and ways to minimize it are not included in the training programs at driving schools. In the chapter, using the method of ecological and economic assessment, it is proposed to assess what damage to the environment can be prevented if environmental issues are included in the educational programs of driving schools. Fostering a responsible*

attitude to the environment in the new generation of drivers is an important component of the development of ecological culture.

Keywords: *ecological education, ecologization of training in driving schools, ecology of motor transport, ecological literacy of motor transport drivers, ecological culture, harmful emissions of motor transport.*

Государственная политика Российской Федерации на современном этапе направлена на стимулирование процесса урбанизации малоосвоенных территорий, в том числе северных. Транспортная система города является жизненно важной для его полноценного существования, поэтому исследование проблем транспортного обеспечения, автомобилизации и ее экологической безопасности является актуальной научной и практически значимой темой. Автомобилизация российских городов – динамический процесс, имеющий свою специфику. Большие территории нашей страны находятся в климатических зонах, для которых характерно преобладание низких температур воздуха. Автомобильный транспорт в северных климатических зонах является основным средством перевозки людей и обслуживания народного хозяйства. В то же время, автотранспорт – один из основных источников загрязнения окружающей среды. Увеличение численности автомобилей приводит к резкому ухудшению санитарных условий проживания в городах, особенно при отрицательных температурах воздуха. Биологические и химические процессы протекают в холодное время года малоактивно, поэтому любое повреждающее воздействие на природу, при медленных процессах восстановления, приводит к негативным экологическим последствиям.

Негативное воздействие на окружающую среду оказывают не только компоненты отработавших газов, но и топливо, масла и смазки, пары которых, особенно при повышении температуры, распространяются в воздухе. Опасность представляют и поверхностные стоки, включающие дождевые и талые снеговые воды, воду от мойки автомобилей и т. д., содержащие жидкие нефтепродукты, остатки моющих, дезинфицирующих, антиобледенительных и противогололедных реагентов, формовочных смесей, растворов, продукты разрушения искусственных покрытий и износа шин и губительно воздействующие на среду обитания человека [2].

Помимо загрязнения окружающей среды, автомобильный транспорт создает высокий уровень шума и вибраций, является источником электромагнитного излучения. Эти факторы, при высоких количественных показателях, отрицательно влияют на здоровье человека. В развитии урбанистической среды обострилась проблема столкновения городов и автомобилей [4, с. 122].

В связи с этим, исследование научной проблемы и практические рекомендации по экологической безопасности автотранспорта являются актуальными.

Мировой опыт автомобилепользования в городской среде может стать положительным примером развития транспортной инфраструктуры, ответственного отношения к использованию автотранспорта, активного формирования мировоззрения устойчивого развития [6, с. 89].

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении необходимости введения экологического образования в автошколах для формирования ментальной установки у будущих водителей автотранспортных средств на сохранность окружающей среды. К научной новизне исследования можно отнести применение концепции циркулярной экономики при использовании метода эколого-экономической экспертизы для оценки экологического ущерба от эксплуатации автотранспорта.

Научно-практическая значимость исследования состоит в разработке:

- эколого-экономической оценки воздействия автотранспорта на окружающую среду. Данная методика может стать инструментом диагностики масштаба экологической проблемы, вызванной использованием автотранспорта;

- учебной программы по экологическому образованию учащихся автошкол. Прежде чем приступить к управлению автомобилем, будущий водитель должен изучить не только устройство транспортного средства и правила дорожного движения, но и получить знания об экологических последствиях использования автомобиля и экологической ответственности каждого водителя. Данный курс должен стать обязательной частью образовательного процесса в автошколах и способствовать экологическому просвещению взрослых людей.

В основу деятельности по достижению цели исследования был положен системный подход, согласно которому любой достаточно сложный объект может быть представлен в виде системы. Экологическая безопасность региона – сложная, целостная, структурированная, иерархичная система. Системный подход позволяет любой сложный объект представить в виде системы. Данный подход ориентирует познание на обнаружение внутренних и внешних связей исследуемых объектов в их единстве. Метод сравнения дает возможность сравнивать основные элементы структуры, сопоставлять их, выявлять общее и различное. В данном исследовании элементы структуры – это параметры экологического состояния урбанистической системы. Методы обобщения и синтеза позволяют объединить полученные знания на новом уровне.

Еще один подход, который используется в исследовании – деятельностный. Данный исследовательский подход позволяет рассматривать любой антропогенный процесс воздействия на окружающую среду как комплекс спонтанных или целенаправленных действий. Также этот подход используется как основной в разработке образовательных и просветительских проектов, формирующих экологическую культуру личности. Сохранное отношение к природе – это активная деятельность, а не отстраненное созерцание. В современном мире человеку мало просто не причинять вред природе, необходимо исправлять сложную экологическую ситуацию. На основе цивилизационного подхода, который объединяет культурные, ценностные характеристики социума, деятельностный подход позволяет проследить общественную динамику экологических процессов.

Философское осмысление проблемы формирования в обществе мировоззрения устойчивого развития представляется очень важным. Перестройка сознания людей – вот главная задача, стоящая перед экологическим просвещением. Пока каждый человек не осознает личную ответственность за сохранение окружающей среды и не почувствует необходимость быть включенным в природоохранный процесс, изменить ситуацию принципиально не удастся [3, с. 100].

Экологизация культуры сегодня становится важнейшим аспектом государственной политики, которая определяет стратегической задачей снижение воздействия на окружающую среду. Транспортная стратегия РФ до 2030 года предусматривает усиление экологической направленности и снижение негативного воздействия транспортной системы на окружающую среду.

На сегодняшний день в нашей стране целостного механизма обеспечения экологической безопасности автотранспорта пока еще не существует. Представляется, что в решении данной стратегической задачи важное значение приобретает идеологический механизм, важнейшими инструментами которого являются экологическое образование и воспитание, а также дополнительное экологическое образование людей, чья деятельность связана с эксплуатацией автотранспортных средств.

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» глава XIII «Основы формирования экологической культуры» предусмотрено установление в нашей стране, в целях формирования экологической культуры и профессиональной подготовки специалистов в области охраны окружающей среды, системы всеобщего и комплексного экологического образования, включающего в себя общее образование, среднее профессиональное образование, высшее образование и дополнительное профессиональное образование специалистов, а также распространение экологических знаний, в том числе через средства массовой информации, музеи, библиотеки, учреждения

культуры, природоохранные учреждения, организации спорта и туризма (статья 71). Также предусмотрено, что руководители организаций и специалисты, ответственные за принятие решений при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду, должны иметь подготовку в области охраны окружающей среды и экологической безопасности (статья 73).

В Экологической доктрине Российской Федерации, которая включает приоритетные направления государственной экологической политики в экономической, промышленной, социальной, финансовой, правовой и иных сферах, в разделе 5 «Пути и средства реализации государственной политики в области экологии» сказано, что основной задачей в этих областях является повышение экологической культуры населения, образовательного уровня и профессиональных навыков и знаний в области экологии.

«Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012) в разделе 3 «Основные задачи государственной политики в области экологического развития» предусматривают формирование экологической культуры, развитие экологического образования и воспитания.

В Указе Президента РФ от 19 апреля 2017 г. №176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» в разделе 3 «Вызовы и угрозы экологической безопасности» непосредственно указан низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения, а в разделе 5 «Цели, основные задачи, приоритетные направления и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности», указана необходимость развития системы экологического образования и просвещения, повышение квалификации кадров в области обеспечения экологической безопасности.

В связи с этим, основы экологических знаний включены в специальные программы экологического воспитания детей дошкольного возраста, школьную программу, программы начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования всех профилей. Однако, почему-то вопросы экологического образования совершенно отсутствуют в программах подготовки водителей различных категорий в автошколах, хотя их деятельность непосредственно будет связана с негативным влиянием на состояние окружающей среды и здоровье населения.

В автошколе приходят люди, имеющие довольно посредственное представления об экологической обстановке, и, как правило, не имеющие представления об экологической опасности автотранспорта и

способах ее снижения. Взрослое население современной России не было охвачено образовательными экологическими программами, которые стали обязательными только в последние годы. Поэтому перед автошколами стоит сложная и ответственная обязанность: включить данную категорию населения в образовательный процесс по экологическим дисциплинам.

На сегодняшний день лишь в немногих автошколах в программу обучения введены вопросы правовой охраны окружающей среды, но эти знания не имеют ничего общего с необходимостью обеспечения экологической безопасности автомобиля, а дают лишь общее представление об охране природы и обеспечении экологической безопасности. Следовательно, вся деятельность современных автошкол направлена на подготовку потенциальных загрязнителей окружающей среды.

В автошколах группы обучающихся неоднородны по своему составу. В них могут входить люди, отличающиеся по возрасту, уровню образования (среднее, среднее специальное, высшее). На всех ступенях современного образования (школа, колледж, вуз) основы экологических знаний преподаются в дисциплинах гуманитарного и естественнонаучного циклов. Тем не менее, в образовательной системе отсутствует комплексный подход к преподаванию экологических дисциплин, что является важной причиной низкого уровня экологической культуры населения. Будущие водители автотранспортных средств должны знать о том, какие последствия для окружающей среды имеет использование автомобилей и нести ответственность за причинение вреда природе и человеку.

Для демонстрации положительного эффекта экологизации обучения в автошколах, в данной работе применяется метод эколого-экономической оценки ущерба. С помощью данной методики представилось целесообразным провести денежную оценку негативных изменений в окружающей среде при эксплуатации автотранспорта, которые можно будет предотвратить в результате внедрения экологических знаний в программу подготовки водителей различных категорий в автошколе.

Предотвращенный экономический ущерб в результате каких-либо природоохранных мероприятий рассчитывается по объему снижения приведенной массы загрязнений, содержащихся в выхлопных газах, с учетом количества единиц и типа автотранспортных средств, указанных в предписании или зарегистрированных в ходе проверки, по формуле:

$$U_{\text{пр}} = K_{\text{э}} \times \prod_{i=1}^N \text{УУД}_i \times \prod_{i=1}^N \text{Мк}_i \times K_{\text{э}i}$$

где $U_{\text{пр}r}$ – предотвращенный экологический ущерб от загрязнения атмосферного воздуха выбросами от передвижных источников в r -м регионе в течение отчетного периода времени в результате осуществления n -го направления природоохранной деятельности, тыс. руб.;

$УУДr$ – показатель удельного ущерба атмосферному воздуху, наносимого выбросом единицы приведенной массы загрязняющих веществ на конец отчетного периода времени для r -го экономического района РФ, руб./усл. т;

K_3 – коэффициент экологической ситуации и экологической значимости состояния атмосферного воздуха территорий в составе экономических районов России;

K_{zi} – коэффициент относительной эколого-экономической опасности i -го загрязняющего вещества или группы веществ;

i – индекс загрязняющего вещества или группы загрязняющих веществ;

N – количество учитываемых групп загрязняющих веществ;

$DMi\text{кт}r$ – фактическая масса выброса i -го загрязняющего вещества от k -й единицы передвижного транспорта в течение отчетного периода времени, тонн [5].

В качестве примера расчета была выбрана автошкола в г. Колпино (г. Санкт-Петербург) с количеством выпускников 200 человек в год, и был рассчитан предотвращенный эколого-экономический ущерб, соответственно, от автомобилей данных 200 выпускников. Проведен анализ величины предотвращенного ущерба от 200 автомобилей при движении по магистрали со скоростью 60 км/ч, скоростью, при которой выбрасывается минимальное количество вредных веществ, остановках на перекрестках, движении от автостоянок и парковок.

Результаты анализа и расчетов показали, что такие факторы, как оптимальная скорость при движении по магистрали, применение предпускового разогрева при выезде с автостоянки в холодный период года, применение подогрева в течение межменной стоянки при выезде с автостоянки в холодный время года, влияют на количество вредных выбросов. Уменьшение массы загрязняющих веществ снижает эколого-экономический ущерб от эксплуатации автомобильных средств. Применяя такие возможности рационального и ответственного использования автотранспортных средств, водители на практике будут использовать экологические знания, полученные в автошколах.

Таким образом, рассмотренная выше эколого-экономическая оценка предотвращенного ущерба позволяет оценить экологические и экономические последствия загрязнения атмосферного воздуха от передвижных источников, а сам вред, наносимый окружающей среде, можно минимизировать в результате экологизации программы подготовки водителей в автошколах. Для этого в программы обучения

автошкола должны быть включены дисциплины по экологическому образованию.

В автошколах должны быть представлены несколько уровней программ по экологическому образованию начального и углубленного уровней. В каждой группе должна применяться программа, которая адаптирована к уровню уже имеющихся экологических знаний большинства обучающихся в группе. Для того, чтобы определить этот уровень перед началом обучения необходимо провести опрос среди поступающих на тему: «Основы экологических знаний». В исследование необходимо включить вопросы, которые позволят оценить уровень экологической грамотности будущих водителей автотранспортных средств, их заинтересованность в экологических знаниях. Исходя из анализа данных опроса, использовать возможность разработки не только многоуровневого, но и разнообразного по направлениям образовательного курса по экологии, включая экологию транспорта.

Образовательный процесс динамичен и ориентирован на развитие всех субъектов образования, поэтому корректировка и обновление программ экологического направления позволит, с одной стороны, знакомить учащихся с самыми актуальными знаниями, с другой, развиваться самим педагогам [1, с. 271].

Учебный курс должен состоять из нескольких образовательных блоков, включающих изучение современных экологических проблем, экологию городской среды, анализ воздействия автотранспорта на окружающую среду, экологическую грамотность и ответственность автовладельцев. Темы, предложенные для изучения, могут быть включены в следующие направления:

- требования к экологической безопасности автотранспорта;
- основы экологического и природно-ресурсного законодательства;
- ответственность за нарушение требований законодательства в области экологической безопасности;
- источники загрязнения окружающей среды. Роль автотранспорта в экологической проблеме;
- система обеспечения экологической безопасности;
- рекомендации по рациональному использованию транспортного средства;
- экологическая этика при вождении автомобиля.

Предложенные направления для изучения можно разделить на четыре блока. В первый блок предлагается объединить темы, связанные с экологическими проблемами и ролью автотранспорта как основного источника загрязнения окружающей среды в городской среде. Особое внимание в рассмотрении данной тематики должно быть уделено активному анализу масштаба и глобального характера современной экологической ситуации.

Во второй блок предлагается включить нормативно-правовую тематику.

Существует мнение, что ужесточение законодательства в области экологической безопасности может стать действенным механизмом повышения ответственности граждан в соблюдении установленных норм и правил. Страх наказания, на самом деле, является мощным мотиватором поведения. Тем не менее, устойчивое социальное поведение индивидов – это результат длительного образования и воспитания, формирования ценностных ориентаций на национальном уровне.

Поэтому, в третий блок предлагается объединить направления с этической тематикой. Сформировать честное, уважительное и ответственное отношение к окружающему миру у взрослого человека за несколько часов занятий невозможно. Формирование ценностных ориентаций и этических норм длительный процесс, который занимает годы. Тем не менее, занятия, побуждающие к самовоспитанию, должны стать неотъемлемой частью экологического образования в автошколах.

Четвертый блок занятий предлагается посвятить практическим знаниям по анализу технического состояния автотранспортного средства. Исправный автомобиль – это не только экономия средств водителя, но и экологическая безопасность этого транспортного средства для окружающей среды. Количественный состав отработавших газов, а, следовательно, их токсичность, зависят от поддержания двигателя автомобиля в технически исправном состоянии, «возраста», от соблюдения правил использования автомобиля, качества применяемых топлива и смазки, норм их расхода, использования рациональных методов и приемов вождения автомобиля, способов его хранения и ряда других факторов, зависящих от водителей. Все эти знания необходимо преподавать в современной автошколе, чтобы готовить водителей нового поколения, экологически грамотных и экологически ответственных, что позволит значительно снизить экологическую опасность эксплуатируемого автотранспорта.

Важная проблема, которой необходимо уделить внимание – это трудности, с которыми придется столкнуться владельцам частных автошкол, руководителям государственных образовательных учреждений, административному персоналу и преподавателям, при введении в обязательные программы по обучению водителей экологических предметов. Нагрузка по разработке и реализации учебных программ потребует дополнительного финансирования. Большинство автошкол в российских городах – это частные компании, предоставляющие образовательные услуги. Они финансируются за счет средств клиентов, оплачивающих обучение и экзамен по теории и практике вождения в автошколе. Введение новых предметов потребует увеличения стоимости и сроков обучения. Эти факторы, как и то, что сдать экзамены и получить удостоверение, дающее право управлять автотранспортным средством станет сложнее, вызовут недовольство у клиентов автошкол. Многие потенциальные клиенты не захотят пользоваться

услугами образовательных учреждений, которые практикуют такие новшества. Поэтому надеяться, что инициатива введения экологического образования будет исходить от самих автошкол, не стоит.

Ответственность за экологизацию образования в автошколах должно взять на себя государство. На федеральном уровне власти должно быть разработано законодательное основание для экологического образования в автошколах как обязательного. для всех учреждений данного типа в стране. Если данная инициатива будет носить рекомендательный характер, ее невозможно будет реализовать, так как автошколы, добровольно внедряющие эти программы станут неконкурентоспособными. Кроме создания правовой базы, государство должно помочь автошколам с решением проблемы кадрового дефицита преподавателей экологии. Инструктор по вождению или преподаватель правил дорожного движения не смогут преподавать экологию. Государственная система профессиональной переподготовки специалистов должна включить в список новых специальностей преподавателя экологических дисциплин для автошкол. Для государства – это возможность создать новые рабочие места на рынке труда и решить важную идеологическую задачу – сделать значимый шаг по пути формирования в обществе мировоззрения устойчивого развития.

Список литературы

1. Кузьменкова В.Н. Психологические проблемы взаимоотношений участников образовательного процесса / В.Н. Кузьменкова, В.Н. Наумова // XXIII Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2019 года) / отв. ред. А.А. Беляева. – Т. I. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 268–271. – EDN XAHNCDB.
2. Потапов А.И. Пути решения экологических проблем автотранспорта. / А.И. Потапов, В.Ф. Хватов, Е.Г. Цыплакова [и др.]. – СПб.: Гуманистика, 2006. – 650 с
3. Синько Г.И. Инновационная культура и профессиональный выбор молодежи / Г.И. Синько // Актуальные проблемы современной науки. XII Невские чтения: материалы международных научно-практических конференций научной сессии «XII Невские чтения» (Санкт-Петербург, 21–23 апреля 2010 г.) / под ред. Н.И. Озеровой. – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2010. – С. 99–103. – EDN YMLKYR.
4. Цыплакова Е.Г. Пути повышения эффективности общественного обсуждения решений по формированию и развитию городской среды / Е.Г. Цыплакова, Г.И. Синько, К.С. Афанасьев [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2020. – №3. – С. 121–126. – EDN QPOWHP.
5. Tsyplakova E.G. Ecological and economic assessment and ecological education in driving schools / E.G. Tsyplakova, V.G. Tsyplakov, G.I. Sinko, Yu. G. Yankevich // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, St. Petersburg, 28–29 декабря 2019 года. Vol. 73. – St. Petersburg: Future Academy, 2019. – P. 961–967. – EDN MPZLSC.
6. Черяпина А.В. Опыт формирования и реализации рациональной транспортной политики городами мира / А.В. Черяпина // XXIV Вишняковские чтения «Вузовская наука: условия эффективности социально-экономического и культурного развития региона»: материалы международной научной конференции (Бокситогорск, 16 апреля 2021 года) / отв. ред. Е.Г. Седлецкая. – СПб.; Бокситогорск: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. – С. 89–91. – EDN AFIFDE.

ГЛАВА 9

DOI 10.31483/r-106115

Кугай Александр Иванович

ПРОСТРАНСТВО ДОМА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Аннотация: в главе представлена жилищная проблема с точки зрения концепции дома, недостаточно изученного в социологических исследованиях. Исследование пространства дома неотделимо от жилищного дискурса, возможности обсудить повседневную жизнь, различные варианты выбора реализации домашнего пространства через социокультурные аспекты, такие как память, конфиденциальность, эмоции, ностальгия, ритуалы и дизайн. В главе основное внимание уделяется теоретическому осмыслению пространства и места домашнего быта. Исходя из предположения, что способы использования нашего дома, а также жилищная практика зависят от социальных и культурных характеристик, в данной главе предлагается определить культуру жилища как исследовательское понятие, в котором основное внимание уделяется дому как социокультурной практике жилища. Культура жилища как социологическая концепция подразумевает жилище как повседневную практику, в которой дом формируется и реализуется на пересечении идентичности, отношений и смыслов через материальную форму, символический и культурный капитал.

Ключевые слова: жилище, дом, быт, пространство, место, символический капитал, культурный капитал, Бурдьё.

Abstract: the chapter presents the housing problem, from the point of view of the concept of a house, which has not been sufficiently studied in sociological studies. The exploration of the space of the house, inseparable from the discourse of housing, the opportunity to discuss everyday life, the various options for the implementation of home space through socio-cultural aspects such as memory, privacy, emotions, nostalgia, rituals and design. The chapter focuses on the theoretical understanding of the space and place of home life. Based on the assumption that the ways in which our home is used, as well as housing practices, depend on social and cultural characteristics, in this chapter we propose to define the culture of the home as a research concept that focuses on the home as a sociocultural practice of housing. The culture of housing as a sociological concept implies housing as an everyday practice in which the home is formed and realized at the

intersection of identity, relationships and meanings through material form, symbolic and cultural capital.

Keywords: *dwelling, house, life, space, place, symbolic capital, cultural capital, Bourdieu.*

Введение

В условиях современных глобальных событий, связанных с пандемией заболевания COVID-19, нахождение за дверью квартиры стало повседневным императивом, изменив символику дома как пространство свободы и уединения в пространство ограничений и беспокойства. Перефразируя П. Кинга [14], нас интересует, что происходит за дверью квартиры. И это все влияет на то, как мы живем и переживаем дом. В социологии жилья, мы используем определение Р. Аткинсона и К. Джейкобса, согласно которому социология жилья исследует «отношения между обществом и отдельными людьми, относящиеся к широкому спектру социальных, экономических и политических явлений, а дом служит посредником в этих отношениях» [4, с. 17]. Это – одно из многих определений социологии жилья, но одно из немногих который включает в себя понятие дома как аспекта жилья. Однако было бы неправильно говорить о том, что не существует литературы, посвященной теоретизированию и исследованию дома, учитывая, что уже в работах членов Чикагской школы мы встречаемся с домом как с ценным элементом жилищных исследований с точки зрения взаимосвязи жилища с социальными ценностями, эстетическими предпочтениями, дизайном и архитектурой [24]. Точнее сказать, что социологические исследования дома редки и настолько переплетены с другими социальными явлениями, что понятие дома как социологической категории исчезло из социологии жилья, к которой он, возможно, должен принадлежать больше всего, и мы встречаем его как часть социологии стилей жизни, социологии вкуса и социологии культуры [17].

В главе основное внимание уделяется теоретическим концепциям жилья, которые определяют дом как пространство воображения, как место, где воспоминания, ностальгия и идеалы переплетаются с рутинной и привычками, образуя вместе повседневную жизнь. Однако современный дом, как и «все другие аспекты общественной жизни», является товаром и продуктом в «обществе потребления» [11]. Использование домашнего пространства, а также жилищная практика зависят от социальных и культурных параметров, при этом жилье – это гораздо больше, чем количественные показатели, стандарты квартир и удовлетворенность квартирой [15]. Неспроста в социологии жилья регулярно преобладают исследования, посвященные патологии жилья, особым социальным групп и жилищной политике [4]. Поэтому жилье, как система, есть чрезвычайно сложный социальный феномен, связанный с городской инфраструктурой, а также экономическим и политическим развитием и

является одним из социальных явлений, которые всегда и постоянно требуют решения, улучшения и никогда не могут быть решены полностью или способом, который удовлетворил бы всех участников. Жилье исследуется в социологии посредством исследования жилищной политики и показателей качества жилья, в то время как другие аспекты жилья находятся на периферии исследовательского интереса. В данной работе мы предлагаем определить культуру жилища как исследовательскую концепцию, в центре внимания которой находится дом как социокультурная практика жилья.

Словосочетание «жилая культура» мы встречаем в архитектуре и антропологии, но в социологическом дискурсе оно не используется ни фразеологически, ни концептуально. Причиной этому является уже упомянутая направленность к макроперспективе жилья, основанной на исследованиях жилищной политики жилищных патологий, где нет места квартире как социальному пространству, в котором разворачивается повседневная жизнь, то есть квартире как пространству воображения. С целью понимания связи между бытом и жильем необходимо ввести понятие обыденности, которое имеет в виду не только регулярность, но и все то, что составляет повседневную жизнь, и то, что касается того, о чем мы на самом деле сознательно не думаем. По словам П. Кинга, мышление о жизни происходит, когда мы «либо слишком полны, либо слишком пусты, в кризисе или в застое», это означало бы, что в повседневной жизни мы часто не осознаем жилья, что делает жилье одновременно банальным и фундаментальным [16, с. 50].

Под жилищной культурой как социологическим понятием мы подразумеваем жизнь как повседневную практику, в которой посредством материальной формы, символического и культурного капитала дом формируется и реализуется как пересечение «индивидуальной идентичности, социальных отношений и собирательный смысл [22].

Статья сосредотачивается на социологии жилища с точки зрения «роли живых людей» в собственном доме. Позиционируя дом как пространственное воображаемое место, в котором происходит повседневная жизнь, не умаляется макроизмерение социологии жилья, которая занимается теорией жилья.

Что есть дом?

На законодательном уровне мы видим, что это субъективная категория, основанная на отношениях между человеком и пространством. На семантическом уровне мы находим различия в языке, когда дело доходит до значения слов «дом» и «квартира». Дом – это термин, который включает в себя как дом, так и квартиру. Слово квартира относится к административному аспекту дома. Статистическое управление определяет дом как структурно связанную единицу, предназначенную для проживания, состоящую из одной или нескольких комнат с

соответствующими вспомогательными помещениями или без подсобных помещений и имеет свой отдельный вход. Даже в разговорной речи слово квартира употребляется при описании функциональности, обустройства или стандарта, при этом при выражении действий, чувств, воспоминаний и связи с жилым пространством почти регулярно употребляется слово дом. Слово «дом» семантически связано с очагом, семьей, защитой и принадлежностью, а также является локальным измерением дома [3]. А. Блант и Р. Даулинг определяют дом «как место и как совокупность чувств/культурных смыслов и отношений между ними» [6, с. 2]. Однако «локализованная идея» открывает возможность того, что дом не обязательно подразумевает фиксированное пространство, более важной характеристикой дома является регулярность, определенный ритм, который оно повторяет во времени, тем самым вводя время в определение дома. Дж. Дуйвендак [10] определяет дом через элементы знакомства, убежища и рая, пытаясь таким образом ответить на вопрос, что значит чувствовать себя как дома [3]. Знакомство предполагает знакомство с конкретным местом, которое можно назвать домом, убежище относится к аспектам безопасности, комфорт, уединение и эксклюзивность дома, а дом как рай имеет дело с символическим и коллективным аспектом дома и не обязательно локализованным. Типология дома, включающая большое количество ранее перечисленных аспектов суммировано Аткинсоном и Джейкобсом [4] на двух уровнях: концептуальном и материальном. На концептуальном уровне мы находим дом как опыт и как репрезентацию, где эмпирическое измерение включает в себя внутренние и субъективные переживания дома, в то время как репрезентация включает культурное, медийное и художественное представление дома. На материальном уровне Аткинсон и Джейкобс говорят об объекте проживания, месте и перформативности, т.е. о практиках дома, где объект подразумевает убежище, место относится к соседству, сообществу и самой местности, в то время как перформативность дома включает в себя различные повседневные жилищные практики, такие как «сделай сам» и приготовление пищи [4, с. 40]. Принимая во внимание вышеизложенное, можно определить дом как концепт, включающий в себя социологические параметры – концептуальные, пространственные, эмоциональные и перформативные, которые контекстуализировались в конкретных социокультурных условиях.

Символический и культурный капитал в социологии жилья

Чтобы понять культуру жилища, мы исходим из того, что пространство дома включает социокультурные артефакты, отмеченные обычаями и порядком дня, а также различными классификациями резидентов [18]. Одинаковость характеризуется временным измерением, в котором переплетаются прошлое и будущее, память и планирование, таким образом создавая ритм жизни, который приводит к

спектру переживаний. Однако если домашние пространства являются продуктом социальных и культурных практик, существуют предрасположенности, влияющие на жилье. Повседневная жизнь наполнена размышлениями о том, как мы живем, о причинах, почему мы так живем, каким образом это определяет нас. В одной из своих фундаментальных концепций, габитусе [2], Пьер Бурдьё исходит из предположения, что «пространство дома присваивается обитателями и его можно интерпретировать как систему предрасположенностей или обычаев, порожденных прошлым опытом» [18, с. 117].

Помимо предрасположенностей, которые берут свое начало в социокультурной среде, влияющей на жилищную практику, еще одним аспектом жилищного строительства повседневной жизни является тот факт, что пространство дома, помимо всего прочего есть материальный объект, который мы используем, трансформируем и адаптируем [7]. Иными словами, все аспекты жилья говорят за арендатора: расположение в городе, архитектура здания, планировка комнат, комфорт... В конце концов, и «куча вещей», которые характеризует каждый дом, хотя часто это одни и те же объекты, расположение, стиль, тип и даже количество вещей раскрывают повседневную практику жилища и отношения, которые устанавливаются с домашним пространством [17]. Началась популяризация дома как материального объекта, через который жилец выражает свою индивидуальность, к тому же с развитием виртуальных социальных сетей, доступ к просмотрам стал глобальным и массовым.

Жилье всегда пропагандировалось средствами массовой информации, начиная с того, что жилье покупается, продажа концепции дома формирует вкусы и продвигает ценности через медиапрезентацию, адаптированную для целевой группы. Варианты кажутся многочисленными, но вопрос в том, какие аспекты имеют значение в повседневной обыденной жизни. Для объяснения спектра разнообразия повседневного жилища мы используем концепции Бурдьё о капитале, прежде всего культурном и символическом, которые подчеркивают взаимосвязь между восприятием дома как пространственного воображаемого и домом как социокультурного артефакта.

Объясняя создание иерархий классов и статусов, анализируя роль различных видов материальных и символических ресурсов, Бурдьё опирается не только на понимание функционирования культурного капитала, его интересует как экономический (финансовый) и социальный (сетевой и межличностный) капитал участвуют в создании социального неравенства. Важно подчеркнуть, что разные виды капитала не представляют собой закрытые системы, они не существуют в вакууме, а переплетаются сложным образом и взаимозависимы.

Культурный капитал, основанный на вкусах, приобретенных в результате образования и социализации, знания, навыки и интересы,

определяет социальное положение, т.е. социальный статус индивидуальный. Согласно Бурдьё, этот тип капитала проявляется в трех измерениях: воплощенный культурный капитал представляет собой знания и навыки, объективированный капитал представляет собой культурные артефакты, которыми мы владеем, например, книги, искусство, одежда и т. д. Будучи институционализированным, культурный капитал относится к формальному образованию, т. е. полученным дипломам, подтверждающим воплощенный капитал. «Вкус, склонность и способность к соответствующей (материальной или символической) классификации, классификации предметов или практик, является порождающей формулой образа жизни, уникальным набором различных предпочтений, выражающих одно и то же экспрессивное намерение в пределах определенной логики каждого из символических подпространств: мебели, одежды, языка или телесного гексиса» [7, с. 173].

Для Бурдьё вкус социально сконструирован и является выражением классового положения, которое в большинстве случаев передается по наследству. Книжки, которые кто-то читает, музыку, которую слушают, пищу, которую едят, мероприятия, которые он посещает, хобби, часть города, в которой он живет, мебель, которую он выбирает, картины на стенах – все это выражения культурного капитала, которым определяется его идентичность, личная, но также социальная и групповая идентичность.

Бурдьё интересовался анализом и попыткой понять роль различных форм капитала в различных социальных сферах и контекстах, в том числе среди прочего и районах проживания. В книге «Социальные структуры экономики». Бурдьё занимается французским рынком жилья и анализирует различных субъектов, действующих в этой области, от государственных учреждений, определяющих жилищную политику, через агентов по недвижимости до застройщиков и пользователей квартир. Основной тезис относится к экономическим принципам, которые участвуют в формировании различных аспектов жилищного строительства. Рынки не являются единственным определяющим фактором, т.е. жилые помещения определяют не только экономические факторы, они также представляют собой своего рода символический капитал, т.е. отражают социальный статус [8].

Если мы не будем рассматривать жилое пространство редуционистски, только как экономическую категорию, а принимая во внимание символические аспекты, т.е. значения, которые мы ей приписываем, то нетрудно интерпретировать одно из наблюдений Бурдьё о том, что в попытке подняться по социальной лестнице, что находит отражение и в выборе дома, представители низов и среднего класса часто ведут себя вопреки рациональной, экономической перспективе, пытаясь построить образ жизни не по средствам. Бурдьё, на основе исследований в контексте Франции восьмидесятых годов, делает вывод, что выбор между покупкой квартиры или дома и найма зависит от

многих факторов: экономического капитала, культурного капитала, демографических переменных, таких как возраст и пол, количество детей, и, прежде всего, от общей структуры капитала, т.е. относительного соотношения экономического и культурного капитала. Так, например, эмпирические данные, представленные в книге «Социальные структуры» показывают, что в группах с большим экономическим капиталом существует гораздо больше тех, кто владеет домом или квартирой, в отличие от некоторых групп с богатым культурным капиталом, но несколько слабее экономического [8].

В контексте размышлений о культурном капитале в рамках жилищного вопроса, Бурдьё выделяет «технический капитал» как особую форму культурного капитала, которая относится ко всем техническим характеристикам и навыкам, необходимым для строительства и обслуживания дома. Бурдьё приписывает этот тип капитала исключительно мужчинам. Критикуя редуционистский подход к анализу роли культурного капитала в сфере быта и жилья, Сильва и Райт [23] предупреждают, что «технический капитал» не является, как Бурдьё предполагает, только капиталом, которым владеют мужчины, а принадлежит и женщинам. И чрезвычайно важный аспект накопления культурного капитала, проявляющийся в творчестве и по эстетическим суждениям о дизайне дома, т.е. по вкусу, он вообще не признается «капитальным». Оформление интерьера, как преимущественно женское занятие, по мнению авторов, представляет добавленную стоимость и, таким образом, прямо и наравне с другими определениями участвует в определении дома как формы капитала.

Грэм-Ханссен и Бек-Даниельсен [13] используют понятие образа жизни, как показатель современной классовой структуры, чтобы указать на социальное расслоение в сфере выбора жилья. На основе качественных исследований они делают вывод, что жилое пространство имеет символическое значение по-разному, размер и расположение дома указывают на положение человека в социальной шкале. Они также находят, как эстетический выбор при украшении дома – выбор мебели, предметов, цветов и т. д. – оказывают больше влияния, чем структурные факторы и указывают на индивидуалистический подход и культурную эмансипацию в создании образа жизни. Взгляд во внутрь дома, в этом исследовании, раскрывает менее структурированное общество позднего модерна, в котором идентичность является вопросом личного выбора, уже не подверженного столь сильному влиянию унаследованного культурного капитала, а устройство дома, особенно для женщин, становится площадкой для развития и самовыражения. Вудворд подчеркивает двойственную природу объектов, найденных в каждом доме, где с одной стороны представляют собой культурный капитал, который указывает или хочет указать на определенный социальный статус, демонстрируя вкус, а с другой стороны, эти же предметы они также имеют частное, психологическое

измерение, которое отражается в роли, которую играют отдельные домохозяйства; предметы дома играют важную роль в построении личности и управлении семейными отношениями [24].

Концептуальные основы культурного жилья в свете концепции повседневной жизни: обыденность, ритм и пространство

Изучение опыта, ритма и значения жилья через концепцию жилищной культуры опирается на теоретические понятия повседневности и обыденности, темпоральности и ритма и культурно-символический капитал. Такой подход к жилищному исследованию позволяет связать названные понятия с целью выявления специфики жилища на микроуровне, ориентируясь, как уже было сказано, на смысл и жизненный опыт.

Быт, обыденность и ритм в жилье

Благодаря сложности устройства системы жилища как права человека и как часть национальной и местной политики, социологических жилищные исследования касаются не столько жилья, сколько части повседневной жизни. Современное общество глобальное, мобильное, сетевое, постоянно меняется, трансформируется и набухает в событийно-информационном переизбытке, ориентируясь на новый опыт и знания. Однако на уровне быта большинство представителей этого современного общества занято рутинной жизнью как таковой, у него есть рутина, по которой оно движется, особо не задумываясь о том, «много ли у нас в жизни или слишком мало, слишком ли мы упускаем это [16, с. 35].

Рутины и привычки – это черта повседневной жизни, обыденность – это то, чем живут люди. Большинство людей не путешествуют в неизвестные места каждый день, они не попадают каждый день в непредвиденные жизненные ситуации, не встречают каждый день много новых людей и не меняют свою жизнь полностью, большинство людей даже не задумываются о причинах или способах, они живут, прагматическими аспектами жизни. Именно эта обыденность, по Кингу, и есть исследовательская концепция, чего не хватает в социологии жилья, поскольку это «невидимая рамка», имеющая свое уникальное значение для всех, кто живет. Несмотря на то, что «все так обыденно», обыденность и повседневность специфичны для каждого человека, обыденная деятельность, в том числе жилищная, воспринимается каждым по-разному, что превращает эти обычные, повседневные привычки и рутину, в способ, которым мы реализуем себя социально, т. е. они имеют ценность, и мы привязываемся к ним. «Повествование жизни» проявляется в пространстве дома через спектр предметов, их расположение и рутины, к которым указывает на наличие, отсутствие или расположение предметов, путей движения в пространстве и ритм повседневной деятельности. Последние свидетельствуют о рутине и привычках жизни, самых обычных, вездесущих, но в то же время разнообразных, более того, неповторимых для всех, тем самым

делая пространство дома случайным фоном повседневной жизни, но эффективным декором и театром действия [16].

Пространство и место дома

Определение и выделение пространства и места как специфических категорий в социальных и гуманитарных науках произвели богатые теоретические и эмпирические изыскания в различных сферах социального бытия. Сложность понятий пространства и места характеризуется дихотомией, объясняющей множество социальных явлений, будь то речь идет о процессах глобализации и урбанизации, производства и трансформации идентичности или с другой стороны, отношении общества и отдельных людей к искусственной и природной среде. «Все, что мы исследуем, помещается; происходит где-то и включает материальные вещи» [12, с. 466]. В море определений пространства и мест, которые созданы за последние сто лет, есть общий знаменатель, начинающийся или заканчивающийся в точке понимания понятия пространства и места по отдельности и в отношениях: пространство и место – это социальные конструкты, которые одновременно являются продуктами и производителями социальных отношений. М. Лев в «Социологии пространства», представляет обзор теоретической концепции пространства, рассматривает конституирование пространства как перформативный акт, который «не является чисто когнитивным актом или феноменом восприятия, а заранее сконструированным явлением и осуществляется посредством институтов, конвенций и дискурсов» [19]. В постмодернистском дискурсе, вернее, в суперсовременности, отношения между пространством и местом усложняются по мере того, как само место динамизируется под влиянием потока информационных и коммуникационных технологий, вызывающих эффект сжатия времени и пространства, в результате чего место утрачивает свою роль известного и статичного и трансформируется либо в не-место, либо – в прогрессивное место, открытое и глобальное, в то время как пространство становится прерывистым и изменчивым. Связь пространства и места через концепцию дома -подход, утверждающий, что «дом является одной из величайших сил интеграции мыслей, воспоминаний и мечтаний», предлагающий анализ топоса, как анализ места интимной жизни, вникая в детали домашнего пространства, описывая материальные и чувственные аспекты, согласно которым мы определяем наше собственное значение дома. Г. Башляр, подчеркивая значение памяти и рефлексии как ключевых аналитических инструментов в анализе топоса, апострофирует пространство, потому что «время перестает ускорять воспоминания» [5, с. 9].

Отличие дома от жилой площади или домашнего хозяйства в литературе часто характеризуют определением дома как места: места эмоций, места ностальгии, места парадокса [9; 20] Дом – это конструкция, которая идеализирована больше, чем другие социальные конструкты, обладает двояким идеалом, потому что он включает в себя физическое

измерение дома, но также и эмпирическое, где дом является местом переживаний, иногда положительных, а часто и отрицательных. Когда дело доходит до дома как пространства, в литературе этот аспект дома признается фактической ситуацией, дом имеет свое собственное пространственное измерение, потому что он является частью застроенной среды. Для Норберга-Шульца «дом – это фиксированная точка, которая превращает окружающую среду в место жительства», но это также и «пространство внутри пространства, повторяющее основные структуры окружающей среды, это пол, земля, потолок – небо, а стены – горизонт» [21, с. 91].

Если подойти к пониманию дома как пространства внутри пространства, а пространство, как было сказано ранее, есть динамическая конструкция, прерывистая и подвижная, дом – это своего рода пространственное воображаемое, исследование которого дает нам представление о социальных отношениях и практиках на микроуровне. Таким образом, современный дом больше похож на пространственное воображение, чем на фиксированное место.

Заключение

Мы думаем о нашей повседневной жизни только тогда, когда ее стабильность нарушается, когда она сбивается с пути повседневной жизни, особенно это касается работы, обычных практиках, таких как жилье. Потому что все где-то живут. Концепция культуры жилья ориентирована на социокультурные практики повседневного жилья, на совокупность действий, движений и занятий в пространстве квартиры, которые одновременно производят и реализует дом. Жилищная культура подразумевает жизнь как повседневную практику, в котором посредством материальной формы повседневного, символического и культурного капитала дом формируется и реализуется как пересечение индивидуальной идентичности, социальных отношений и коллективного значения. Концепция человеческой жизни апострофирует смысл пространства дома, который является не только убежищем, но производит и приспосабливает события и разнообразие. В то же время это пространственное воображаемое со всеми его смыслами и переживаниями реализуется в повседневной жизни как обычное место, где реализуется наша социальная жизнь через межличностные отношения, события и рутинное существование. С другой стороны, жилищная культура подразумевает культуру в самом широком смысле, как дефиницию в системе общепринятых смыслов, ценностей и норм, реализуется через латентные и манифестные функции, где манифестные функции представляют собой реализацию латентных в повседневной жизни.

Концепция жилищной культуры позволяет размышлять о жилье через повседневные практики, имея дело с повседневными, не рефлексивными событиями, такими как повседневная рутина и жизнь в

доме, но также восприятие смысла и опыта жилья, в котором исследуется взаимосвязь культурных и социальных функций жилья.

Список литературы

1. Кугай А.И. Со-воспитательная роль городского пространства в социализации детей: Фламандский опыт / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 203–213.
2. Кугай А.И. Влияние психоанализа на формирование концепции «символического капитала» и «габитуса» Пьера Бурдьё / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 117–126.
3. Кугай А.И. Позитивное развитие молодежи в контексте семейного досуга / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография / гл. ред. Ж.В. Мурзина; Чувашский республиканский институт образования. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 44–52.
4. Atkinson R. and Jacobs K. *House, home and society*. London: Palgrave MacMillan, 2016
5. Bachelard G. *The Poetics of Space*. Beacon Press: Boston. 1950.
6. Blunt A. and Dowling, R. *Home*. London: Routledge, 2006.
7. Wirth L. *On cities and social life: Selected papers*. Chicago, Ill: University of Chicago Press, 1981.
8. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge MA: Harvard University Press, 1984.
9. Bourdieu P. *The social structures of the economy*. Cambridge: Polity, 2005.
10. Cieraad I. *At home: An anthropology of domestic space*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 2006.
11. Duyvendak J. *The politics of home. Belonging and nostalgia in Western Europe and the United States*. In IBR Online. Berlin, Boston, 2009.
12. Flint J. and Rowlands, R. *Commodification, normalisation and intervention: Cultural, social and symbolic capital in housing consumption and governance*. *Journal of Housing and the Built Environment*, 2003. N 18. pp. 213–232.
13. Gieryn T.F. *A space for place in sociology*. *Annual Review of Sociology*, 2000. N 26 (1), pp. 463–496.
14. Gram-Hanssen K. and Bech-Danielsen, C. *House, home and identity from a consumption perspective*. *Housing, Theory and Society*, 2004. N 21 (1). pp. 17–26.
15. King P. *Private Dwelling: Contemplating the Use of Housing*. Hoboken: Taylor and Francis, 2013.
16. King P. *Thinking on Housing: Words, Memories, use*. Routledge, 2017.
17. King P.J. *The common place: the ordinary experience of housing*. Aldershot: Ashgate, 2006.
18. Kusenbach K. and Paulsen, K. (Eds.) *Home: International Perspectives on Culture, Identity, and Belonging*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.
19. Lawrence R.J. *A more human history of houses: Research method and application*, in: Altman, I. and Werner, C. (Eds.). *Home environments*. New York, NY: Plenum, 1985.
20. Löw M. *The sociology of space: Materiality, social structures, and action*. New York, N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012.
21. Mallett S. *Understanding home: a critical review of the literature*. *The Sociological Review*, 2004. N 52, pp. 62–89.
22. Norberg-Schulz C. *The concept of dwelling: On the way to figurative architecture*. New York: Rizzoli, 1993.
23. Short J.R. *Foreword*, in: Cieraad, I. (Ed.). *At Home: An Anthropology of Domestic Space*. Syracuse: Syracuse University Press, 1999.
24. Silva E.B. and Wright D. *Displaying desire and distinction in housing*. *Cultural Sociology*, 2009. N 3 (1), pp. 31–50.
25. Woodward I. *Domestic objects and the taste epiphany: A resource for consumption methodology*. *Journal of Material Culture*, 2001. N 6 (2). pp 115–136.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ЮРИДИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Монография

Коллектив авторов

Главный редактор *Э. В. Фомин*
Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*
Дизайн обложки *Н. В. Фирсова*

Подписано в печать 11.05.2023 г.
Дата выхода издания в свет 16.05.2023 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 10,0. Заказ 1044. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в ООО «Типография «Перфектум»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 52